

МАРИЯ ЗАВОЛОТСКАЯ

Рыжая племянница лекаря

КНИГА ВТОРАЯ

Annotation

Вторая часть истории про рыжую Фейн, решившую спасти прекрасного герцога от злых чар таинственной и безжалостной колдуньи.

Крыс становилось все больше — они появлялись из каждой канавы, из груд отбросов и из щелей под заборами, чтобы присоединиться к своим дворцовым сородичам, которые бежали так быстро, точно позади них бушевал пожар.

Удивительное происшествие испугало многих горожан — я слышала, как визжали женщины, забравшиеся на ступени домов, скамьи и каменные тумбы, отмечавшие перекрестки улиц. Однако попрошайки, чьи бездонные утробы не смогли наполнить даже огромные котлы у дома герцога Таммельнского, со смехом бросали камни в крыс, а затем ловко выуживали оглушенную добычу, запуская руки в самую гущу крысиного потока. Праздники, к которым прилагалась дармовое угощение, в Таммельне случались не так уж часто, и нищие прозорливо запасались едой впрок. Дворцовые крысы и впрямь были куда жирнее прочих, а таммельнская беднота, выбравшаяся нынче из самых грязных трущоб из-за запаха бесплатной похлебки, не отличалась разборчивостью.

Не так просто было испугать и уличных сорванцов, которые и сами были похожи на крысеншей — так ловко и быстро они протискивались в каждую щель, заслышав женские крики и брань. Эти бросали камни в крыс ради забавы, с хохотом следуя за испуганными зверьками. Иногда кто-то из них хватал крысу за хвост и швырял в своих же приятелей, а те в ответ толкали его так, чтобы тот упал туда, где крыс было больше всего: "Сейчас они обгрызут тебе нос и уши!" — кричали они, захлебываясь от восторга. Я решила держаться рядом с ними, чтобы не привлекать лишнего внимания. Мой невысокий рост и бедное платье позволяло мне сойти за свою в этой шумной разномастной компании — там были и девчонки, такие же грязные, крикливые и оборванные, как и мальчишки, и вряд ли кто-то с первого взгляда нашел бы пару отличий между нами.

Боюсь, я не смогла бы никому объяснить, зачем бегу вслед за крысами — быть может, из отчаяния? — но отчего-то мне казалось важным понять, куда направляются подданные господина Казиро. Если им пришлось спасаться бегством из дворца — значило ли это, что и сам хранитель дворца оказался в опасности?.. Крысы не могли ответить мне, но я надеялась на то, что смогу истолковать этот знак верно.

Трущобы, куда привели нас крысы, были мне незнакомы, однако зловонные лужи, горы гниющего мусора и покосившиеся халупы ничем не отличались от таких же нищенских кварталов в других городишках. И при свете дня сюда не стоило совать нос, что уж говорить про вечер — да еще такой хмельной! Повсюду валялись мертвецки упившиеся в честь городского праздника бедняки, и крысы бежали по их телам, словно по очередной гряде отбросов. Прочим обитателям трущоб до полчищ крыс, казалось, точно так жене было дела — ленивыми пинками они сбрасывали грызунов с порогов своих хибар, если те случайно туда взбирались, и бранились сквозь зубы. Должно быть, здесь давно уж свыклись с подобным соседством.

Мой шаг становился все неувереннее, я вертела головой, пытаюсь сообразить, как выбраться из этой грязной дыры, но старалась не отставать слишком уж явно, понимая, что мне нужно держаться при чумазой ребятне. "Ох, не стоило мне забираться в этот бедняцкий угол! — думала я, отбросив на время размышления о колдунье. — Где-то здесь наверняка нашли пристанище и городские разбойники — самое место для норы, в которую не решится сунуть нос и городская стража!".

Темнело быстро, и страх мой усиливался: что, если крысы просто разбегутся во все стороны, вместе с ними растают в сумерках и малолетние бродяжки, и я останусь совсем одна?

Однако этим моим опасениям не суждено было сбыться. Крысы упрямо держались вместе, несмотря на то, что в них непрестанно швыряли камнями и тыкали горящими головешками — повсюду нам попадались догорающие костры, разведенные в честь праздника. Они слаженно двигались вперед, словно точно зная, куда держат путь. Миновав окраину маленького вонючего квартала, бывшего истинной язвой на теле города, мы очутились на краю большого оврага, куда сбрасывали мусор, который не вместили узкие и кривые переулки трущоб. Я услышала, что в криках мальчишек поубавилось веселья, а затем кто-то громко сказал:

— Да они бегут на старое кладбище!

— Старое кладбище! — вразной повторили его приятели, и мне почудился испуг в этих словах, да и хохот поутих.

— Туда им и дорога! — выкрикнул кто-то. — Пусть глодают поганые кости!

— Никак сегодня ночью там шабаш! — отозвался тоненький девчоночий голосок.

— Ведьмы позавидовали сегодняшнему празднику честных людей и затеяли свой! Хотят сговориться и напустить беду на город! Наверняка уже варят похлебку из ужей и старых костей!

— А если мы туда сунемся, то и нас в тот котел бросят! — испуганно пискнули откуда-то у меня из-под ног.

Кто-то засмеялся, но смех тот был натужным и напугал остальных еще больше. Я слыхала от Харля, что старое кладбище пользуется в городе недоброй славой и горожане давно уж не селятся поблизости от него. Проклятым то место стало считаться после того, как добрую сотню лет тому назад одну девицу простого рода, известную своей красотой, полюбил герцог, имени которого нынче уже и не помнили, но прозывали Слостолубцем. Бедная девушка изо всех сил противилась его домогательствам, но герцог пригрозил, что изведет под корень всю ее семью, и у бедняжки не осталось выбора, кроме как уступить.

Вскоре после этого тело красавицы нашли в реке, и все в округе знали, что она утопилась, не снеся бесчестья. Однако герцог объявил, что она утонула случайно, и приказал похоронить ее на кладбище, а не за оградой, как это полагается самоубийцам. Легенда гласила, что смерть девушки всерьез огорчила герцога, ведь он и в самом деле полюбил ее — оттого и пожелал для нее освященной земли, решив, что его воля превышает божеских заповедей. Зоркие глаза горожан углядели, что на пальце у покойницы имелось золотое кольцо искусной работы, и по Таммельну пошли слухи, будто это прощальный подарок Слостолубца, желающего вымолить прощение у погубленной души.

Одни шептались, что негоже было хоронить самоубийцу с почестями, а другие — что покойницам, да еще столь сомнительным, золотые кольца ни к чему. Вскоре несколько разбойников отправились ночью на кладбище, чтобы выкопать гроб и снять прекрасное кольцо с мертвой руки. На следующее утро тела грабителей нашли у разрытой могилы — растерзанные, точно на них напала стая злых волков. Разбитый гроб оказался пуст.

Произошедшее настолько испугало герцога, что он заперся в своих покоях и отказывался отпирать двери даже самым доверенным слугам. Однако на третью ночь после страшного происшествия его нашли мертвым в своей постели, взломав двери из-за тревоги. Когда тело попытались сдвинуть с места, изо рта его полилась вода, точно у утопленника. И

многие говорили, что среди перстней на его холеных руках нашлось то самое, что он надел на палец покойнице.

Однако после этого утопленница не утихомирилась — свежие могилы на кладбище находили разрытыми все чаще, а таммельнцы, жившие неподалеку от кладбища, со страхом ждали ночи: мертвая красавица скреблась под окном и умоляла подарить ей хоть какое-то колечко — ведь она потеряла свое собственное. Но все знали, что стоит только выполнить ее просьбу, как через три дня кольцо вернется к своему прежнему владельцу, вот только он к тому времени будет уже мертвехонек... Вскоре горожане, у которых имелись хоть какие-то деньжата на черный день, отнесли свои сбережения к храму, и главный таммельнский священник согласился отдать часть храмовых земель под новое кладбище, находящееся под защитой богов и их служителей. На старом отныне хоронили своих покойников только самые бедные горожане. Туда же относили тела висельников да всяких разбойников, погибших в пьяных потасовках — их просто швыряли в первую попавшуюся яму — оттого туда повадилось и дикое зверье, и мелкая нежить...

Дядюшка Абсалом, услышав эту историю от Харля, испросил разрешения у господина Огасто на пользование библиотекой, после чего с торжеством продемонстрировал нам книгу в богатом переплете с гербом герцогов Таммельнских — то была летопись здешних владетелей. В ней говорилось, что герцог, прозванный поданными сластолюбивым из-за любви к богатым пирам, умер, подавившись водой, а все иное — домыслы, порожденные народным недовольством, поскольку во времена правления веселого герцога налоги возрастали трижды. "Ну а грабителей тех на кладбище порешили лихие люди, также положившие глаз на кольцо, или что там у девицы той при себе имелось. Столкнулись у могилы, перерезали друг друга, да и придумали все свалить на покойницу — избавились от тела, чтоб никто больше не искал воров, поверив в упырицу!" — решительно подытожил дядюшка. Его порядочно беспокоила любовь будущего пасынка к страшным рассказам, которую он считал признаком излишней живости воображения, ведущей к дурной жизни барда или иного стихоплета.

Харль, разумеется, не сдался и заявил, что из летописи вымарали все, что было неуютно потомкам Сластолюбца — ну а кому же приятно иметь в предках господина, которого утопила какая-то простолюдинка, да еще и мертвая?.. Я слушала ту историю краем уха, и сейчас оставалось только удивляться, как ярко и живо вспомнились мне ее подробности при виде полуразрушенной каменной ограды, возвышавшейся над зарослями кустарника, которым заросла противоположная сторона оврага. Последние яркие лучи солнца падали на ее зубцы, из-за чего те казались кроваво-алыми, как клыки хищника, только что терзавшего свою жертву.

Погрузившись в тревожные размышления, я не заметила, как уставшая ребятня потянулась к кострам, держа в руках по паре-тройке дохлых крыс. У обрыва осталась одна только я. Кто-то, спутав меня со своей подружкой, дернул за мой рукав, но, увидев, что обознался, только сплюнул и пошел прочь.

Страх одиночества на мгновение одолел меня — я подумала, что могу провести эту ночь с бродягами, выдав себя за диковатую крестьянскую девчонку, бог весть как очутившуюся в городе и ничего от испуга не соображающую. Однако за ночью непременно настал бы рассвет, и идти мне было бы все так же некуда. Да и ночлег при трупобах мог оказаться куда опаснее, чем ночь на старом кладбище — живых людей терзает куда больше страстей, чем упырей, которым лишь бы утолить вечный голод...

Я вздохнула, подобрала головешку, брошенную кем-то из ребятишек, и принялась спускаться в овраг, едва различая в сумерках крыс, большая часть которых уже скрылась из виду. При себе у меня имелось несколько тонких лучинок, и я подожгла одну, переборов страх перед кладбищенской нечистью, которая наверняка не пропустила бы мимо глаз одинокий огонек.

Все ужасные истории о кровожадных мертвецах, которые я слышала от Харля, разом вспомнились мне, когда я подошла к старой стене. Она была не слишком высока, и кое-где разрушилась едва ли не до самого основания — мне не составило бы труда ее преодолеть. Крысы привели меня к большому провалу, почти заросшему колючим кустарником, и тут же мне в нос ударило зловоние: за этой оградой находили свое последнее пристанище те покойники, ради которых никто не стал бы копать глубокую яму.

Я повторяла себе, что должна следовать за крысами, но едва нашла в себе силы, чтобы шагнуть вперед.

Старые могильные камни давно уж покосились, а некоторые вовсе упали и раскололись. Повсюду я видела ямы, заросшие дрянной сорной травой и кустарником — то были оскверненные могилы, и я гнала от себя мысли о том, кто же разрыл их. Однако свежие рытвины мне на глаза не попадались — это показалось мне добрым знаком: господин Казиро рассказывал, что даже духи дряхлеют и уходят в небытие — быть может, и та утопленница наконец-то насытилась.

Пару раз я слышала, как с моего пути с глухим рычанием убегают бродячие псы-падальщики, испугавшиеся звуков шагов, и я старательно отводила глаза от тех мест, где они недавно пировали. Крысы, которым повезло добраться до этих мест — их осталось не так уж много — бежали все быстрее, словно предчувствуя близкое завершение своего пути, и я, подобрав юбку, торопилась вслед за ними, задыхаясь от тяжелого запаха, царившего здесь.

Впереди, в сумерках, выступила серая громада. Вначале мне почудилось, что передо мной дом, отчего-то возведенный среди могил, однако тут же я различила грустных каменных дев с разбитыми крыльями, и поняла, что пришла к старому склепу, оставшемуся здесь с тех времен, когда богатые таммельнцы все еще полагали для себя возможным упокоиться в этой земле. Чем ближе я подходила, тем чуднее казались статуи — слишком уж когтисты были их руки, а остатки крыльев точь-в-точь походили на крылья гарпий. Крысы стремились к черному провалу входа, который охраняли изваяния, и я в который раз пожалела, что увязалась за ними — там, в склепе, меня мог ждать злой упырь, изголодавшийся по живой крови.

Тем временем последний длинный крысиный хвост скрылся из виду, и шорох, который издавали проворные лапки, стих. По всей видимости, крысы достигли своей цели, и раз уж я посчитала, что она может оказаться важной и для меня, следовало идти до конца. С опаской косясь на каменные когти дев, я шагнула внутрь склепа, крепко сжимая догорающую лучину в дрожащих пальцах.

Склеп оказался не столь уж обширен, несмотря на свой внушительный внешний вид — я спустилась на несколько ступеней и увидела каменную надгробную плиту, наполовину сдвинутую с положенного ей места. На мгновение мне подумалось, что проклятый покойник выбрался из своего древнего гроба и отправился на поиски добычи, однако я тут же перевела дух: на грязном полу валялось несколько старых костей, а среди мусора скалился череп. Наверняка эту богатую гробницу разграбили в незапамятные времена. Однако, куда же подевались крысы?

Сколько я не прислушивалась — ни один шорох не указывал на то, что здесь осталось хоть что-то живое. Лучина быстро догорала, и я, подгоняемая страхом перед темнотой, приблизилась к гробнице. Конечно же, она была пуста. Однако узоры на ее каменном дне напомнили мне те, что я не раз видала во дворце, когда пользовалась тайными ходами господина Казиро.

Я провела пальцем по знакомым изгибам завитков, а затем нажала на выпуклости, слишком уж сильно походившие на те, что приводили в действие механизм, открывавший потайные двери. Тут же плита под моими руками дрогнула, и с тихим шуршащим звуком ушла в сторону. Я склонилась, опустив руку с лучиной как можно ниже, и увидела ступени, уходящие в темноту. "Провалиться мне на этом месте, — подумала я, пытаюсь унять волнение, — если я не нашла черный ход во владения господина Подземелий!"

Однако вход этот слишком уж походил на разверстую могилу, чтобы я решилась пройти через него без сомнений. В нерешительности я осмотрелась и, поразмыслив, вышвырнула череп из склепа. Верила ли я в рассказы Харля или нет, но покойники, чьи усыпальницы осквернили, вполне могли оказаться мстительными. Кто знает, не соберутся ли вместе старые кости, чтобы сдвинуть каменную плиту на положенное ей место, как только я спущусь вниз?.. А вот и без головы эдакую пакость будет проделать посложнее...

Еще раз со вздохом осмотрев черный провал, я покосилась на куцую лучину, и забралась внутрь бездонной гробницы. Ступени оказались очень крутыми, и я, сделав пару шагов, перестала видеть что либо, кроме каменных стен. Свод был низким и приходилось пригибаться, однако никаких препятствий на моем пути не возникало — я всего лишь была испугана и мои ноги подгибались от усталости.

Спуск показался мне очень долгим, моя лучина едва горела и жгла пальцы, но я боялась зажигать последнюю. "Уж лучше я вернусь, когда эта догорит, — говорила я себе. — Подняться я могу и в темноте, а подземный лабиринт слишком велик, чтобы забираться в его глубины всего-то с одной жалкой щепкой. Я заблужусь в переходах и погибну от голода и от жажды в этой непроглядной душной тьме". Мне было невдомек, что именно я ищу, однако в душе я надеялась, что найду это где-то неподалеку, ведь путешествовать во владениях господина Подземелий без проводника не смог бы и самый премудрый человек.

Но коридор был пуст и тих — ничего не указывало на то, куда подевались крысы. Крохотный огонек дрогнул на прощание, и я, зашипев от боли, уронила огарок. "Все без толку! — подумалось мне. — Я зря пришла сюда! Никто не ждет меня здесь, внизу, а вот на кладбище я непременно повстречаю злобного червивого покойника, вылезшего из своей могилы, чтобы отомстить за свое недостойное погребение. Или же костлявого упыря, которому надоела здешняя тухлятина!". От мыслей этих я затряслась, как осиновый лист на ветру — нежити я боялась еще больше, чем нечистой силы и колдунов.

Однако, стоило моим глазам привыкнуть к темноте, как я заметила впереди отблески зеленоватого свечения, которое было мне хорошо знакомо.

— Мертвый огонек! — прошептала я, чтобы приободрить саму себя. — Где он, там и господин Казиро! К кому, как не к нему, торопились крысы?.. Уж он-то не откажется мне помочь!

И я продолжила свой путь вниз, нашаривая ногой ступени и цепляясь рукой за стену, покрытую липкой плесенью.

Свет впереди становился все ярче, так что я стала различать даже щели между старыми камнями. Хоть здесь царил промозглый холод, на мгновение мне показалось, что груди моей

коснулось что-то согревающее — я наконец-то шла к старому другу, которого узнала еще до того, как стала беглянкой, не имеющей и самого грязного угла, где можно было бы затаиться и перевести дух...

Но открывшееся моим глазам зрелище заставило мое сердце сжаться от тоски и страха. Да, я нашла господина Казиро, однако вовсе не так я представляла нашу встречу... Дух-хранитель дворца, исхудавший и почерневший лицом, лежал на холодных камнях, едва заметно дыша, а немногочисленные крысы, сумевшие сюда добраться, пытались согреть его, прижимаясь к его рукам и ногам. Фонарь с мертвым огоньком держала одна из тех огромных крыс, что обычно следовали по пятам за господином дворца — но сейчас было видно, что ее скрюченные лапки едва выносят тяжесть светильника. Другой фонарщик лежал чуть поодаль, рядом с разбитым фонарем, и я сразу же поняла, что он мертв.

Заслышав мои шаги, слуга господина Казиро вздрогнул, едва не уронив мертвый огонек, а крысы жалобно запищали — многие их собратья сегодня погибли, и они, конечно же, были смертельно напуганы, — но не покинули своего повелителя.

— Не бойтесь, — мой голос дрожал. — Это я, Фейнелла... Я не причиню вам вреда!

Веки господина Казиро дрогнули, и он с трудом повернул голову в мою сторону.

— Ты жива, — едва слышно произнес он. — Она еще не нашла тебя...

— Ох, господин Казиро! — я упала рядом с ним на колени и сжала его руку. — Что с вами сотворила проклятая ведьма? Ведь это... это из-за меня? Это я вас погубила...

— Я был хранителем дворца, — мне с трудом удавалось различить слова, ведь дух с трудом размыкал спекшиеся губы, когда-то казавшиеся мне уродливыми. — Я должен был беречь его от осквернения, и поступил так, как мне полагалось по праву. Ты ни в чем не виновата. Напротив, я благодарен тебе за то, что ты помогла мне...

— Но я навлекла на вас эту беду... — я не смогла сдержать слезы. — Если бы я не выпустила демона...

— Беда всегда приходит вместе с чародеями, — ответил мне господин Казиро, и мне показалось, что он при этом попытался погладить мою ладонь. — Раз уж в этих краях объявилась ведьма — это не могло закончиться добром...

От неловкого движения одна из монеток, покрывавших тело духа-хранителя, упала на камень, но вместо того, чтобы зазвенеть и покатиться — рассыпалась в черную пыль. Я поняла, что это значит, и вновь на моих глазах закипели слезы.

— Вы умираете... — я не могла отвести взгляд от оставшихся монет, и мне казалось, что их осталось совсем немного. — Но... но, вы ведь говорили, что сможете переродиться? Вы сможете, ведь правда?

— Не знаю, — спокойно ответил господин Казиро, прикрыв глаза. — Я теперь не господин золота, но господин меди. Медь не так сильна... И ее мне жертвовали нечасто в последние годы...

Я торопливо принялась рыться в сумке, и несколько кривых скойцев, которые в ней нашлись, я тут же положила в ледяную руку духа.

— Вот, — произнесла я, захлебываясь от волнения. — Я жертвую вам все, что у меня есть в знак моего уважения к вашей власти. Я верю в то, что этому дворцу нужен ночной господин, покровитель крыс, ночных мотыльков, сов и летучих мышей! Вернитесь в новом обличье, я очень вас прошу...

— Благодарю, — отозвался господин Казиро и слабо усмехнулся. — Ты не из моих подданных, но всегда будешь желанной гостьей в старой башне... если когда-нибудь я сам

смогу туда вернуться...

— Но что произошло? — мне было жаль терзать измученного духа вопросами, однако никому другому задать их я все равно бы не смогла. — Ведьма узнала, что демон сбежал? Она спустилась в подземелье?

— Да, — ответил умирающий дух, и оскаленные зубы его скрипнули. — Не найдя своего пленника, она поклялась уничтожить тех, кто помог ему уйти. Злоба ведьмы была холодна, как осколок льда. Она приказала разрушить стену, затем прогнала прочь своих слуг и ползала в своем парчовом платье по грязи и нечистотам, вынюхивая колдовство, которое помогло раздвинуть стены и открыть двери, которых не существует. А когда она поняла, что ее враги — старые духи дворца, то решила, что выпытает у нас, чьей кровью до сих пор пахнет в подземелье... Колдунья чует, что кто-то расплатился за демона, и не остановится, пока не найдет тебя...

— Мне так жаль, — повторяла я монотонно, не зная, что еще сказать. — Ох, как же мне жаль...

— Я не покорился ей, — сказал господин Казиро, взгляд которого прояснился, и в нем мелькнуло что-то похожее на гордость. — Чародейка очень сильна — я не видал еще столь одаренных магически смертных. Но я выстоял и не вышел к ней, как ни был страшен ее зов. Она была в ярости, и потеряла голову. Та, что одарена сверх меры магическим даром, в той же мере испорчена им... Есть ли у тебя знакомые чародеи?..

Я пробормотала, что на ярмарках видала несколько раз магов, заставлявших пропадать шелудивых кошек в черных ящиках, но не уверена, что в тех ящиках не было двойного дна.

Господин Казиро рассмеялся — точнее говоря, его тело содрогнулось, а во впалой груди что-то забулькало и захрипело.

— Человеку обычно не свойственны способности к колдовству, — сказал он, после того, как его дыхание восстановилось. — Слишком коротка его жизнь, слишком жаден и переменчив ум. Но бывает так, что звезды сходятся и одаривают смертного волшебными умениями. Несовершенный ум не в силах верно управлять даром, и оттого все чародеи — запомни это! — безумны, пусть даже это не всегда заметно глазу. Чародейский талант проявляется в людях рано — в ту пору, когда они подвержены самым низким страстям, и еще ни один маг не сумел отказаться от своей дурной стороны, бесконечно продля юность со всеми свойственными ей пороками... Чем дольше они живут — тем больше они становятся похожи на злых, испорченных детей, помнящих даже самую незначительную обиду и не ценящих добро... В минувшие времена они не смели бросать вызов нам, высшим существам, но сейчас мы ослабели, а чародеи — те немногие, что остались живы — стали хитрее, злее и научились подолгу копить свои силы...

— Ей нужно копить силу? — мне показалось, что последние слова господин Казиро произнес с особым чувством.

— Даже старый жалкий дух полуразрушенного дворца — не такой уж слабый противник, — господин Казиро вновь захрипел и оскалился. — Она истратила на меня почти все свои запасы магии, оставив при себе лишь личину да ложную тень... У тебя есть возможность сбежать, раз уж ты выскользнула из ее когтей. Ведьма некоторое время будет бессильна, ей едва достанет магии на то, чтобы поддерживать старые заклятия и удерживать в узде своих чудовищ, желающих крови...

Я поежилась, вновь вспомнив гарпий. Сколько же тайных слуг привела с собой в Таммельн колдунья?

— Мы не покорились ей... — прошептал дух-хранитель, ослабев после долгой речи. Несколько монеток с тихим шорохом превратились в черную пыль, напомнившую мне о пыльце с крыльев ночных бабочек.

— Вы... — я вдруг поняла, о ком говорит господин Казиро. — Господин Подземелий! Что с ним?

— Он был куда старше меня... — тихо промолвил дворцовый дух. — И давно готовился уйти в небытие. Это была славная смерть — куда лучше угасания в бездонном колодце. Его владения давно пришли в запустение, подданные умерли, и вся казна состояла из той золотой кроны, что ты ему заплатила за встречу. Теперь эти подземелья — ничейное королевство забвения, и мне некого благодарить за убежище, где я смогу достойно встретить перерождение... или смерть...

— Вы переродитесь, я уверена! — с горячностью воскликнула я. — Люди все еще почитают вас, пусть даже и втайне. Мой приятель Харль знает о вас добрый десяток историй, одна другой страшнее, и уверен, что вы воруете у него медные пуговицы. Кухарки всегда отправляют первую ложку супа в мисочку у очага, хоть и делают вид, что это для кошек. А старый привратник — я сама слышала! — каждый раз, когда у него спрашивают, как обстоят дела во дворце, отвечает: «Хвала ночному господину, беды обходят нас стороной!».

— Но моя память, мои знания остались там, в камнях, из которых сложены стены дворца... — грустно ответил господин Казиро. — И даже если я обрету новое тело, то останусь безымянным духом-бродягой до той поры, пока не вернусь во дворец. Чародейка изгнала меня, и пока заклятия, закрывшие передо мной входы во дворец, действуют — мне не вернуть мой разум...

Совершив над собой усилие, я спросила:

— А кровь... кровь может помочь вам?

— Даже если и могла бы — я бы не принял эту помощь, — глаза господина Казиро сверкнули, точно гнев придал ему сил. — Ты уже знаешь, как опасна эта магия! Не вздумай когда-либо расплатиться с кем-то кровью! И прежде чем бросаться громкими словами, хорошенько подумай, скольких друзей ты оставишь в беде, если погубишь себя. Ты человек и должна прежде всего думать о своих сородичах!

— Но вы...

— Право на перерождение я должен оплатить из собственной казны! — отрезал старый дух-хранитель, и его костлявая рука сжалась в кулак. — Иначе как я докажу свое право на власть во дворце? Я — дух места, и наследую свою же власть честно!

— Вам понадобятся силы и после перерождения, — упрямо возразила я, хоть уже поняла, что господин Казиро не возьмет мою кровь.

— После перерождения я тебя не вспомню, — отозвался он, вновь закрыв глаза и обмякнув. — Пока я не вернусь во дворец, у меня не будет имени и предназначения...

— Вы вернетесь, конечно же! — злость перемешивалась с отчаянием, и я с трудом подбирала слова. — Ведьма уберется отсюда подобру-поздорову, да и живут духи дольше даже самых лучших чародеев...

— Некоторые перемены нельзя обратить вспять, — прошептал дух. — Чем дольше я буду существовать вне своих прежних владений, тем слабее будет моя связь с дворцом, и вскоре моя тяга к древним камням ослабеет. Если эта связь разорвется — ее уже не восстановить, и я навсегда останусь безымянным духом-скитальцем, не помнящим ничего из

прежних времен.

— Этого не случится! — о, как бы я хотела верить в свои слова. — Я найду способ прогнать ведьму! Сколько зла она сотворила... Зло не должно побеждать!

— Хорошо, что ты в это веришь, — промолвил господин Казиро. — Но куда ты собираешься идти?

— Не знаю, — я обхватила руками свои колени и уткнулась в них носом, враз растеряв весь свой пыл. — Сестра господина Огасто ничего не сказала мне, кроме того, что на портрете в библиотеке изображена вовсе не госпожа Вейдена. Быть может, нужно сказать об этом Его Светлости и он, вспомнив что-то из прошлого, сумеет побороть чары?.. Или же портрет нужно сжечь? Вдруг в нем сосредоточена черная магия?

— Я помню ту картину, — сказал после некоторого размышления дух. — В ней нет магии. Если в ней и сокрыта какая-то тайна, то она не колдовской природы.

— Тайна без колдовства мне более по нраву, чем чародейские штучки, — сказала я, потерев нос. — Я-то и в буквах порой путаюсь, что уж говорить о заклинаниях!..

Тут я задумалась, пытаюсь сообразить, какую пользу извлечь из приоткрывшейся мне загадки, да так, чтобы при этом не распрощаться с жизнью. Мои внутренности громко заурчали от голода, и я со вздохом похлопала себя по пустому брюху. Сейчас бы, наверное, мне пришлось по вкусу жареная на углях крыса, однако зверьки так жалобно жались к своему господину и так доверчиво смотрели на меня, что я отогнала недобрые мысли.

«Быть может, стоит попытаться счастья у тех костров, что я видела на околице? — подумала я, окидывая взглядом голые каменные стены и своды. — От иных праздников остаются отменные обеды!». Мне начинало казаться, что господин Казиро тяготеет моим присутствием, да и я, признаться, побаивалась оставаться рядом с ним в пору перерождения. Мир духов был чужим для людей, и я хорошо усвоила то, как опасно следовать древним обычаям, главную суть которых составляли сила золота и сила крови. Но и нарушать их не стоило. Самым разумным выбором представлялось просто держаться подальше от тайных дел высших созданий, при том проявляя в меру своих скромных возможностей уважение к их пожеланиям.

— Если я ничем не могу помочь вам, — обратилась я к господину Казиро, еще раз коснувшись холодной худой руки, — то мне, наверное, стоит оставить вас наедине с вашими подданными... Сдается мне, то, что здесь вскорости произойдет, не годится для человеческих глаз.

Господин Казиро оскалил свои мелкие клыки, улыбаясь в знак того, что я верно все говорю, однако в выражении его лица я увидела признаки беспокойства, заставившего меня решиться на последнюю просьбу, казавшуюся мне одновременно и дерзкой, и глупой, и необходимой.

— Я бы хотела спросить у вас еще кое-что... — побормотала я, смутившись куда сильнее, чем сама того ожидала.

— Что ты хочешь знать? — видимо, что-то в моем голосе встревожило господина Казиро, в глубине огромных зрачков которого я заметила мерцание странных отблесков, напоминавших рябь на воде.

— Может ли демон переродиться в человека? — выпалила я торопливо, освобождая свой ум от порядочно измучившего меня вопроса. — Знаете ли вы, что на самом деле произошло с Рекхе после того, как он освободился? Точно ли он умер? Вы говорили, что мне стоит опасаться людей, внезапно оказавшихся на моем пути...

— Ты встретила кого-то, кто вызвал твои подозрения? — я видела, что господин Казиро говорит со мной из последних сил, но не могла уйти без ответа на свой вопрос.

— Да! — я говорила сбивчиво, враз позабыв обо всем том, что собиралась рассказать духу-хранителю, когда еще не знала, как печальна будет наша встреча. — Он помог мне спастись от разбойников, затем проводил в монастырь, а еще — уберег от гарпии... Но у него есть тень! И кровь, как у человека, я видела ее! А гарпия сказала, что в нем нет магии... Когда я сказала, что разгадала его вранье, он только посмеялся и не отвечал прямо ни на один мой вопрос! Отчего так?

— Значит, господин Подземелий посчитал, что это принесет больше пользы, чем вреда... — прошептал дух, закрыв глаза и обращаясь более к самому себе, чем ко мне. — Когда-то он был мудр, но после долгого сна и одиночества любой ум мутится, и ошибиться может любой...

— Что сделал подземный господин? — я вздрогнула, вновь вспомнив то страшное приключение в заброшенном древнем колодце. Хоть ночи подземного духа и оборвались, но я все равно боялась даже мыслей о нем.

— Если он сказал, что берет с тебя двойную плату из-за демона, — все тише шептал господин Казиро, — то часть твоей крови он наверняка отдал темному существу, чтобы оно переродилось в человека — исцелить свое истинное тело демон не смог бы... Господин Подземелий не был настолько жаден до крови, чтобы обойтись с тобой жестоко ради собственной нужды. Но я не верил, что демон воспользуется его даром...

— Почему? — я наклонилась над слабеющим господином Казиро. — Ведь жизнь всегда лучше смерти...

— Жизнь человека презренна для высших существ, — дух говорил коротко и отрывисто, сберегая остатки сил и не пытаясь смягчить смысл сказанного. — Ваша жизнь коротка, ум темен и низок... И даже добро, что проявляется иногда в людях, похожих на тебя, не искупает низменности человеческого существования... Хотела бы ты превратиться в одну из моих крыс? Сменить человеческие обычаи на крысиные? Черная крыса видит всего одну весну, одно лето, одну осень и одну зиму — кажется ли тебе это долгим сроком? Ради чего ты решила бы прибавить к сроку своей жизни эти мизерные дни?

— Ради мести... — глухо промолвила я.

— Но крыса еще и слаба... Разве ей дано отомстить обидчику, который остался в прежней силе? Человеческая жизнь — вовсе не то, ради чего демон способен нарушить клятву чести. А ведь он поклялся никогда не прибегать к магии, ты сама говорила об этом. Будучи полукровкой, право принадлежать к роду темных духов он оплатил ценой священных зарок — и потерял его безвозвратно... Потерять даже честь, получив взамен жизнь, которая вызывает лишь презрение... Прежняя тюрьма в его глазах была менее грязна и позорна, чем человеческое тело.

Я вспомнила, как Рекхе говорил о своем долге перед семьей и о том, как сожалеет, что стал орудием, направленным против его же собственного рода. Он считал, что этот позор можно искупить только собственной смертью, но, выходит, прибавил к нему еще и отступничество...

— Он был когда-то человеком... — неуверенно промолвила я, и мне вдруг показалось, что я вижу перед своими ногами узкую, но бездонную трещину, ведущую в какое-то мрачное царство отчаяния и кошмаров. — Быть может, для него не столь уж невозможно смириться с изменением собственной сущности. И человеческая жизнь не покажется тому, кто ощущает

себя человеком, короткой, унижительной и бессмысленной...

— Его жизнь не будет долгой даже по человеческим меркам, — перебил меня господин Казиро со вздохом сожаления. — И в этом кроется главная опасность для тебя...

— О чем это вы? — я уставилась на духа, предчувствуя еще более неприятные откровения.

— Превращение в человека не является истинным перерождением для темного духа, — объяснения давались с трудом господину Казиро, и я понимала, что дело даже не в упадке сил духа, а в том, что ему приходится открывать мне то, о чем людям знать не полагалось. — Я говорил, что на истинное перерождение ему не достанет сил. Однако сущность демона может вселиться в бездушное человеческое тело — и на это сил у него достало бы благодаря твоей крови... То, что случается потом с человеческим телом на вашем языке называется одержимостью. Наверняка ты слыхала, как говорят о самых жестоких убийцах — «в них словно демон вселился». Иногда это — истинная правда. Сущность демона чужда природе человеческого тела, и оно отторгает ее, как чудовищную занозу. Случаи, когда демоны решались вселиться в тела людей, крайне редки, однако все они заканчивались одинаково: человек, одержимый демоном, вскоре начинал убивать, поскольку только это могло уменьшить внутреннюю боль, терзающую обреченное изначально существо. Остановиться он не мог, как не может остановиться бешеная собака, не различающая кто перед ней... Неутолимую жажду убийства пресекала только окончательная смерть, после которой не оставалось возможности истинного перерождения.

— То есть, если Хорвек... тот человек, что помог мне... в прошлом был демоном, то вскоре он забудет обо всем, сойдет с ума, и начнет убивать? — отчего-то меня охватила жалость, несравнимая даже с тем чувством, что я испытывала при виде безумия Огасто, ведь я так хорошо помнила ясный и спокойный взгляд Хорвека. — И когда он погибнет, то это будет... настоящая смерть?

— Именно так, — прошелестел голос духа. — А первой от его рук умрешь ты, если станешь его спутницей.

Я промолчала, но упрямо засопела в знак несогласия — в тихом и насмешливом Хорвеке совсем не было злобы и я не чувствовала опасности, находясь рядом с ним. Он не был похож на убийцу!

— Если твой новый друг был когда-то демоном из подземелья, — господин Казиро без труда разгадал мое молчание, — то прежде чем ручаться за него, поразмысли о том, как ему удалось обзавестись человеческим обликом...

— Вы хотите сказать, что он убил того бродягу? — тихо спросила я, сгорбившись. — Просто потому, что ему было нужно тело?

И от этой страшной мысли мне стало холодно и одиноко. И впрямь, откуда у демона взяться жалости к людям? Он давно уже отрекся от человеческой своей части и научился презрению к смертному племени. Если наши жизни в его глазах были тем же, чем в моих глазах было крысиное существование, то стоило ли удивляться тому, что он отнимал эти жизни, если считал это сколько-нибудь необходимым для себя...

Дух наверняка заметил, как я испугана и огорчена, и сказал:

— Был и другой способ... Он тоже не придется тебе по нраву, но лучше знать как можно больше об одержимости, если уж рядом с тобой появился странный человек.

— Что же это за способ? — мне отчаянно не хотелось узнавать еще какие-то мерзкие подробности из обычаев демонов, но я понимала, что брести вслепую среди сплошного

обмана и черного колдовства крайне глупо.

— Ты ведь знаешь, куда ведет этот ход, раз пришла по нему? — ответил вопросом на вопрос господин Казиро. — Старое кладбище... Если господин Подземелий вывел демона этим путем, то темное существо могло найти здесь мертвое тело, которое показалось ему подходящим. Возможно, демону не пришлось убивать...

— Гарпия говорила, что кровь Хорвека плоха, как вода из сточной канавы, — вспомнила я. — И еще он почти ничего не ест!

— Да, мертвая кровь, еще не успевшая как следует согреться, не по вкусу колдовским созданиям, — скривился дух-хранитель, у которого вызывал очевидное отвращение наш разговор об истинном и ложном перерождении злых духов. — Что до еды... Демон отказывается от человеческой пищи, поддерживая силы в новом теле остатками своей магии для того, чтобы отсрочить приход безумия. Но ты, кажется, говорила, что колдовских сил в нем не осталось, и, значит, вскоре ему придется поддаться естественным человеческим желанием. Чем больше в нем будет человеческого — тем ближе тот миг, когда разум его помутится. Он был когда-то человеком... Но я не знаю, поможет ли это ему сейчас или же ускорит гибель. Стоит ли удивляться тому, что он не желал отвечать на твои вопросы?..

— Но он мог хотя бы... — начала я и осеклась. Если господин Казиро был прав, то Хорвеку-Рекхе и впрямь было нечего мне сказать.

— Зачем же он это сделал? — пробормотала я сквозь зубы, чувствуя, как нарастает во мне злость, ведь то, что я считала добрым поступком, вдруг оказалось тяжким грузом, который покорно принял на себя демон, расплачиваясь за мою ошибку. — Отчего не поступил так, как полагалось по его темному закону? Если человеческая судьба для него унижительна, мучительна и коротка — что заставило его выбрать ее?

— Кто знает... — прошелестел голос господина Казиро. — Мне думалось, что он не решится на это. Господин Подземелий считал иначе. Быть может, он надеялся, что демон захочет отблагодарить тебя за помощь, и успеет это сделать до того, как...

— Он успел, — я говорила едва ли не тише слабеющего духа. — И, должно быть, посчитал, что отдал свой долг. Вот отчего он торопился попроситься... Я больше не увижу его, господин Казиро.

— Не будь в этом уверена, — ответил он после недолгого молчания. — Демон нынче не хозяин себе, и до того, как борьбу проиграют обе части его новой сущности, ему придется не раз удивиться собственным поступкам.

Услышанное должно было меня встревожить, однако отчего-то отозвалось в душе волнением, весьма схожим с надеждой. Одиночество в ту пору пугало меня куда сильнее, чем опасность, которая, к тому же, почти сразу начала казаться мне чем-то вроде сказок Харля. «Кто знает, правдивы ли слова господина Казиро? — подумала я. — Рекхе был полукровкой, а Хорвек не выказывал никакой склонности к бессмысленной жестокости... Да и много ли может знать домовый дух о демонах? Я не помню даже имен своих троюродных сестер и братьев, хоть и слыхала, конечно же, что многие из них лентяи и пьяницы. Они же все считают, что я — ведьма с дурным глазом. Быть может, и домовые духи пересказывают друг другу такие же сплетни о своих темных сородичах. Они, поди, даже в троюродном родстве не состоят по человеческим-то меркам!».

Успокоив себя таким простодушным образом, я вновь попрощалась с господином Казиро, который все более явно впадал в состояние, сходное с сонным оцепенением, и собралась уходить. Крыса-фонарщик внезапно шевельнулась и поманила меня неуверенным

жестом — до сих пор доверенные слуги духа-хранителя дворца не оказывали мне подобных знаков внимания. Я склонилась над странным существом, впервые заметив, как мало внешних различий между ним и господином Казиро — и поняла, что фонарщик предлагает мне зажечь мою последнюю лучину от мертвого огня.

Я приняла эту милость с благодарностью — самой лучины бы мне не хватило для того, чтобы покинуть кладбище, а мертвый огонь, как мне казалось, позволил бы мне сойти за свою среди местных духов и призраков. Господин Казиро как-то говаривал, что мертвое пламя — верное средство от заложных покойников, а они, судя по рассказам знающих людей, бывали презлющими — куда злее обиженных дев-утопленниц!.. Напоследок я оглянулась — ничего не переменилось: дух-хранитель неподвижно лежал, облепленный крысами, и фонарь зеленовато мерцал, перемигиваясь с огоньком, пляшущим на кончике лучины.

Поднявшись по ступеням, я с облегчением убедилась, что ни одному злокозненному беспокойному мертвецу не пришло в голову сдвинуть крышку гробницы обратно на место. Я, опустив руку с лучиной пониже, чтобы не выдать себя, некоторое время настороженно прислушивалась — не гремят ли где-то поблизости старые кости, не лязгают ли почерневшие зубы, но слышала только далекий собачий вой, перекликавшийся с урчанием, который издавал мой пустой живот. Голод прибавил мне храбрости, как это обычно и бывает с людьми простого сословия и неглубокого ума. Я выбралась из гробницы и направилась к выходу из склепа — в темном проеме арки виднелось ясное звездное небо, казавшееся странно чистым среди всего здешнего запустения, пропитанного нестерпимым смрадом.

Последние дни научили меня осторожности — я, согнувшись в три погибели, подползла к порогу, опасливо прикрывая огонек ладонью, и вгляделась в ночную тьму. Неясный лунный свет пробивался сквозь ветви деревьев и я угадывала очертания покосившихся надгробий. Тут мне показалось, что между двумя пригорками мелькнула какая-то стремительная тень. Быть может, то ветер качнул ветки, или же ночная птица пролетела над могилами, но я тут же отпрянула в сторону, и вжалась в каменный пол. Ужас сковал мои мысли, и единственное, на что я оказалась способна в ту минуту — так это на сбивчивые просьбы, обращенные ко всем богам разом: я просила их о том, чтобы то хищное, опасное движение среди полос лунного света мне почудилось. Но в темноте уж блеснули два алых огонька, и до меня донеслось глухое протяжное ворчание. Вот луна бросила отблеск на серую шерсть, на уродливую длинную морду... Я уже различила, что это не одичавшая собака и даже не волк — хоть размером оно и походило на обычных обитателей здешних кладбищенских угодий — и губы мои предательски задрожали.

Чудовище, мягко ступая, принюхивалось, поворачивая свою неестественно вытянутую голову то вправо, то влево, и я слышала, как шумно и жадно оно дышит, пытаюсь уловить заинтересовавший его запах. Острые уши чутко ловили каждый звук, и я понимала, что могу выдать себя малейшим шорохом. Но склеп был негодным укрытием — здесь давно не имелось решеток, ни на окнах, ни на дверях, — и глупо было рассчитывать на защиту этих стен.

Как можно тише я начала отползать обратно к гробнице, которая могла спрятать меня, как недавно — бедных крыс господина Казиро. О, как я хотела сейчас затушить мертвый огонек! Но его не получилось бы попросту задуть, да и прикрывать его ладонью было опасно — я хорошо помнила, что говорил мне когда-то дворцовый дух о сухой гангрене,

поражающей тех, кто ожегся зеленым пламенем. Оставалось надеяться, что зеленые отблески не так уж заметны со стороны.

Чудовище, тем временем, все так же плавно скользило между могил в поисках чего-то, так живо его заинтересовавшего. Я увидела, как оно замерло, изогнув спину, а затем глухо и довольно заурчало, уткнув нос куда-то в землю.

«Дьявольщина, да оно нашло череп, который я вышвырнула отсюда, и почуяло на нем мой запах!» — сообразила я. Времени у меня осталось в обрез, и я, уже не заботясь о шуме, который произвожу, ринулась к гробнице, умоляя высшие силы о том, чтобы старый механизм не заклинило. Но торопливость сослужила мне дурную службу — не успела я склониться над гробницей, как услышала низкий утробный рык совсем рядом: ужасное существо уже было здесь, и нас разделял лишь каменный постамент гробницы.

Должно быть, мне полагалось в тот момент оторопело глазеть на страшные острые зубы, виднеющиеся в приоткрытой слюнявой пасти, или же уставиться на кривые когти, наверняка способные единым махом вспороть мне живот. Но мое внимание привлекло совсем другое: на шее мерзкой твари имелся ошейник, точно у обычной собаки! Я слышала лишь об одном человеке в городе, который годился бы во владельцы подобному исчадию ада, и мысль о колдунье внезапно прибавила мне самообладания.

— Лети, огонек, — быстро прошептала я, поднеся к губам лучину, и мысленно прибавила: «Сослужи добрую службу своему бывшему господину!». В тот миг, когда жуткая колдовская тварь метнулась ко мне, я изо всех сил дунула на лучину, отчаянно надеясь на то, что магия господина Казиро подчинится моей воле — ведь я не только спасала себя, но и мстила за изгнанного из своих законных владений духа-хранителя двorca.

Вихрь зеленых искр взметнулся над гробницей, и я, неловко отшатнувшись, покатила в сторону, пытаясь увернуться от мельчайшего колдовства, рассеявшегося в воздухе. Но духов мертвый огонь и впрямь обладал разумом — пощадив меня, он точно рой диких разъяренных пчел вцепился в слугу колдуньи, и чудовище истошно взвыло, объятые языками холодного пламени. Одним прыжком оно скрылось во тьме, и я, к своему ужасу, услышала, как на его вой откликнулся другой такой же голос: тварь рыскала здесь не одна.

Теперь уж не задумываясь, я нырнула в черный провал гробницы, и скатилась по ступеням в полной темноте, в мыслях горячо благословляя гостеприимные ко мне владения покойного ныне господина Подземелий. От ударов о камень из глаз у меня летели искры почище тех, что подпалили шерсть чародейской ищейке. Я не успела даже как следует поразмыслить над тем, что отправляться в гости к духам — отнюдь не то же самое, что навещать свою престарелую тетушку, дом которой всегда оказывается ровно на том же месте, что и раньше, а сама старушка и подавно никуда не исчезает. Если один раз я нашла здесь господина Казиро, то это вовсе не означало, что и во второй раз я удостоюсь чести повстречаться с ним. Конечно же, вольные духи показывались только тогда, когда желали этого, и я, замерев в темноте, принялась жалобно звать:

— Господин Казиро! Добрый господин Казиро! Не бросайте меня здесь одну! Я вовсе не желаю вам помешать нынче ночью, но мне негде больше спрятаться, а одной здесь так страшно...

«Что если дух-хранитель уже переродился? — одна тревожная мысль сменяла другую, пока я ползла вниз по ступенькам, ничего не видя перед собой. — Он говорил, что тут же забудет меня... Есть ли какой-либо прок в том, чтобы идти дальше? Я не могу похоронить себя в чужой могиле навечно! Остановись, Фейн, этот путь никуда не ведет. Единственное,

что можно выгадать здесь — несколько часов отдыха, а затем нужно уходить, дождавшись восхода солнца. Колдовские создания не охотятся при свете дня...»

И я замерла, привалившись к холодной стене. От усталости, страха и голода все мое тело тряслось, словно в лихорадке. Мне казалось, что я нипочем не засну, но в какой-то момент тяжкая муторная дремота одолела мое измученное сознание, и под тяжестью непроглядной душной тьмы мои веки опустились. Время для меня потекло вовсе не так, как обычно, и я не знала, сколько проспала, прежде чем услышала слабый голос господина Казиро:

— Здесь ты в безопасности, но это убежище не годится для людей... Тебе придется вернуться к солнцу и луне. Эта могила не примет тебя. Ты еще слишком жива для того, чтобы стать частью подземных владений, оставшихся ныне без господина. И время умирать тебе не пришло...

— Но ведьма послала за мной своих чудовищ, — заплакала я, услышав знакомый голос. — Она знает, что я здесь!

— Она послала их вовсе не за тобой, — успокаивающе шептал невидимый дух. — Псы-оборотни ищут демона, и, должно быть, сегодня ночью найдут его. Ей хватит этого улова до следующей ночи... Днем тебе следует бояться людей, а не колдовских ищеек.

— Людей?

— У нее достанет власти над людьми, чтобы искать тебя не одним лишь колдовством. Тебя многие знают в городе. Нелегко скрыться той, у кого на голове пылает рыжее пламя. Оставь мне свои волосы. Я буду плести из них шнурки, на которые когда-то нанижу новые монеты, — шептали стены и темнота. — Они будут прочны настолько, что удержат не только мою казну, но и саму мою сущность. Плетя их нити, я буду помнить, что не безроден и мое имя ждет меня где-то здесь, в старых камнях. Твои волосы привяжут меня ко дворцу крепче цепей, и я не уйду блуждать во тьму подземных лабиринтов... На рыжий волос я нанижу когда-нибудь медь, а на седой — серебро... О, какая богатая казна у меня когда-нибудь будет!.. Как ярко она будет сверкать в свете луны!

Певучие эти речи были, несомненно, сродни какой-то древней магии — я поняла это шестым чутьем, обострившимся с тех пор, как заплатила своей кровью за чары подземного духа. Господин Казиро из последних сил колдовал сейчас, пытаясь спасти себя от грядущего беспомыслия, и вплетал какие-то заклятия в мои волосы, едва ощутимо касаясь их своими слабыми руками — я чувствовала эти невесомые касания, но у меня не достало сил, даже для того, чтобы пошевелить пальцем в ответ.

— Я согласна, забирайте мои волосы, — промолвила я, чувствуя, как меня окутывает тепло, которого мне так не хватало в этом каменном мешке.

Тут же в моих волосах началось странное копошение — десятки проворных маленьких лапок с острым коготками вцепились в них. А затем я услышала, как тихо-тихо защелкали мелкие зубы, и поняла, что крысы обгрызают волосы. Чувство, похожее на отвращение, охватило меня, тут же на смену ему пришел страх — подумалось, что они из-за голода могут забыть приказ своего господина и обглодают мое лицо. Но из-за убогого тепла, исходившего от крошечных тел, мысли начали путаться, и я незаметно для себя самой опустила голову на каменную ступеньку, крепко уснув под живым покрывалом из десятков крыс.

Очнулась я ранним утром в полном одиночестве — только под моими ногами похрустывали старые крысиные косточки. Тусклый свет пробивался сверху сквозь щель: ночью я была настолько напугана, что не сумела как следует закрыть за собой дверь в

потайной ход. Не таким уж надежным оказалось мое укрытие...

Я, пытаясь побыстрее прогнать сон, принялась тереть грязное лицо, и с приглушенным воплем отдернула руку от своих волос — точнее говоря от того, что от них осталось. Мне тут же вспомнился наш уговор с господином Казиро, казавшийся сейчас муторным тяжким сном, наподобие тех, что обычно приходят к людям, измученным горячкой. Я недоверчиво ощупала свою голову, и мне показалось, что я глажу бродячую собаку, шерсть у которой вылезла клочьями от какой-то хвори. На руках остались темные следы, и в слабом бледном луче света мне показалось, что я испачкала их в чем-то, похожем на пыльцу с крыльев серых ночных мотыльков. «Очередное колдовство, — тоскливая мысль пришла в мою голову так быстро, словно кто-то нашептывал мне на ухо подсказки. — Я больше не рыжая Фейн, и одним богам ведомо, стану ли я когда-нибудь прежней...»

Отчего-то эта потеря, не столь уж значительная, если разобраться, заставила меня горько заплакать. Я, с трудом поднявшись на ноги, принялась взбираться по крутым ступенькам, всхлипывая и тоненько подвывая. Чувство голода притупилось — возможно, то был прощальный подарок духа-хранителя, или же попросту ноющая боль в желудке стала мне привычной. Но я понимала, что долго без еды мне не продержаться. Последние медяки я оставила господину Казиро, и теперь мне оставалось разве что просить милостыню, или же потребовать кусок хлеба в таммельнском доме призрения, попечителями которого выступали городские храмы. От дядюшки я слыхала, что несколько раз в месяц по приказу господина Огасто там раздавали дармовое угощение, и при известном везении я могла бы отменно позавтракать от герцогских щедрот.

Задумываться о своих главных бедах я боялась и гнала от себя эти мысли, чтобы не пасть духом окончательно.

Склеп в утреннем сером свете показался мне едва ли не более мрачным местом, чем ночью, и я поторопилась выйти наружу, привычно зажимая нос. Мое неожиданное появление до полусмерти испугало двух могильщиков, с самого утра торопившихся предать земле какого-то нищего покойника. С воплями они бросили свою скорбную тележку и, спотыкаясь, побежали куда-то меж могил. Я, порядочно струхнув, бросилась в другую сторону, однако вскоре сообразила, что они приняли меня за призрак или иную нежить, восставшую из гроба, и замедлила свой бег, а затем и вовсе остановилась. Как мне помнилось, даже покойникам из самых бедных семей порой клали пару скойцев на глаза, и могло стать так, что могильщики на них еще не позарились... Мне было не по себе от того, что я собираюсь ограбить мертвеца, лишив его возможности оплатить переправу в мир иной, но мне все сильнее казалось, что мои неприятности куда существеннее тех, что ожидают неуспокоенную душу бедняка, обреченную вечно скитаться меж дрянных надгробий. «Если разобраться по чести, бедолага прожил в здешних трущобах всю свою жизнь, чем они могут испугать его после смерти?» — сказала себе я, и откинула истрепанный саван.

И впрямь, на глазах у мертвого тощего старика лежали медяки. Я, в очередной раз переборов отвращение и стыд, бросила их в сумку, а затем, повязав куцую голову платком, отправилась в город, преувеличенно бодро насвистывая. На душе у меня было так паршиво, что иной раз я искренне завидовала обворованному мной покойнику, оставшемуся лежать среди старых переполненных могил. Приключения становились час от часу все более гнусными, и я с трудом удерживалась от того, чтобы не начать молить богов о том, дабы течение времени повернуло вспять и в моей жизни никогда не случилось бы ни знакомства с госпожой Вейденой, ни с господином Огасто... Но я знала: если сейчас честно признаюсь

себе в том, что совершила ошибку, из-за которой нынче дядюшка может не сносить головы — остатки решимости покинут меня. Только отчаянная вера в то, что я все еще могу исправить содеянное, победить ведьму и стать спасительницей Его Светлости держала меня на ногах и заставляла идти вперед, в неизвестность.

В одном из грязных кабаков на околице мне дали хлеба в обмен на мой скойц, а затем мне удалось выпросить у сердобольной торговки-молочницы кружку подкисшего молока — из-за черных полос а лице и грязного платья меня приняли за погорелицу. Но после этого скромного завтрака страхи с удвоенной силой начали терзать меня. Ох, какой же ничтожной и беспомощной я себя ощущала! Еще недавно я дерзко бросала вызов колдунье, а сегодня, как бродячая собака, клянчила объедки, рыскала около помоек да искала темный тихий угол, откуда меня не погнали бы тотчас пинками. Спрятавшись в тени покосившегося забора, я вертела в руках медную монетку и думала, что даже самый полный кошелек когда-нибудь пустеет, самый долгий день лета — заканчивается, а у меня имелся всего лишь один медный скойц, и бродяжничать мне выпало вовсе не в теплую летнюю пору...

Отчаяние мое становилось все сильнее и я все чаще думала о том, что мне следует вернуться во дворец, к дядюшке Абсалому. «Быть может, ведьма еще не разгадала, кто помог сбежать демону? — с тоской размышляла я. — Ох, что я смогу поделывать с одним медяком в дырявом кармане? Мое платье настолько бедно и грязно, что даже за странствующую лекарку мне себя не выдать! Чем же мне заработать на жизнь? У меня нет иного выхода, что бы там ни говорил господин Казиро... Ему порядком досталось, оттого он и страшал меня, отговаривая возвращаться во дворец. Откуда ему знать, что за жизнь ожидает меня, реши я в одиночку пуститься в бега? Он никогда не покидал свои владения, и не пробовал на вкус, как горька доля нищего бродяги. Решено! Я подстерегу у ворот дворца Мике или Харля, да и попрошу их провести меня во дворец. Что за глупость я вчера сотворила, когда побежала со всех ног, завидев крыс... Услыхала лишь ворох дрянных грешных баек о демоне, с которым, к тому же, я больше не повстречаюсь, хвала святым небесам! Одно что — помогла господину Казиро, да и то — много ли толку с той помощи?..»

Размышляя таким образом, я принялась слоняться по рынку, ища случай, чтобы стянуть еще хоть что-то съестное про запас — иные проявления предусмотрительности не были мне свойственны, к несчастью. Один из разговоров, подслушанных мной, заставил меня наострить уши — двое горожан обсуждали, что на площади у дворца герцога всю ночь происходило что-то необычайное.

— Готов поклясться всеми святыми своими покровителями! — говорил один из них с радостным волнением, обычным для сплетников, которым выпала честь первым рассказать свежую новость своим знакомым. — Всю ночь напролет! Всю ночь! Глаз нельзя было сомкнуть из-за грохота и стука! Никак Его Светлость собирается в честь приезда своей любезной сестрицы затеять какое-то удивительное представление, оттого и приказал что-то эдакое построить!

— Полно вам, кум Аржо! — отвечал ему недоверчивый приятель. — Вчера были богатые гуляния, проклятые нищие до сих пор спят посреди улиц! С чего бы Его Светлости сегодня затевать новое празднество?

— А вот посмотрим, кум Эрлунд, посмотрим! — пылко возражал первый. — Я поутру приходил к площади и своими глазами видел помост, и превысокий. Должно быть, готовится мистерия!

— Однако же, сестрица Его Светлости, — рассудительно возражал кум Эрлунд, — хоть

и весьма благородная с виду дама, но все-таки не особа королевской крови, чтобы так пышно ее встречать.

— Это уж светлейшему герцогу виднее, какие почести ей оказывать, — упрямство и недоверчивость господина Эрлунда порядочно рассердили кума Аржо. — Все, кто видел прибытие дамы Лаурессы, отметили, что Его Светлость просветлел лицом, завидев ее, и стал куда здоровее после одного только сердечного приветствия, которым они с сестрой обменялись. Вспомните, как лекарь, этот бесчестный шарлатан, невесть откуда взявшийся, заставлял Его Светлость безо всякого проку пить всяческую богомерзкую отраву, которую называл микстурами!..

Я скривилась, и отстала от спорщиков, не желая выслушивать от них то, что знала и сама — дядюшка Абсалом не мог излечить господина Огасто, и лишь морочил голову всем обитателям дворца, пытаясь выгадать время.

Однако слова о готовящемся у дворца представлении меня не на шутку взволновали: возможно, мне представилась бы возможность увидеть дядю Абсалома! И не только дядюшку... тут я споткнулась и сбилась с шага, причем виной тому была вовсе не усталость — перед моими глазами возник образ господина Огасто. О, как бы я хотела сейчас вновь посмотреть в его глаза, пусть даже издали! Уж это-то стоило любого риска! И я, отбросив в сторону всякие сомнения, сделала первый шаг в сторону дворца.

В это же время, словно только того и ожидая, в центре рыночной площади раздался звонкий звук труб, и любопытствующий народ тут же заторопился к возвышению, на котором издали виднелся глашатай в нарядной одежде цветов герцогского дома.

— Жители Таммельна! — зычно объявлял он, без труда перекрикивая усиливающийся шум. — Его Светлость, господин Огасто нынче желает держать речь перед вами на дворцовой площади! Поторопитесь, верные таммельнцы! Каждый честный горожанин должен своими ушами услышать то, что скажет своему народу господин герцог!

Повторив это несколько раз кряду, глашатай торопливо слез с помоста, и направился в сторону дворца, показывая, что уж он-то определенно относится к честным жителям города. Пример этот показался остальным достойным подражания, и меня увлекло за собой течение толпы, по счастью, стремившейся именно туда, куда считала нужным идти и я сама.

Из-за быстрого шага и волнения сердце у меня стучало громче, чем барабаны, дробь которых была слышна все лучше. Странная мистерия, о которой говорили болтливые кумовья, началась до того, как подоспели зрители, и это меня необъяснимо встревожило — хоть я и не понимала толком, что же происходит. Впрочем, мне было не до раздумий — из-за бедного платья и чумазого лица все считали меня нищенкой, которую сами боги велели оттолкнуть со своего пути или же пнуть грязным сапогом, чтобы не мешалась под ногами. Площадь с трудом вместила всех таммельнцев, по-видимому, собравшихся со всех концов города.

Из-за своего невысокого роста я ничегошеньки не могла разглядеть, и тщетно пыталась протиснуться к месту, с которого можно было бы увидеть, что же происходит у стен дворца. Одни награждали тумачами слишком наглую нищенку, другие — проклинали на все лады, не желая даже краешком платья прикоснуться к ее грязным обноскам, и я почти выбилась из сил, упрямо пробираясь вперед. Но на кону стояло мое самое заветное желание, и ради того, чтобы увидеть сегодня господина Огасто, я готова была стерпеть почти все. Сердце сладко сжималось от безумной надежды на чудо: вдруг господин Огасто почувствует любовь в устремленном на него взгляде, чары на мгновение ослабеют и он узнает меня даже в этом

убогом обличье...

От волнения я перестала прислушиваться к разговорам, и потому не сразу заметила, что в голосах горожан слышатся страх и тревога, а вовсе не простодушная радость, свойственная зрителям, ждущим веселого представления. Мне начало казаться, что людьми овладевает предчувствие чего-то дурного, темного, и оттого они так злы и грубы. Причину этого я поняла, когда взобралась на старую каменную ограду, отделяющую чей-то двор от дворцовой площади. Наконец-то мне удалось рассмотреть помост, затянутый яркими дорогими тканями — наверняка там были приготовлены почетные места для господина Огасто и его приближенных. Но то, что возвели нынче ночью рядом с ним, мне вовсе не понравилось, причем куда более, чем прочим таммельнцам.

Огромная переключина виселицы с несколькими петлями в ряд ждала кого-то этим погожим утром. Я невольно потерла шею, сразу же покрывшуюся холодным потом.

Но тут под грохот барабанов и звонкий клич труб на помост взошел герцог Таммельнский, и я, сразу же позабыв обо всем на свете, ринулась в толпу, расталкивая людей локтями и протискиваясь в малейший просвет, словно уж. Спустя несколько минут, тяжело дыша, я остановилась, привалившись к какому-то столбу, который ранее был облюбован несколькими мальчишками. У этого замечательного во многих отношениях столба имелось каменное основание, благодаря которому даже у низкорослых зрителей появлялась возможность в подробностях рассмотреть грозные петли, толстую переключину из доброго бруса, а также роскошные наряды герцога и дам, его сопровождающих. Злобно зашипев, как дикая кошка, я разогнала детишек, и сама торопливо взобралась на возвышение.

Сегодня господин Огасто показался мне нестерпимо красивым и я жадно пожирала его глазами: смуглое лицо словно освещалось изнутри чудесным пламенем, отблески которого полыхали в его черных глазах — даже с моего места было видно, как ярко они горят. Признаки недуга исчезли без следа, во всех его движениях сквозили истинно королевские сила и решительность, и я наконец-то смогла представить его во главе армии наемников, держащего в руках сверкающий меч. Да, он совсем не походил на того измученного, смятенного человека, которым я знала его ранее! И мое бедное сердце едва не разорвалось, не в состоянии вместить тот восторг, который я испытала при виде Его Светлости.

С трудом я заставила себя перевести взгляд на госпожу Вейдену, которая, напротив, выглядела сегодня бледной тенью самой себя, несмотря на роскошное платье, расшитое золотом по изумрудному полю так густо, что оно казалось драгоценным жестким футляром, сковывавшим движения хрупкой герцогини. Она держалась по правую руку от своего супруга, но мне показалось, что их окончательно разделила какая-то невидимая стена. Все порывы, все взгляды господина Огасто тяготели к той, что называлась его сестрой и уверенно стояла слева от него, притягивая к себе любопытствующие взгляды — на ней было красное, обманчиво скромное платье, оттеняющее ее смуглую кожу.

Впервые я увидела колдунью, и мне показалось невероятным, что никто, кроме меня не замечает темной страстной силы, исходящей от нее, как жар исходит от костра. Горожане смотрели на нее безо всякого страха, а я тут же отвела взгляд — но даже это не помогло мне восстановить разом сбившееся дыхание. Она приняла обличье бедной Лаурессы, поэтому удлиненное благородное лицо показалось мне знакомым, но истинная натура рвалась из-под этой маски, вызывая страх и предчувствие великого несчастья. Я задохнулась, когда увидела ее, а затем закашлялась, словно глотнув едкого дыма. Снова моя кровь отзывалась на магию,

и мне показалось, что ведьма услышала этот отклик — что-то изменилось в выражении ее лица, бывшего доселе безмятежным. Возможно, на помост в тот миг упал особенно яркий солнечный луч, но мне ясно увиделось, как по ее черным волнистым волосам, свободно падающим на плечи, пробежал огненный алый отблеск.

Но разве могла она заподозрить, что ее тайным врагом может быть грязная оборванка, затесавшаяся в компанию таких же чумазых бездомных мальчишек? Ее ищущий взгляд скользнул по мне, не задержавшись даже на долю мгновения.

За всем этим я не заметила, как герольды протрубили сигнал, призывающий толпу притихнуть, и господин Огасто шагнул вперед, готовясь произнести свою речь.

— Жители Таммельна! — сильным, проникновенным голосом произнес он, и я невольно вздрогнула, в первый раз услышав, каким властным и уверенным может быть тон Его Светлости. — Да благословят боги эти земли! Пусть будут угодны небесам мои слова, как было им угодно некогда привести меня в эти земли. Не всегда я был мудрым и достойным правителем, но богам ведомо, что мой грех не столь уж велик...

Услышав эти слова, многие таммельнцы принялись перешептываться — и впрямь, удивительное дело! Правитель признавался, что неумело правил, стоя при том на фоне огромной новехонькой виселицы! К добру ли сие?.. Даже самые неискушенные в делах государственного управления понимали, что у любого недочета есть имя, а уж у ошибок правителей таких имен может быть несколько, и, конечно же, они совпадают с теми именами, что надписаны невидимыми чернилами над каждой петлей...

— Злой умысел, как червоточина, поражает любой плод трудов человеческих, — тем временем продолжал говорить господин Огасто все громче и громче. — А если зло это имеет самую грешную сущность — колдовскую! — то от этого яда нет спасения, кроме божьей милости. Да, добрые таммельнцы! В наши земли пришло худшее зло изо всех зол — черная магия!

Горожане потрясенно зашумели, но их удивление не шло ни в какое сравнение с моим собственным: герцог говорил о колдовстве, стоя бок-о-бок с истинной ведьмой; она же сдержанно и кротко усмехалась каким-то своим мыслям, опустив глаза долу.

На мгновение мне показалось, что я совершила чудовищную ошибку, посчитав женщину рядом с господином Огасто колдуньей. «Что же это?.. — думала я растерянно. — Он говорит о колдовстве, об избавлении от него... Быть может, я неверно разгадала эту тайну, и в монастыре была вовсе не сестра Его Светлости, а какой-то злой двойник? Пока я блуждала по лесам, настоящая госпожа Лауресса прибыла в Таммельн и разрушила злые чары! Но что же произошло с господином Казиро? Неужто он обманывал меня?.. Что за чары я чувствовала сейчас?..»

От лихорадочных раздумий за считанные минуты я обессилела едва ли не сильнее, чем от прочих тягостей, перенесенных за последние дни. Голова у меня шла кругом, я из последних сил цеплялась за столб, не видя перед собой ничего, кроме прекрасного и смелого лица господина Огасто.

— Черная магия! — с отвращением повторил герцог. — Колдовство тайно проникло в мой дом и опутало мой разум. Подлые, низкие чары, порожденные корыстью и жадной власти. Моя вина безгранична, ведь я позволил себя обмануть и добровольно принимал яд, день за днем ослабляющий мою волю. Пусть боги благословят мою любезную сестру, сердце которой почуяло беду — именно она смогла развеять морок своей чистой верой!

Ведьма — или же госпожа Лауресса?.. — потупилась, знаком показывая, что ей кажется

излишними эти восхваления. И даже я не нашла в этом движении ни капли лицемерия или нарочитости.

— Добрая моя сестра! — воскликнул господин Огасто, и, не совладав с чувствами, поцеловал ей руку. — Как велика твоя скромность и как светел твой ум, безошибочно распознавший зло!

Мне показалось, что от этих слов госпожа Вейдена, до того напоминавшая статую, изукрашенную драгоценностями, вздрогнула и побледнела еще больше.

— Чествуйте мою сестру, жители Таммельна, как чествовали бы того, кто отвел от моей груди отравленный кинжал! — крикнул господин Огасто, и толпа разразилась восторженными криками, ведь речь герцога, в первый раз так просто и прямо говорившего со своими подданными, откликнулась в сердце у каждого горожанина — я видела это по сияющим глазам людей, окружавших меня.

— А теперь, — объявил герцог, дождавшись, когда стихнут дружные восхваления, — теперь пришло время назвать имя злодея, решившего подчинить себе мой разум и тайно править этими землями! Ведите сюда колдуна и отравителя!

И тут я едва сдержала крик ужаса, ведь на помост, к виселице подвели моего бедного дядюшку. Он был испуган, бледен, как сметана, и порывался упасть в ноги Его Светлости, но стражники крепко его удерживали.

— Дядя Абсалом! — прошептала я, почувствовав, как и ноги, и руки у меня разом онемели, а сердце перестало биться.

«Вот, стало быть, как она решила нам отомстить! — мысли в голове скакали, как блохи. — Свалить всю вину на дядюшку! Его назовут колдуном и повесят! Вот почему так грустна госпожа Вейдена — ведь это она уговорила впустить во дворец нового лекаря... Господин Огасто сам не свой, и даже не понимает, что говорит, иначе нипочем не согласился бы назвать бедного дядю колдуном... Что же делать? Он не хочет слушать дядюшку Абсалома, но, быть может, выслушает меня? Я буду молить его о пощаде, и он вспомнит себя истинного... Получилось же у меня порвать ту чародейскую паутину в монастыре — кто знает, может, и сейчас у меня выйдет порушить чары?!»

И я, спрыгнув на землю, бросилась было сквозь толпу к помосту, но чья-то рука, вцепившаяся в мой рукав, тотчас же остановила меня, не дав ступить и шагу. Я в ужасе оглянулась, готовясь царапаться и кусаться, чтобы вырваться из ловушки, однако увидела перед собой знакомое лицо и замерла, враз растерявшись. Хорвек, остановивший меня, в другой руке небрежно держал початую бутылку дешевого вина, из которой отхлебывал, улыбаясь, точно наша встреча и впрямь состоялась во время веселых народных гуляний.

— Именно этого она и ждет, — сказал он мне негромко и спокойно. — Не отдавай себя в ее руки так просто.

Я была так растеряна, что не сразу ответить ему и лишь задыхалась, неловко дергая рукой, за которую он придерживал меня.

— Но она... она... — наконец вырвалось у меня. — Она казнит моего...

— Ты вновь говоришь вслух то, о чем тебе следует помалкивать, если жизнь тебе хоть немного дорога, — негромко ответил Хорвек, и я, поняв, к чему он клонит, зажала рот грязной трясущейся рукой. Разговор наш вышел слишком коротким, чтобы привлечь к себе внимание, да и пьяные споры нищих не были столь занимательным зрелищем, чтобы отвлечь внимание таммельнцев от колдуна, которого вот-вот собирались повесить. Но неосторожные слова всегда живучи, а человеческий страх перед чародеями, обостряющий разум и слух, и

зрение, слишком силен; мне не следовало искушать судьбу, чтобы не оказаться забитой камнями еще до того, как я успею что-то сказать господину Огасто.

— Она хочет увидеть тебя, — вполголоса говорил Хорвек, притягивая меня поближе к себе. — Не каждый день колдуньи получают отпор. Обычно люди бегут от магии со всех ног и боятся даже краем уха слушать о колдовских темных делишках. Ведьма удивлена — а удивить таких, как она, очень непросто. Ей невдомек, что ты обычная глупая девчонка, не видящая дальше своего носа. Она до последнего будет верить в то, что с нею схлестнулся достойный враг, а не ничтожество вроде тебя. Иное покажется слишком унижительным для нее.

— Мне все равно, — прошептала я, давась слезами. — Пусть думает обо мне что угодно! Но я должна попробовать...

— Твой козырь — фальшивая карта, которая будет тут же распознана и бита, — он крепче сжал мою руку и чуть заметно встряхнул меня, пытаясь привести в чувство. — Этот бедолага жив только потому, что она еще не посмотрела тебе в глаза. Как только она узнает, кто ты есть на самом деле, вы с дядей очутитесь в петлях бок-о-бок. Ведьма подозревает, что ее главный враг сейчас в толпе, и ждет только того, чтобы ты выдала себя неосторожным движением или словом. Все это представление разыгрывается вовсе не для них, — он обвел взглядом горожан, — а для одной лишь тебя. Оказывали ли тебе когда-либо такую честь ранее, маленькая Фейн?

— Ты хочешь сказать, — я говорила медленно и потерянно, не глядя в его пустые светлые глаза — что не смогу спасти дядюшку, даже если отдам ей свою жизнь? Она не посчитает эту плату достаточной? Но ведь дядюшка не враг ей, он даже не знал, что происходит...

— Я хочу сказать, — терпеливо пояснил Хорвек, — что ты сможешь спасти своего родственника только если не сделаешь сейчас ни шагу в сторону виселицы. Она не убьет его, пока будет считать хорошей приманкой. Быть может, это для него не столь уж добрый исход — быстрая смерть иной раз милосерднее чародейской воли, — но если ты хочешь сохранить ему жизнь сегодня, то будешь молчать и стоять рядом со мной, что бы ты ни услышала.

— Что... о чем ты говоришь? — забормотала я, трясая головой.

— Там не одна петля, — он указал в сторону виселицы. — И даже не две. Ведьма умеет считать. А уж искать слабые места своих врагов — и подавно.

Я резко повернулась к помосту, где все еще умолял о пощаде бедный дядюшка, в которого добрые таммельнцы уже начали швыряться всяческой дрянью, подвернувшейся им под руку. От стыда и горя мне хотелось умереть — дядя Абсалом не заслужил ни одно из тех проклятий, которыми его сейчас награждали. Он, разумеется, был отнюдь не самым лучшим лекарем в королевстве, вопреки собственным уверениям, и частенько мошенничал, почуяв выгоду, но никогда не желал зла господину Огасто, который сейчас равнодушно молчал, позволяя своим подданным призывать кары небесные на голову того, кого он недавно называл своим спасителем, а теперь объявил колдуном.

— Господин Огасто околдован, — произнесла я, едва слыша свой голос из-за шума в ушах. — Иначе он бы никогда назвал дядюшку чародеем и не обвинил бы его в злом умысле! Но отчего... отчего эти люди так легко поверили в его вину? Он не сделал им ничего дурного!

— Он чужак, низкого рода, но высоко вознесшийся, — пожал плечами Хорвек, усмехаясь каким-то своим мыслям. — И все рады тому, что черные слова и сплетни

оправдались. Думая дурно о правителе, человек чувствует себя государственным изменником и теряет надежду, ведь сменить власть над собою он не способен. Думая дурно о злых приближенных, отравивших разум правителя, человек гордится своей верностью господину, а душу его греет надежда на то, что упадок в его краях прекратится, как только правитель прозреет и злодеи понесут наказание...

— Погоди-ка, господин Огасто вновь собирается что-то говорить! — я остановила Хорвека, жадно всматриваясь в лицо Его Светлости и из последних сил надеясь на чудо. — Быть может, он сейчас смилуется над дядей... Ох, он не может казнить дядюшку Абсаломана, никакое колдовство не заставит его проявить такую несправедливость!..

Хорвек лишь рассмеялся, и запрокинул голову, жадно глотая вино.

— Слушайте же далее, жители Таммельна! — обратился к толпе герцог. Злобная брань стихла как по мановению волшебной палочки, и я невольно перевела взгляд на невозмутимую колдунью, словно та могла выдать себя каким-то особым чародейским жестом или словом, обращенным на усмирение горожан. — Преступление этого человека было тем гнуснее, что у него имелись сообщники. И они заслужили той же кары, что и колдун. Возможно, в том повинны чары, но честный человек нипочем не поддастся бы уговорам мерзавца-чернокнижника. Оправданий этому преступлению нет. Вот он — пособник колдуна!

И рядом с дядей упал на колени бедный Мике, который показался мне в тот миг совсем мальчишкой. Однако он, в отличие от дядюшки, не просил о снисхождении и упрямо сжимал губы, словно запрещая себе оспаривать любое решение своего повелителя.

— Двойная неблагодарность! — вскричал господин Огасто, указывая на молодого Кориуса, которого многие в толпе узнали и изумленно заохали. — Я принял на службу его отца, поверив клятвам и заверениям в преданности. Мне не раз доносили, что семья Кориусов с тоской вспоминает прежние времена, но верил, что им достанет благородства служить новому господину так же верно, как они служили старому, несмотря на то, что я был чужаком в этих краях. Пришло время проверить, кто из нас истинно верен старым обычаям: из почтения к здешнему укладу я принимаю слово уважаемого здесь Петора Кориуса, который поклялся мне, что не знал о злом умысле сына. Я не желаю верить, что славный город Таммельн почитал человека, способного дать ложную клятву своему господину. Но Петор Кориус не стал мне истинно верным слугой, а после того, как его сын злоумышлял против меня, я не доверю ему беречь мою спину. Более Кориусы не будут носить звание управляющих землями герцогов Таммельнских. Моя сестра возьмет на себя это тяжкое бремя, поскольку одной лишь ей я могу оставить свои дела, не опасаясь ни злого умысла, ни легкомысленного попустительства!

И я увидела, как на щеках госпожи Вейдены вспыхнули два горячечных пунцовых пятна. Сердце бедной юной принцессы отнюдь не было холодным крошечным камешком, как я думала ранее. В первый раз я испытала к ней сочувствие — из-за лживой ведьмы жене господина Огасто предстояло расплачиваться за содействие в преступлении, которого не было... всю жизнь верить в то, что она едва не погубила мужа!.. И проклинать дядюшку Абсаломана, которого госпожа Вейдена, как и все остальные, теперь считала подлым чародеем...

— Итак, перед вами два преступника, задумавших погубить меня, — объявил господин Огасто, указывая на Мике и дядюшку. — Но перед тем, как отдать их на суд святым отцам, как того требуют законы нашего королевства, я во всеуслышание расскажу о том, до каких

пределов гнусности дошли эти мерзавцы, ибо считаю, что судить их нужно не только судом божеским, но и человеческим. Добрые таммельнцы! Эти злодеи умышляли выпустить из темницы мерзкое порождение тьмы, демона, которого я удерживал в плену как залог худого мира между нашим королевством и темными тварями из-за гор!

Испуганные жители Таммельна, умы которых и до того были немало смущены безднами преисподней, открывшимися их бесхитростным взглядам, всколыхнулись, заслышав последние слова. Женщины взвизгнули, заплакали испуганные дети. Пусть война и не дошла до этих краев, однако мрачные легенды о демонах, когда-то установивших свою кровожадную власть над миром людей, до сих пор были живы в памяти и стара, и млада. С тех пор, как господин Огасто привез с собой демона-пленника, люди с опаской выглядывали ночью за окно, а уж на нужды храмов жертвовали с троекратной щедростью. Весть о том, что кто-то намеревался выпустить демона из заточения, привела таммельнцев в неопиcуемый ужас.

— Да, они хотели освободить демона, чтобы тот поделился с ними своей черной силой! — продолжал герцог, на лице которого отражались отвращение и презрение. — Злобный темный дух посулил им власть и богатство, и они польстились на его обещания!

— Подумать только, каким щедрым и могущественным был этот демон! — хмыкнул Хорвек, которого, как мне показалось, все происходящее искренне забавляло. Я же от волнения едва держалась на ногах, и не могла оторвать умоляющего взгляда от Его Светлости — мне все казалось, что господин Огасто может внезапно одуматься и вырваться из-под власти чар, заставлявших его озвучивать все эти ужасные несправедливые обвинения.

— Как горько каюсь я в том, что осквернил Таммельн, привезя сюда демона! — скорбно промолвил господин Огасто, склонив голову. — Мне стоило бы знать, что злые духи отравляют все вокруг себя ложью и злыми чарами. Запах этого яда манит самых слабых и самых подлых из рода людского. Но сегодня я исправил свою ошибку! И да простят меня боги за то, что я навлек беду на город, который мне надлежало защищать...

Вновь послышались визг, оханья, и толпа резко подалась назад так, что нас с Хорвексом притиснуло к тому самому столбу, около которого мы все это время держались. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы перевести дух, и отстраниться от бродяги. Когда я подняла голову, чтобы рассмотреть то, что так напугало таммельнцев, в одной из петель уже висело черное уродливое тело, подвешенное за ноги.

— Он мертв! — крикнул герцог, указывая на ужасного мертвеца. — Слышите, жители Таммельна? Демон был нынче казнен в своем подземелье — ему вырезали сердце, и теперь каждый из вас может убедиться, что проклятое создание более не навредит никому!

Ужасающее зрелище часто бывает притягательным — и я, подобно прочим таммельнцам, как зачарованная рассматривала истощенное до крайности тело, в целом, походившее на человеческое, однако бывшее куда более крупным, удлиненным, отчего в памяти возникал образ огромной гадюки или иного отвратительного пресмыкающегося. Сходство дополняла мелкая черная чешуя, покрывавшая страшное существо с головы до пят — лишь иссохшее лицо казалось обтянутым обычной, пусть и почти черной кожей. Я узнала руки с изуродованными пальцами — их я видела в подземелье, сомнений быть не могло! Провалы выжженных глазниц, беззубый рот, откуда вывалился сизый острый язык — все это говорило о том, что герцог не лжет и на виселице в самом деле болтается Рекхе, сердце которого вырезали из груди, чтобы наверняка покончить с демоном.

Если бы жители Таммельна могли бы сейчас подмечать какие-то странности в

происходящем, то непременно бы заметили, как дядюшка Абсалом в ужасе отползает от тела того, кто якобы был при жизни его сообщником, а бедный Мике в ужасе пытается совершить отвращающие знаки скованными руками. Им довелось увидеть мертвого демона ближе, чем кому бы то ни было.

Я, сглотнув комок, подступивший к горлу, оглянулась на Хорвека, пытаясь заметить на его лице отражение хотя бы каких-то чувств, но он рассматривал тело демона с совершенно бесстрастным видом, а затем, заметив мой напряженный взгляд, лениво бросил:

— Всего лишь падаль...

Вовсе не такой эпитафии я ожидала из его уст, однако ничего другого он не прибавил. Впрочем, чего можно было ожидать от существа, глядящего на свое же мертвое тело? Кто знает, принято ли было у демонов скорбеть по своей погибшей оболочке — пусть даже новая казалась им совсем негодной?.. Тут же я услышала голос господина Огасто, еще не закончившего свою речь. С каждым словом герцог становился, казалось, все выше, все пламеннее, а две женщины за его спиной превратились в прекрасные изваяния — одно торжествующее, а другое — выражающее лишь горе и покорность.

— Как желал бы я!.. — говорил герцог. — О, как бы я желал сказать, что зло сегодня будет наказано по заслугам. Но на этот эшафот сегодня не взойдет та, которая провинилась перед богами и людьми более всех. Рыжая ведьма!

Вновь мне показалось, что я схожу с ума. Рыжая ведьма? Но ведь она стояла сейчас рядом с господином Огасто, и из-за ее навета мой дядюшка и Мике были объявлены преступниками... Однако следующие слова все объяснили — и заставили меня покрыться холодным потом.

— Рыжая ведьма Фейн! — произнес господин Огасто с ненавистью. — Племянница колдуна и невеста Мике Кориуса! Это она вела разговоры с демоном! Она задумала его спасти! Ведь так? Так?!

Он резко повернулся к обвиняемым, наставив на них палец, и дядюшка растерянно забормотал, кланяясь и умоляюще вздымая скованные руки:

— Глупа, ох глупа девчонка! Ваша Светлость, глупее во всем мире не найдете — это точно! Но какая из нее ведьма? Смилуйтесь над моей бедной головой! Если в чем и виновен, так в том, что не досмотрел за девкой... Ее саму околдовали, истинно вам говорю! А я сам ничего, ничего не знал, чтоб мне век спины не разогнуть!

Мике же продолжал молчать, бледнея все более явно.

— А ты, деливший невесту с демоном? — ярость герцога нарастала, и я догадалась, что на самом деле это рвется наружу гнев ведьмы. — Что ты скажешь в свое оправдание?

— Фейн... — Мике с трудом разлепил губы. — Фейн не совершила бы злого поступка!

— Нет раскаяния в их душах! — вскричал господин Огасто, и отвернулся от дядюшки и Кориуса-младшего. — Ложь и упорствование во зле! Что ж, слушайте жители Таммельна мой указ: где бы вы не увидели рыжую ведьму Фейн — немедленно должны уведомить о том стражу! Она тут же должна быть арестована! Мне она нужна живой! Сто золотых награды тому, кто приведет ее ко мне!

Толпа закричала радостно и зло, и я различила среди возгласов то, как некоторые бранились на Мике, спрашивая у него, не стыдно ли ему называться женихом шлюхи, сошедшейся с нечистым духом.

Я невольно сделала шаг назад, и вновь наткнулась на Хорвека, который придержал меня за плечо, и, склонившись, промолвил с насмешкой:

— Сдается мне, твой прекрасный герцог наконец-то обратил на тебя внимание и оценил по достоинству.

— Прикуси язык! — вспыхнула я. — За него сейчас говорит ведьма! Если бы не ее колдовство...

— То Его Светлость уже вел бы тебя к алтарю? — хохотнул бродяга. — Бедный твой жених — тот, которого должны нынче повесить. Из-за колдовства он думает, что ты бросила его ради демона. Не будь чар — узнал бы, что ты бросаешь его ради герцога... Не слишком ли ты жестоко обошлась с мальчишкой?

Слова его попали точно в цель — даже если бы к моим щекам приложили бы раскаленное железо, они бы не горели сильнее.

— Да, это я виновата... — мне хотелось закричать это, но горло словно сдавила та самая петля, которая дожидалась меня. — И я лучше умру, чем буду смотреть молча на то, как... Отпусти меня!

— Говорю тебе, ты не спасешь их, показавшись ведьме, — Хорвек объяснял терпеливо и спокойно. — И я вовсе не собирался тебя к этому подталкивать. Если ты и впрямь хочешь сохранить им сегодня жизнь, то будешь смеяться, глядя на то, как их поведут на смерть. Нищие всегда радуются, когда видят казнь богатых и уважаемых людей. Улыбайся — она сейчас ищет в толпе тех, кто испуган...

Я поверила ему, ведь сама уже ничего не понимала. Никогда еще мне не давалась с таким трудом улыбка — я изо всех сил растягивала пересохшие губы, так, что они вот-вот должны были потрескаться. Господин Огасто тем временем обратился с короткой речью к священникам, смиренно ждавшим поодаль своей очереди, и святые отцы торопливо сообщили в ответ, что передают право на суд сюзерену этих земель, раз уж проклятые колдуны желали навредить именно ему.

— Почему они так легко согласились? — прошептала я, улыбаясь из последних сил.

— Потому что твой дядюшка был им не по нраву, я полагаю, — ответил Хорвек. — А дела о колдовстве предписано решать как можно быстрее, чтобы чернокнижники не успели одурманить разум судей. Никому не хочется прослыть околдованным, так что снисхождение в делах о чародействе суды никогда не проявляют.

— Его Светлость говорит, что они будут немедленно казнены! — я едва удерживалась от того, чтобы не начать кусать собственные руки. — Хорвек! Что, если ты ошибаешься? Что если мне нужно попытаться...

— Улыбайся, Фейн, — сказал он, приобнимая меня. — Смейся! Глотни вина — еще немного осталось на дне... Ее глаза сейчас повсюду, и если она поймет, что ты здесь — мы умрем.

Словно подтверждая его правоту, над толпой закружилась стая ворон, невесть откуда прилетевших к площади — и я сразу угадала, что здесь не обошлось без чар: ведьма сейчас отчаянно искала меня среди толпы. Дядюшку Абсалома и Мике тем временем уже подтолкнули к петлям и веревка уже легла на плечи дяди, побелевшего так сильно, словно его лицо испачкали мелом.

— Хорвек, она позволит казнить его... — я цеплялась за бродягу, а моя улыбка уже походила на оскал припадочного. — Ты ошибся... Она не остановится!

— Улыбайся, Фейн, — только это он и отвечал мне.

— Нет, она молчит, она даже не смотрит в сторону виселицы... Хорвек, ты все неправильно сказал! — бормотала я. — О, если его сейчас повесят... Я не прощу тебя,

слышишь?! Никогда не прощу!

Раздалась барабанная дробь, я чуть было не зажала уши, но Хорвек крепко прижимал меня к себе и не давал пошевелиться. Я не могла смотреть больше в сторону виселицы — глаза резало так, словно в них насыпали горсть песка — и продолжала улыбаться, хотя куда больше эта гримаса походила на сдерживаемые из последних сил рыдания.

— Ты ошибся, — повторяла я едва слышно, вцепившись в руку Хорвека. — Ты ошибся...

— Пойдите! — барабанная дробь оборвалась, словно руки у всех барабанщиков обессилели от звука этого кристально-чистого, мелодичного голоса. В первый раз я слышала, как говорит ведьма, и мне показалось, что звук ее речи — самое прекрасное и самое ужасное, что может существовать во всем белом свете. Произнесенное ею походило на древнюю песню, и любое слово тут же превращалось в заклинание. Только тихий торжествующий смех Хорвека помог мне сбросить оцепенение, вызванное звучанием голоса ведьмы, и я поняла, что она начала околдовывать толпу.

— Пойдите! — повторила она, и решительно подошла к господину Огасто, безо всякого страха и стеснения отвергая все правила и законы, запрещающие ей говорить с ним так, как ей этого хочется. Таммельнцы замерли, удивляясь и тут же покоряясь ее воле — то, что она собиралась совершить, уже заранее признавалось достойным и добрым поступком. Возможно, причиной тому было всего лишь хитрое колдовство, но мне показалось, что толпа в замешательстве умолкла, ощутив бесстрашие и жестокость, исходящие от этой женщины — качества отнюдь не колдовского рода. И это было вовсе дурным признаком: колдунья была страшна и сильна не только благодаря своим заклинаниям.

— Да, сестра моя? — тут же отозвался господин Огасто, взяв ее за руки.

— Я прошу милости у тебя для этих людей, — произнесла она обманчиво кротко. — Не желаю, чтобы наша с тобою встреча была омрачена смертями. Какой прок казнить пособников преступления, если главное зло осталось на свободе? Во всем виновата та колдунья — пусть виселица дожидается ее.

Его Светлость покачал головой, точно журуя сестру за излишнюю добросердечность, и с улыбкой объявил:

— Твоя воля — закон для меня. Какое же наказание они должны понести по твоему рассуждению?

Колдунья плавно двинулась к дядюшке, трясущемуся, точно студень. Остановившись, она осмотрела его с ног до головы, а затем сказала:

— Раз он хотел выпустить из темницы демона, то справедливо будет, если он займет место злого духа в подземелье. Пусть он никогда не выйдет оттуда и проклинает тот миг, когда ему вздумалось колдовать!

Случайно то вышло или же нет, но произнося последние слова, она резко подняла руку вверх, и я успела заметить, что на ней не хватает одного пальца. Однако бедный дядюшка Абсалом был настолько растерян, что вряд ли сумел что-то понять — ему достало ума лишь упасть на колени и поцеловать краешек платья милостивой госпожи.

Толпа, которая недавно, казалось, была готова разорвать на клочки того, кто попросит о помиловании для колдуна, принялась славить добрейшую госпожу Лаурессу. Его Светлость подал знак страже, и дядюшку увели — он едва переставлял ноги от пережитого испуга.

На Мике ведьма смотрела чуть дольше, словно раздумывая.

— Славный юноша, — сказала она. — Брат мой, я не верю, что он желал тебе зла. Его обманули. Да, я ясно вижу в его глазах правду — он сбился с пути и поддался дурным

наушениям.

— Как скажешь, сестра моя, — отозвался господин Огасто покорно, словно вовсе не он только что яростно обличал и порицал преступников. Я с удивлением присмотрелась к нему и поняла, что энергия, совсем недавно переполнявшая его тело, иссякает, как угасает костер, в который никто не подбрасывает дров.

— Что с ним? — мне казалось, что силы покидают герцога так быстро, что он вскоре не удержится на ногах.

Хорвек с легкостью понял, о чем я спрашиваю.

— Колдунья не может играть двумя куклами сразу, — сказал он, глядя на происходящее с некоторым любопытством. — К тому же, прекрасный герцог ей, как видно, порядком надоел.

— Что? — поперхнулась я, глядя, как ведьма ласково и осторожно касается спутанных волос Мике.

— Боюсь, маленькая Фейн, твой жених нынче отойдет колдунье. Но тебе самой он не слишком-то был нужен, так что горевать ты не будешь, не так ли?..

Я не нашла, что ответить на это, от возмущения запнувшись на первых же сбивчивых возражениях, а колдунья тем временем обратилась к господину Огасто:

— Брат мой, я поручусь за милого мальчика. Мне под силу искоренить из его души то зло, что пустило корни в его юной душе. Мое благочестие сильнее дурного колдовства, и я спасу этого юношу. Пусть будет при мне, и я обещаю, что он никогда больше не вспомнит о той ужасной женщине, что едва не погубила его...

— Как скажешь, сестра, — прошелестел голос господина Огасто. — Я верю всему, что ты скажешь...

Прозвучало это достаточно двусмысленно, но толпа вновь принялась простодушно радоваться, совершенно запутавшись, что же ей больше по нраву: справедливая казнь или внезапное помилование. Настроение людей менялось удивительным образом: те люди, что совсем недавно бросали в Мике всяческим сором и насмехались над ним, сейчас утирали слезы радости, точно от петли был избавлен их ближайший родственник.

— Так всегда бывает, когда в городе появляется колдовство, — сказал Хорвек, заметив мой удивленный взгляд. — И ничем добрым, разумеется, это для таммельнцев не обернется.

— Но зачем ей Мике? — я смотрела со страхом на то, как юноша стоит перед колдуньей, безвольно уронив руки вдоль тела. Он, казалось, даже не слышал, что его помиловали — а чародейка все гладила и гладила его волосы, и мне подумалось, что движения эти похожи на те, которыми стирают обычно с учебной доски слова, написанные мелом.

— Она же не знает, что тебе плевать на этого беднягу, и полагает, что отбирает у тебя возлюбленного. К тому же, у него хорошая чистая кровь, как мне кажется. У глупцов, отправляющихся на виселицу из-за своих невест, почти всегда хорошая кровь... А ведьме нужно расплачиваться со своими подручными, чтобы держать их в подчинении. Мальчик ей пригодится. Но, боюсь, не на слишком долгий срок...

Я почувствовала тошноту, и отвела взгляд от Мике, но это не слишком-то мне помогло — мысль о том, какое ужасное будущее его ожидает по моей вине, никуда не ушла и казалась темным липким пятном, расползающимся по моей душе и навсегда в нее въедающимся.

— Слава Его Светлости! — кричали люди. — Слава госпоже Лаурессе!

Господин Огасто удалился, перед тем безвольно подав руку своей жене, не промолвившей за все это время ни единого слова. За ним последовала и ведьма, державшая бедного Мике Кориуса за руку, как несмышленного ребенка. Юноша шатался, точно ослепнув, но покорно шел за ней. Напоследок она оглянулась на площадь, остававшуюся за ее спиной, и замерла, точно припомнив о каком-то незавершенном деле.

Вороны, сидевшие на крышах и стенах, вдруг переполошились, точно их что-то испугало, и с громким карканьем черной волной разом сорвались со своих мест. Многим это показалось странным знаком, и я увидела как взволнованные таммельнцы тычут пальцами в небеса, указывая на зависшую там огромную воронью стаю. Но не успела я спросить у Хорвека, что это значит, как птицы обрушились на головы горожан — они срывали платки, чепцы и шапки с голов людей, словно обезумев. Женщины закричали, и вновь меня чуть не сбили с ног в образовавшейся толчее. Хорвек схватил меня за руку, удерживая при себе, и я почувствовала, как острые вороньи когти вцепились в мой грязный платок. На мгновение я ослепла — как ни был он туго повязан, но все равно сдвинулся мне на глаза, и глупое это происшествие напугало меня так сильно, что я тоже вскрикнула.

— Тише, — шикнул на меня Хорвек, и я, убрав с глаз платок, сообразила, что он сразу же накрыл меня своим плащом. Вороны с яростными криками быстро разлетались, оставив вконец напуганных таммельнцев подбирать с земли изодранные и истоптанные головные уборы.

Я высвободилась из-под плаща бродяги, и заметила, как он бросил быстрый взгляд на мою голову — увиденное, видимо, показалось ему забавным зрелищем, потому что он усмехнулся и негромко произнес:

— Верное решение, не-рыжая Фейн.

Запоздалая догадка посетила меня: Хорвек пытался спрятать мои рыжие косы от вездесущих глаз ведьмы. Невольно я повернулась к помосту — но она уже скрылась, видимо, так и не увидев того, что ей желалось.

Мальчишки, которых я не так давно согнала с насиженного около столба места, тотчас же приметили мою куцую голову, и принялись вопить:

— Плешивая нищенка! Плешивая нищенка! Да у нее никак короста или парша! Посмотрите-ка на ее голову! Что за мерзкое зрелище! Это, поди, нечестивая зараза из южных земель! Проклятая вшивая дрянь стояла рядом с нами — нужно ополоснуть руки и волосы святой водой!

Но никому не было дела до криков бесстрашных из-за малолетства ребятишек — слишком уж растеряны и напуганы были остальные таммельнцы, повидавшие нынче столько, сколько они обычно не видали и за год. Колдуны, зачарованный герцог, мертвые демоны, рыжие ведьмы... пусть горожанам и объявили, что сегодня добро победило зло, на душе у простого люда остался дурной осадок — я видела это по мрачным, потерянными лицам. Герцог ушел, речи умолкли, трубы и барабаны затихли, и люди торопились уйти подальше от зловещей виселицы, на которой болтался черный мертвец.

Хорвек, небрежно швырнув пустую бутылку себе под ноги, казалось, собирался последовать их примеру. Вначале я бездумно шагнула за ним, но потом замерла, вспомнив, с кем имею дело. Темный дух, вселившийся в мертвое тело человека вопреки законам богов, духов и людей!.. Противоестественность произошедшего могла привести лишь к разрушению сущности демона, и безжалостный этот распад губил всех, кто приближался к ожившему покойнику. Так мне сказал господин Казиро, и словам этим я верила все больше.

Бывший демон, словно почувствовав мои колебания, оглянулся, и я впервые заметила небольшую перемену случившуюся в его внешности: глаза, ранее бывшие светлыми, серо-желтыми, стали почти черными, что куда естественнее сочеталось со смуглым скуластым лицом, но, вместе с тем, лишили его прежнего безмятежного выражения, так удивлявшего меня во время нашего недолгого знакомства. Ранее взгляд его, казалось, был внимательнее, яснее, пусть в этой спокойной ясности чувствовалась некоторая отрешенность.

«Ох, да он же превращается в человека! — поняла я, с ужасом глядя на разбитую бутылку, в которой до того я не видела ничего зловещего. — Господин Казиро говорил, что демон отказывался от человеческой пищи, чтобы дольше сопротивляться природе своего нового тела. Но раз он пил вино, то, стало быть, уже уступил! Сколько же времени осталось до того момента, как тело начнет убивать сознание?»

Хорвек не мог знать, что рассказал мне умирающий дух таммельнского дворца, однако выражение моего перекосившегося лица он истолковал верно.

— Теперь ты вновь боишься меня? — равнодушно спросил он, пошатываясь. — Самое время.

— Ты... ты пил вино, — заикаясь, пробормотала я, переводя затравленный взгляд с бродяги на пустую бутылку, лежавшую между нами на булыжной мостовой. — Оно же погубит тебя!

— Непременно погубит, как погубило многих людей до меня, — отозвался он после небольшой заминки. — Пьянство будет сводить людей в могилу до конца времен, но это отнюдь не самый скучный способ распрощаться с жизнью побыстрее...

Говоря это, он не сводил с меня глаз, и по лицу его пробежала странная дрожь, наверняка свидетельствующая о внутренней борьбе, происходящей в его изувеченной душе. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не прогнать меня — мои слова причинили ему если не боль, то, по меньшей мере, вызвали гнев и злость, как это бывает, когда разговор становится слишком неприятным для одного из собеседников. Я сжалась и зажмурилась, ожидая то ли крика, то ли удара, но молчание затянулось, и я с опаской подняла взгляд на Хорвека. Он же медленно поднес руки к лицу, словно стирая с него невидимую грязь, а когда отнял ладони — его взгляд стал прежним, ясным и спокойным. Никогда бы я не подумала, что буду когда-то радоваться тому, что демон остался демоном, но теперь едва не заплакала от счастья, увидев знакомые светло-серые, с желтизной глаза.

Но не успела я выдохнуть с облегчением, как лицо бродяги снова исказилось, и Хорвек согнулся пополам — его скрутил приступ жесточайшей рвоты. Я бросилась к нему, пытаясь поддержать, и нас тут же принялись бранить прочие горожане:

— Грязные бродяги! Пьяницы! Упьются дешевой браги до полного изумления, а затем разносят скверну повсюду! Что за непотребство творится перед дворцом Его Светлости?! Где же стража? Нужно вышвырнуть отсюда этих мерзавцев и побыстрее... Подите прочь, пока кости целы! Вашими мерзкими испитыми рожками да вытереть бы эту смрадную лужу!.. Провалиться бы вам в ту выгребную яму, из которой вы выбрались! Вон! Пошли вон!!!

Мы с Хорвеком последовали этим настойчивым советам, и поторопились убраться подобру-поздорову. Я первое время поддерживала своего спутника, но вскоре он высвободился, и, помотав лохматой головой точно искупавшаяся собака, пошел сам, ступая лишь самую малость нетвердо.

Я опасалась что-то у него выспрашивать, уяснив себе одно: демону не хочется говорить о своем превращении в человека, и не из-за одной лишь досады — по всей видимости,

стоило ему только задуматься о своем обреченном будущем, о противоестественности своего нынешнего существования, как безумие начинало точить его сознание вдвое безжалостнее. Он должен был жить одним днем — не помня о прошлом и не помышляя о дне завтрашнем, и только так мог отсрочить свой конец. Но человеческое тело властно требовало своего — еды и питья — и каждый кусок хлеба, каждый глоток вина был маленьким поражением демона Рекхе, становившегося все более человеком — но не могущим им стать.

— Нет, пожалуй, мне больше нравилось, когда ты меня боялась, — проворчал Хорвек, искоса глядя на меня. — От испуга твое лицо не становилось таким глупым, как сейчас. Сдается мне, тебе нужно немного отдохнуть. Где ты провела нынешнюю ночь?

— В могиле, — сказала я чистую правду, и меня начало трясти, точно я превратилась в куклу-марионетку, за нитки которой дергает проказник-кукловод. — В самой глубокой могиле на заброшенном кладбище. Я встретила там старого знакомого, и мы поделили этой ночью последнее прибежище. Вот только он и в самом деле умирал, а мне пришлось убираться оттуда — земля еще меня не принимает... Из моих волос крысы сплетут шнурки и нанижут на них монеты, а я нынче стала проклятой ведьмой...

Должно быть, любому другому мой рассказ показался бы сущим бредом, но Хорвек слушал меня внимательно, и, как мне показалось, сумел верно истолковать каждое мое слово, хоть ни о чем так и не спросил.

— Тебе нужно пообедать, — только и сказал он. — Твое платье никуда не годно, а лицо так грязно, что чародейка постыдится тебя собственноручно убивать, если ты все-таки попадешь в ее руки. Пойдем со мной — и хотя бы одну ночь ты проведешь в чистой постели, а не в чьей-то могиле, к тому же, занятой другим мертвецом.

Тут я утерла слезы — они отчего-то были холодными, словно растаявший снег — и разглядела, что Хорвек, в отличие от меня, одет вовсе не в штопаное крестьянское платье. Пусть его наряд и не казался образцом приличия, но всяко выглядел куда лучше моих грязных обносков.

— Откуда у тебя деньги? — я всплеснула руками, вновь заподозрив худшее. — Ты ограбил кого-то? Убил?

— Я не убиваю, — тут же быстро ответил Хорвек, и пусть тон его был легкомысленным, мне послышалась в нем звонкая стальная нота. Я прикусила язык: мне следовало сообразить, что убийство для бывшего демона сейчас означает худшее: начало кровавого безумия, которое он изо всех сил пытался сейчас отсрочить.

— Ох, Хорвек, прости! Я не хотела сказать, что ты способен на одни лишь злодеяния, — извинения мои звучали неловко и глупо, но я все лепетала какие-то беспомощные оправдания. — И я вовсе не думаю, что у тебя не достало бы ума раздобыть деньги честно...

— Да нет, ты угадала почти верно, — отозвался он, сердечно мне улыбнувшись. — Я ограбил кое-кого этой ночью. Видишь ли, я способен смириться со многими бедами и неудобствами своей нынешней жизни, но не с дрянной крестьянской одеждой, которая приличествует только самому презренному сословию. Так низко пасть я не могу. Однако убивать мне никого не пришлось — монахи оказались так трусливы, что отдали мне добрую половину своих денег, стоило их самую малость припугнуть...

— Ты ограбил монахов? — вскричала я, уставившись на Хорвека, описывавшего свой поступок столь обыденно и легко, словно речь шла о случайной встрече с дальними родственниками, от которых удалось отделаться после обмена парой-тройкой

бессмысленных любезностей.

— Думаешь, об этом стоит объявить погромче? — съязвил он, впрочем, безо всякого признака серьезного беспокойства.

— Но это же страшный грех! — я понизила голос, и оглянулась по сторонам. — За такое и пожизненную каторгу, пожалуй, присудить могут. Да что там — не станут разбираться, по благословению священников посадят в мешок, набитый крысами, и бросят в реку! Нельзя посягать на имущество милостивых богов!

— Не так уж они милостивы, если не желают делиться своим добром, да еще и внушают своим последователям, что воров следует топить в мешке с крысами, — отмахнулся Хорвек. — К тому же, монахи не станут жаловаться на понесенный ущерб.

— Отчего это? — спросила я вместо того, чтобы озвучить вертевшийся на языке вопрос: «Так что же — ты их прикончил все-таки, поганец?».

— То были наши старые знакомцы, тихонько присвоившие сундук с пожертвованиями для лесного храма, — Хорвек довольно ухмыльнулся, и мне показалось, что в нем вновь начала набирать силу человеческая природа — уж слишком лихой и беззаботной получилась эта улыбка. Именно так должен был скалить зубы тот бедовый парень, в тело которого вселился темный дух.

— Ты их нашел? — охнула я, невольно восхитившись сметливостью демона.

— Они и не прятались, — Хорвек все увереннее шагал вниз по улице, и я с облегчением заметила, что нездоровая бледность уже сошла с его лица. — Вернувшись в храм, эти проныры объявили, что все золото забрали разбойники, и даже если кто-то усомнился в этих словах, то не решился проводить дознание после того, как в город вернулись ограбленные паломники, на каждом углу вопящие о нечестивцах, напавших на святых людей. Только об этом и болтают в тавернах, втайне завидуя удаче богохульников, получивших безо всякого труда целый сундук золота.

— И ты отправился в храм? — продолжила я расспросы, видя, что они ничуть не смущают бродягу.

— При храме дают ночлег беднякам, и хоть ночевать в той сырой и холодной богадельне не намного приятнее, чем в могиле, — невозмутимо отвечал он, — я воспользовался гостеприимством святой обители. В ответ на мои простодушные расспросы, добрые люди указали на святых отцов, пострадавших от разбойников, и уже к рассвету один из них рассказал мне, где закопан сундук.

От последних слов у меня мороз по коже пошел, несмотря на то, что голос Хорвека оставался таким же безмятежным. Не приходилось сомневаться, что спроси я: «Неужто ты пытал монаха, мерзавец?» — он все с тем же замечательным равнодушием ответит на мой вопрос утвердительно, да еще и присовокупит к ответу немало тошнотворных подробностей.

По всему выходило, что минувшую ночь бывший демон провел с куда большей пользой: пока я сомнительным образом обогащала свой разум, слушая господина Казиро, Хорвек разбогател в прямом значении этого слова. По тому, как неуловимо менялся цвет его глаз во время рассказа о монашеских сокровищах, я поняла, что золото весьма угодно как его демонической части, так и человеческой.

Я не знала, куда он ведет меня, и не решалась спрашивать, уже устав от ответов, пугавших меня еще больше, чем молчание. Однако дурные мысли не отступали, ведь мой взгляд то и дело задерживался на Хорвеке — все в его облике напоминало мне: это тело раньше принадлежало какому-то другому человеку. Прежний хозяин украсил свои руки

синеватыми северными узорами, вплел в волосы цветные нити и бусины, вддел в уши и в нос серебряные серьги... Тут я припомнила, что Хорвек снял эти украшения, когда мы возвращались в Таммельн, и прикусила губу, размышляя, отчего побрякушки вернулись на прежнее место, несмотря на то, что были слишком яркой приметой. Не могло ли так случиться, что тело покойника хранило какие-то обрывки памяти и настойчиво требовало вернуть то, что принадлежало ему при жизни?..

Хорвек был чуток к любому проявлению моего внимания — и тут же прямо спросил:

— Что вновь не так?

— Серебро, — не придумала лучшего ответа я. — Люди говорят, что демоны не переносят серебро.

— Еще бы, — фыркнул он. — Дешевка! Верная примета неуважения со стороны дарящего и неразборчивости со стороны принимающего — только золото достойно высших созданий.

— То есть, демоны просто его не любят? — озадаченно переспросила я. — А как же легенды о том, что серебро губит демонов?

— Оно губит самоуважение, — скривился Хорвек. — А унижение всегда сродни бесчестию.

— Но зачем же ты вновь...

— Потому что я не демон, — отрезал он, и я поумерила свое любопытство, поняв, что мои расспросы — словно поглаживание израненной кожи: иной раз стерпеть можно, но куда чаще я касаюсь открытой раны, отчего она может нагноиться.

Однако усмирение беспокойства — не такое уж простое дело, и вновь я в уме складывала слово к слову, воспоминание к воспоминанию: сегодня ночью псы-оборотни искали демона на старом кладбище, а на следующий день черный мертвец очутился на виселице... Значит ли это, что ведьмины твари все-таки нашли нечистые останки среди старых могил? А если так, то Господин Подземелий и впрямь вывел тогда Рекхе на кладбище, где демон получил это тело... О, как мне хотелось верить, что Рекхе не убивал безвестного бродягу, чтобы заполучить новое обиталище для своей темной души!

Мне ясно представилось, как слепой демон таился между надгробий, принимаясь и ожидая нужного случая. Вот гробовщики приволокли покойника — быть может, он был убит во время кабацкой потасовки или ограблен более везучим собратом. Как произошло перерождение? Что человеческого сохранилось в этом теле — остатки памяти, особенности нрава, склонность к вину, быстрому богатству и приключениям? Чувствует ли Рекхе, как эта кровь, вновь побежавшая по жилам, требует своего?.. Как противен ей новый хозяин? Может ли демон читать воспоминания того бедняги, что не дожил, пожалуй, и до своего двадцать пятого дня рождения?

Но более всего меня занимала мысль о причине, побудившей демона стать человеком. Срок жизни ему при этом отводился мизерный, а для мести колдунье не доставало сил. Неужто и вправду он хотел отдать мне долг? Но разве не была я в его глазах так же ничтожна, как остальные люди?

Повинуясь внезапному порыву я ускорила шаг и коснулась руки Хорвека. Он вздрогнул, однако после секундного колебания сжал мои пальцы, и произнес, превратно истолковав мое потерянное выражение лица:

— Сегодняшний день не так уж плох — все остались живы. А ты хорошо держалась, маленькая Фейн. Ты должно быть не заметила, что сумела в очередной раз победить ведьму?

Ведь ты переиграла ее, и все еще свободна, как ветер, хотя одна из тех петель предназначалась тебе.

— Но это я виновата в том, что случилось с дядюшкой и Мике, — прошептала я, сразу же почувствовав себя опустошенной и бессильной. — Ты сам сказал мне это...

— Я не хотел тебя обидеть, — Хорвеку нелегко давалось сочувствие ко мне, но я видела, как он старается изобразить непривычное для него чувство. — И сказал это вовсе не для того, чтобы ты винила себя. Но ради себя самой ты не выдержишь тех бед, что тебя ожидают. Сама по себе ты всего лишь слабая недалекая девчонка, ничем не отличающаяся от прочих. Только когда в голову тебе взбредает кого-то спасти, ты становишься отважной и стойкой. Ради одного мужчины ты совершила множество храбрых поступков. Быть может, ради троих у тебя получится совершить и вовсе невероятный подвиг?

— А ты поможешь мне? — спросила я, с детской надеждой глядя на него.

— О, не переоценивай мои способности, — с мрачной усмешкой промолвил он, отведя глаза. — Боюсь, я годен только на то, чтобы изредка давать тебе скучные советы и предупреждать об опасности, которой ты все равно не сможешь избежать. Сегодня, пожалуй, я могу быть полезен еще в одном отношении...

И Хорвек с полупоклоном указал в сторону строения с яркой вывеской — то была гостиница, из кривой трубы которой шел сизый дымок: наверняка там совсем недавно разожгли кухонный очаг, и мой живот от одной этой мысли громко и тоскливо заурчал.

Заведение это было не из тех, где хозяин слишком пристально вглядывается в лица своих постояльцев, но и глотки здесь по ночам не резали, это уж точно. Хорвек, к тому же, не скупился, заняв самый хороший номер, и даже если кому-то из челяди показалось странным то, что гость притащил с собой грязную нищенку, озвучены эти сомнения не были. Я испуганно вжала голову в плечи, когда услышала, как мой воистину странный друг приказывает хозяину подать в комнату побольше горячей воды для мытья.

— Вдруг рыжина проступит? — тихо пискнула я, вцепившись в рукав Хорвека.

— Веский повод для того, чтобы не касаться воды и мыла до конца дней своих, — согласился он невозмутимо. — Однако, мне кажется что тебе стоит пойти на этот безумный риск. Не хочу тебя огорчать, но, боюсь, наша дружба не продлится долго, если я вынужден буду терпеть этот запах с утра до ночи.

— Какой запах? — удивилась я, и принялась принюхиваться. — А-а-а! Наверное на меня плеснули помоями на рынке, когда я проходила мимо мясных рядов — торговки подумали, что я хочу что-то украсть...

Хорвек закатил глаза, и я вспомнила, что имею дело с демоном наиболее благороднейших кровей. Мне следовало догадаться, что из подобных господ чистоплюйство не выводится ни подземельями, ни перерождениями. Я вновь осмотрела его с ног до головы и впервые заметила, как явно в его одежде проявилась двойственность натуры: множество украшений, пестрая повязка на лбу, бусины и цветные нитки в волосах — все это принадлежало неизвестному бродяге, недавно отдавшему свою душу богам. Но отличные сапоги, рубашка из хорошего тонкого полотна, куртка из кожи лучшей выделки — все это наверняка показалось бы тому бродяге излишней роскошью. Стоило только Хорвеку раздобыть денег, как он тут же приделся, точно дворянин, но так и не смог вытравить из себя постыдную слабость к дешевым побрякушкам, доставшуюся ему по наследству, как и узоры на руках. Из-за этого он походил, как мне показалось, на картежника-мошенника, к которому удача была в последнее время весьма благосклонна. Возможно, подобный гость показался бы

нежелательным хозяину более добропорядочной гостиницы, но в заведении, приглянувшемся Хорвеку, при условии достаточной щедрости мог сойти и за почетного.

Итак, отвертеться от мытья не вышло — меня едва ли не силой затолкали в бадью с водой, от которой валил густой пар.

— Если ты не оставила мечты стать когда-нибудь герцогиней, — приговаривал Хорвек с деланной серьезностью, — то придется уж смириться с таким несчастьем, как мытье.

Вода оказалась такой горячей, что, казалось, с меня и кожа слезет вместе с грязью. Хорвек, убедившись в том, что я не собираюсь сбегать из бадьи, ушел из комнаты, пощадив жалкие остатки моей стыдливости, по большей части растерянной за время бродяжничества. Вымывшись, я натянула на себя одну из его новых рубашек. Она доходила мне едва ли не до колен, но этого мне показалось недостаточным, и я закуталась в плащ. В небольшом темном зеркале, висевшем на стене, отразилась жалкая фигура, и я подошла поближе, чтобы рассмотреть свое лицо. Оно, к счастью, не слишком-то переменялось — лишь осунулось и исхудало — а вот от волос остались лишь жалкие топорщащиеся прядки сероватого цвета, точь-в-точь крысиная шкурка. Исчезли и мои яркие веснушки, а брови вовсе выцвели.

Когда Хорвек вернулся, я самозабвенно рыдала, обхватив голову руками.

— Мои волосы! — повторяла я. — Мои славные рыжие волосы!.. Пусть они принесли мне много бед, но как я буду без них обходиться? Неужто они никогда не отрастут?.. Неужто всегда будут мерзкого серого цвета?

— Мне следовало догадаться, что эти потоки слез проливаются отнюдь не из-за того, что твой родственник отправился в тюрьму, жених — на корм нечисти, а ты сама объявлена вне закона, — покачал головой Хорвек после того, как вслушался в мои всхлипывания. — Так убиваться женщина способна только из-за красоты. И, право слово, было бы что оплакивать!..

Но, произнося эти слова, он аккуратно и внимательно осматривал мою голову — оттого прозвучали они не столь уж обидно.

— Колдовство, изменившее цвет твоих волос, продержится не дольше одной луны, — его голос звучал уверенно, и мои рыдания утихли. — Отрастать косы будут совершенно обыкновенным образом, могу тебя уверить. И это тебе на руку — пока все ищут рыжую девчонку, невзрачному мальчишке можно свободно разгуливать по улицам Таммельна.

Я, утерев заплаканное лицо, увидела, что он принес мне новую одежду — добротную и теплую: шерстяные штаны, длинную темно-красную рубаху, к которой прилагались жилет из овчины и суконная серая куртка. Также для меня были куплены новехонькие мягкие сапоги, лишь самую малость великоватые — глаз у демона оказался верным. Подобный наряд был обычным для путешественников, собиравшихся в дальнюю дорогу в преддверии холодной поры года, и я с тревогой рассматривала одежду, размышляя, не значит ли это, что Хорвек собирается услатить меня вон из города. Говорил же он, что не сможет мне помочь в борьбе с ведьмой?..

— Я не надену это, — угрюмо заявила я.

— Заверяю тебя чистосердечно, мне не жаль поделиться рубахой, — ответил на это Хорвек. — Но с чего ты взяла, что тебе полезнее оставаться босой и голоногой? Ночи уже холодны, а городские улицы чертовски грязны, не говоря уж о проселочных дорогах.

— Я не собираюсь сбегать из Таммельна, — еще мрачнее произнесла я, втягивая голову в плечи. — Ты можешь отправляться куда глаза глядят, но для меня это никак не годится.

— Дело твое, — легко согласился он. — То, что я принес тебе эту одежду вовсе не

значит, что ты должна меня слушаться...

— Верно, — проворчала я, нерешительно протягивая руку к рубахе.

— ...Ты должна меня слушаться, потому что глупа и бестолкова, — невозмутимо продолжил Хорвек. — И если решишь воевать с ведьмой своим умом, то тут же окажешься на том свете. Вполне возможно, перед тем еще успеешь пожалеть, что тебя попросту не повесили сегодня за компанию вместе с твоим невезучим семейством.

— Уж кто бы говорил, — пробормотала я, но рубашку все-таки взяла. — Твоего ума в свое время тоже оказалось недостаточно для того, чтобы не оказаться в тюрьме!

— Я извлек урок из своих ошибок, — бывший демон показывал себя существом бесконечно терпеливым. — А вот ты приходишь из породы мелких людишек, ошибки которых их тут же приканчивают, так что пользы из этого никак не выйдет.

Как я не морщила нос, одеваясь, новый наряд оказался вполне удобным, и не так уж изуродовал меня, как я того опасалась. Ноги в узких штанах казались кривоватыми, а рубаха слишком болталась, но теперь бы на меня никто не плеснул помоями без веской на то причины.

К тому времени начало вечереть, и служанка, постучавшись, спросила, подать ли нам ужин в комнату, или же мы спустимся в общую комнату.

— Чем нелюдмее мы будем себя вести — тем с большим подозрением к нам отнесутся, — рассудительно заметил Хорвек, и мы отправились ужинать в большой зал, уже наполненный разнообразнейшими гостями — путешественниками, монахами, мастеровым людом и прочими мелкими господами не из худших. Нам подали прекрасную похлебку, свежий хлеб, жареную курицу и бутылку вина — я громко сглотнула, увидав всю эту роскошь разом. Такого славного ужина у меня не случалось уже много дней.

Хорвек едва притронулся к еде, и я поняла, что он вынужден соблюдать жесткую умеренность. Мне подумалось, что бедняге демону выпала тяжкая доля: что в своем изначальном облики ему доводилось соблюдать обет не из легких, что в человеческом он был лишен даже самых безыскусных плотских радостей.

Между тем, посетители гостеприимного заведения веселились с каждой минутой — огонь в большом очаге пылал, вино к столу подавали доброе, а пиво наливали без остановки. Раздался перезвон струн, и приятный голос начал выводить старую балладу о раскаявшемся разбойнике: лихого злодея изловили и привязали к позорному столбу, пообещав под утро повесить при всем честном народе. Но тут откуда ни возьмись появилась бродячая собака, и, ласково беседуя с ней, пленник уговорил неразумное животное, не ведающее о законах человеческих, перегрызть веревку. После счастливого избавления он, разумеется, встал на честный путь, обратился к богам и до самой смерти мирно странствовал в сопровождении верного пса, деля с ним последний кусок хлеба. «Пусть ты, мой друг, и бессловесен, — распевал бард, — но сострадателен и честен. Добром я отныне плачу за спасение, прими же, приятель, мое угощение!»

Эта бесхитростная песенка часто слышалась при трактирах и кабаках — растроганные слушатели нередко делились с певцами своим ужином, если припев об угощении повторялся несколько раз с должным чувством. Но на лице Хорвека, задумчиво прислушивающегося к веселой мелодии, поступило выражение, заставившее меня поперхнуться.

«Всеблагие боги! — потрясенно подумала я, отложив ложку в сторону. — Да этот негодяй поди считает меня эдакой скудоумной псиной! Вот и кормит меня, точь-в-точь тот разбойник из песни. Решил, что я теперь стала его домашней скотиной, за которой нужен

уход! Оттого и носится со мной, точно с тухлым яйцом...».

— Эй ты! — я щелкнула пальцами перед носом Хорвека, погруженного в глубочайшую задумчивость. — Слышишь меня?! Не вздумай! Не вздумай, тебе говорю! Ишь ты — вообразил себя раскаявшимся злодеем, а меня скотиной бессловесной, неразумной? Я, быть может, поразумнее тебя буду! И уж точно ума у меня поболее, чем у какой-то шавки! Эта песня не про нас, понял?

— Разумеется, не про нас, — вздохнул Хорвек. — Что у разбойника, что у его дворняги хватило смекалки для того, чтобы тут же сбежать куда глаза глядят. Мы куда глупее них, не стоит даже равняться.

Насмешка разозлила меня, но хлесткий ответ не шел на ум, и я вновь принялась хлебать суп, сжав ложку так, словно была готова стукнуть ею Хорвека по лбу, стоит мне услышать от него еще одну издевку.

Внезапный приступ дурноты заставил меня остановиться, я закашлялась, вначале подумав, что подавилась. Но воздуха не хватало все больше, словно на шею мне накинули удавку, и я захрипела, схватившись за шею. Хорвеку хватило одного взгляда, чтобы подняться со своего места, и очутиться возле меня — но я поняла, что спокойствие нарочитое.

— Не привлекай к себе внимания, — негромко, но сурово приказал он мне. — Нам нельзя вызывать подозрение. Сделай вид, что просто закашлялась.

И он повел меня наверх, поддерживая под руку — я ничего не видела перед собой из-за удушья, но послушно старалась держаться ровно, ведь из услышанного стало понятно, что со мной происходит что-то до крайности дурное и опасное.

В комнате я повалилась на пол, все пытаюсь вдохнуть побольше воздуха, но получалось совсем плохо. Хорвек тем временем действовал быстро и уверенно: оказалось, что он успел прихватить с собой пригоршню соли, и сейчас рассыпал ее вокруг меня, очерчивая круг. Постепенно невидимая удавка ослабела, хоть и не исчезла полностью — дышалось тяжело, точно на грудь мне взвалили большой камень.

— Что со мной? — прошептала я, хватая ртом воздух.

— Обычная неприятность для тех, кто не сумел скрыть свое имя от колдуньи, — отозвался мой приятель, подравнивая соляную полоску. — Если у ведьмы есть вещь, которая тебе принадлежала, и она знает, как тебя зовут, то она может наслать на тебя кое-какие чары. Это глупая, простая магия, которая не причинила бы тебе серьезного вреда. Должно быть, госпожа чародейка сильно обозлена после сегодняшней неудачи, оттого и опустилась до таких низких заклятий.

— Она знает, где я? За мной придут ее слуги?

— Нет, для этого одного только имени недостаточно, — покачал головой Хорвек. — Колдунья и без того подозревала, что ты в городе — сейчас же она в этом убедилась, но точного места она не определит. Не столь уж дурная весть, хотя лишний раз ее дразнить не стоит... Не шевелись! — окрик заставил меня снова опуститься на пол. — Ты все еще под действием заклинания и стоит тебе выйти из соляного круга, как оно примется тебя душить. Пока соль впитывает магию, которой полагалось бы отзываться в твоей крови, нужно избавиться от того, что тебя губит...

— Это от чего же? — до того мне казалось, что сильнее испугаться невозможно, однако последние слова заставили мое сердце уйти в пятки.

— От имени, — разъяснил мне он. — Раз уж она вплела его в заклинание, то нужно

превратить его в бессмыслицу, и чары тут же разрушатся. Видела, как бусины рассыпаются, стоит порвать нить, на которую они нанизаны? Здесь все то же, но только вместо нити — твое имя. Откажись от него, и оно станет простым набором звуков.

Отчего-то это предложение мне совсем не понравилось. Лишившись волос, я и без того чувствовала себя потерянной, словно вместе с рыжей косой утратила важную часть себя. Раньше я твердо знала, кем являюсь: Фейн, рыжей племянницей лекаря. Что теперь осталось от этого знания, так естественно определявшего мое прежнее место в мире? Дядюшка Абсалом уже не был лекарем, превратившись внезапно в преступного колдуна. Из моих рыжих волос сейчас плел шнурки беспамятный господин Казиро, и единственное, что осталось от той старой славной жизни — так это мое имя. Нет, мне отчаянно не хотелось от него отречься, тем более, что от этого действия за версту разило колдовством, ничуть не отличавшимся от того, которым промышляла рыжая ведьма.

— Я не буду колдовать, — отрезала я, и с вызовом посмотрела на Хорвека. — Это дрянное дело, и я не желаю, чтобы ко мне прилипло хоть что-то из чародейских фокусов!

— Ну еще бы, — он улыбался мне, и в изгибе его губ мне впервые почудилось что-то злое. — Если ты произнесешь хоть одно заклинание, то тут же станешь ведьмой... как и назвал тебя герцог сегодня на площади. А ты не вынесешь, если хоть какое-то из его обвинений окажется правдой.

— Колдовство принесло ему столько горя! — почти крикнула я, уязвленная верностью его догадки. — Если... Когда заклятье падет, то он слышать не захочет о чародействе и о тех, кто ним промышляет. Я не смогу ему лгать! И не буду! Я спасу его безо всякой магии!

— Не говори громко о магии, маленькая Фейн, — Хорвек говорил ровно, безо всякого волнения, но что-то в его голосе заставило меня смолкнуть. — Сегодня в Таммельне все особенно чутко прислушиваются к таким словам, и с каждым днем искать ведьм будут все старательнее. У тебя мало времени. И если ты все же хочешь выйти из соляного круга, то тебе придется защищаться от чар. Сегодня она душит тебя, а завтра начет втыкать в восковую фигурку иголки. Ты не умрешь, но будешь все время испытывать попеременно то боль, то удушье, а ночами тебе будут сниться одни кошмары. Вступив в поединок, глупо отказываться от оружия, если уж твой противник вооружен до зубов. А Огасто... он простит тебя, я полагаю. Люди обычно склонны прощать своим спасителям некоторую беспринципность, когда на кону стоит их собственная жизнь. Ты ведь хочешь спасти своего прекрасного герцога, Фейн?

— Да... — потерянно пробормотала я, наблюдая за тем, как крупинки соли темнеют, начиная походить на угольную крошку.

— Тогда забудь о своих убеждениях до того времени, когда твоей жизни и жизни твоих близких не будет угрожать опасность. Быть может, никто не спросит, на что тебе пришлось пойти ради их спасения, и эта маленькая тайна умрет вместе с тобой... и со мной. Тем более, что ты уже как-то обращалась за советом к демону, не так ли?

— И это обернулось большой бедой, — не сдержала я злого упрека, который, по чести сказать, был незаслуженным, ведь то было мое собственное решение, и демон никогда не просил меня спасти его.

— Что толку сожалеть о своих ошибках? — ответил Хорвек равнодушно, словно ждав этого обвинения и заранее с ним смирился. — Ненависть ко мне не должна мешать тебе видеть выгоду. Сейчас суть выгоды проста: послушав меня, ты можешь избавиться от порчи, которую на тебя насылает ведьма. Сделай так, как я говорю, и можешь дальше думать о том,

что следовало просто оставить у решетки нож, как тебя о том просили.

Произнося последние слова, он поднял голову и пристально посмотрел на меня. Глаза его были светло-желтыми, почти бесцветными — воспоминания на время вернули ему прежнее состояние ума, но походило на то, что демон был этому не так уж рад. Странное озарение заставило меня выпалить:

— Клянусь, что не жалею о том, что поступила именно так. И у меня нет к тебе ненависти!..

— Значит, еще не пришло время, — тихо ответил Хорвек. — Ну что же? Ты согласна отказаться от своего имени?

— Да, пожалуй, — робко и неуверенно согласилась я, глядя на него с опаской. — Что нужно делать?

— Повторяй за мной, — сказал он, и я, слушая его тихие монотонные подсказки, послушно объявляла:

— Под луной и под солнцем, под звездами видимыми и невидимыми, в мирах небесном, земном и подземном, более я не Фейнелла! Ни на словах, ни в мыслях, ни в знаках! Отрекаюсь от этого имени, и по доброй воле отдаю его мертвым и неродившимся!

Простые слова эти удивительным образом отзывались дрожью во всем моем теле, и стоило мне умолкнуть, как в голове зазвенело, а живот свело, точно внутри меня образовалась бездонная пустота. На минуту я растерянно замерла, не помня себя, не понимая, что вокруг происходит — словно все мои воспоминания смело прочь, как сметает листву порывом ветра. Незнакомец, сидевший напротив, взял меня за руку, и память постепенно начала возвращаться — но что-то неуловимо изменилось, и тягучая неизбывная тоска поселилась в душе, не давая освободиться от мысли, что со мной произошло что-то ужасное и непоправимое.

— Это пройдет, — успокаивающе произнес Хорвек, поняв по моему лицу, как мучительны эти новые ощущения. — Сейчас все уляжется — это как вода, помутневшая из-за поднявшегося песка там, где бросили камень... или пробежались по отмели... Но вскоре вода успокоится, песок осядет, и вновь ручей станет чистым... Ты осталась сама собой, просто в это нужно поверить как следует...

Его тихий голос ввел меня в забытие, очнувшись от которого, я обнаружила, что прижимаюсь к Хорвеку, а он тихонько покачивает меня из стороны в сторону, продолжая монотонно и тихо говорить о какой-то ерунде вроде воды, песка и листьев. Я подалась назад, вырвавшись из его рук, и только тогда поняла, что мне вновь легко дышится — невидимый камень, давивший мне на грудь, исчез.

— Обычное дело, — сказал мне Хорвек, внимательно следивший за переменами в моем лице. — Когда отказываешься от своего имени в первый раз, то всегда на душе паршиво. Во второй раз это происходит куда легче, а затем и вовсе входит в привычку.

— Откуда ты знаешь? — я смотрела на него исподлобья.

— Все чародеи меняют имя много раз на протяжении своей жизни. Никто не хочет дарить своим врагам оружие, а у колдунов всегда много врагов среди себе подобных, — Хорвек, произнося это, медленно протянул ко мне руки, явно пытаясь не напугать меня лишним раз, и повернул мое лицо к свету лампы, что-то внимательно в нем изучая. Увиденное его удовлетворило, и он одобрительно хмыкнул.

— Что ж, все верно сделано, можешь выйти из круга.

— Но ты ведь не чародей? — с подозрением спросила я.

— Сейчас я никто, — он, поднявшись на ноги, отряхивал штаны, точно ничего особенного только что не произошло. — Но давным-давно мне приходилось отказываться от своего человеческого имени, и не раз.

Я вспомнила, как демон рассказывал, что матушка его относилась к чародейскому сословию, и подумала, что приходится родственником магам — то еще несчастье. Конечно же, враги пытались навредить не только самому колдуну, но и его близким, если уж они каким-то чудом появлялись у мерзких чернокнижников. Мне стало интересно, творил ли демон-полукровка колдовство до того, как отказался от своей человеческой сущности и поклялся в верности дому своего темнейшего батюшки, но спрашивать об этом я не решилась.

— Значит, теперь я не... Фейн? — спросила я, запнувшись. Собственное имя и впрямь казалось чужим.

— Нет. Но это ровным счетом ничего не меняет, — Хорвек объяснял терпеливо, видя, как я растеряна. — Люди чрезмерно привязаны к своему имени, внешнему облику и очень боятся потерять себя, отказавшись от них. Однако твоя истинная сущность — не имя, не рыжие волосы, и совершенно неважно, как тебя зовут другие и что они видят перед собой.

— Но как же я буду жить без имени?

— Возьмешь другое, — он пожал плечами. — Не пройдет и пары дней, как новое прозвище прилипнет к тебе, пустит корни, и когда придет время от него отречься, то вновь будет грустно. Но уже не так, как сегодня, обещаю.

— Другое? — я растерялась еще больше. — Какое же? Я не знаю, как назваться...

— Ты была рыжей девочкой Фейн, а теперь можешь стать не-рыжим мальчиком, — Хорвек теперь говорил отвлеченно, точно все это считал сущими пустяками. — Мальчиком по имени Нель. Или Йель... Привыкнуть будет легче, если переименовать старое имя...

«Или человек Хорвек, получившийся из демона Рекхе» — я едва удержалась, чтобы не сказать это вслух, однако правила игры навязанной мне, становились если не понятнее, то привычнее. Говорить вслух об обстоятельствах перерождения демона не стоило, и всякие догадки следовало оставить при себе.

— Пусть будет Йель, — покладисто согласилась я. — Но, видят боги, больше ни к какому колдовству ты меня не приспособишь! Я не желаю становиться треклятой ведьмой!

— Поживем — увидим, — так же смиренно ответил на это Хорвек. — Но скажи мне, Йель... Что ты собираешься делать дальше?

— То есть, тут ты мне добрый совет дать не собираешься... — пробормотала я, разом поскучев, однако тут же хлопнула в ладоши, прогоняя уныние. — Ладно же. Тогда слушай: я хочу раздобыть портрет госпожи Вейдены, который висит в библиотеке Его Светлости.

— Портрет? — искренне удивился Хорвек. — Неожиданный выбор. Что за портрет? Зачем он тебе?

— Единственное, что мне сказала сестра господина Огасто в монастыре — так это то, что на той картине нарисована вовсе не госпожа Вейдена, — я задумчиво терла нос, собирая воедино разрозненные мысли. — Но женщина с портрета дорога Его Светлости, как никто другой — именно к ней он обращался, когда его одолевали приступы безумия. Хранитель дворца сказал, что в портрете нет магии. Стало быть, его нарисовали обычным образом... И художник видел ту женщину, говорил с ней! Нужно найти этого треклятого пачкуна... то есть, мастера... и расспросить его...

Все то время, что я говорила, Хорвек смотрел на меня с изменчивой полуулыбкой,

смысла которой я угадать не могла, однако насмешливой, как ни странно, она не казалась.

— Ну что, нравится мой план? — я сложила руки на груди, и с вызовом задрала нос.

— Мне нравится... нравится совсем другое, — помолчав, ответил бывший демон, улыбнувшись широко и открыто. — Я давно ничему не удивлялся, а теперь это происходит все чаще и чаще. И в такие минуты готов допустить, что у тебя есть шанс победить... рыжую ведьму.

— Да чтоб тебе провалиться! — вспылила я, окончательно уверившись, что надо мною насмешничают. — Предложи чего получше, если так умен!

— Ты зря сердишься, Йель. Я и в самом деле удивлен твоей предприимчивостью — пусть из твоих замыслов не вполне ясно, как ты собираешься победить своего врага, однако ты не сдаешься.

— Что ж тут неясного? — я и сама не заметила, как начала размахивать руками и притопывать ногой. — Если мы узнаем имя женщины с портрета, то нам откроется часть прошлого Его Светлости. А в нем наверняка сокрыта причина, заставившая его связаться с ведьмой. Ведьма обманула его, чтобы подтолкнуть к подлой сделке! И если я разгадаю, в чем состоит ее обман, то господин Огасто расторгнет договор, колдунья утратит свою власть над ним, и уберется восвояси... Или повиснет в той петле, которую она сегодня приготовила для меня!

— А если обмана не было? — Хорвек спрашивал, как мне показалось, с подначкой, подогревшей мои чувства еще немного.

— Господин Огасто — честный и благородный человек! — с жаром возразила я. — Он ни за что не обратился бы к магии, если бы его не обманули! Я слышала множество историй о том, как знатные господа и простолюдины искали помощи у колдунов — и всегда их на то толкала жадность, гордыня и глупость... Его Светлость вовсе не жаден, необычайно милостив, и куда умнее многих! Уж точно умнее меня, а даже мне понятно, что золото чародеев оборачивается в труху и навоз, а все их дела — черным злом!

— Ты смело ручаешься за своего герцога, маленький верный Йель, — ответил на это Хорвек, и мне почудилась горечь в этих словах. — Что ж, иногда то, во что верят люди, оказывается правдой именно благодаря этой вере. Если Огасто откажется от своего слова, данного ведьме — замыслы ее будут порушены, а это не пойдет ей на пользу. Она и так гуляет по очень узкой и опасной тропке на самом краю обрыва... Стоит только одному камню пошатнуться под ее ногой — и падение будет очень долгим...

— Вот уж не хочу об этом ничего знать! — перебила я его, припомнив давний рассказ демона о том, что в живых его оставили лишь оттого, что ведьма опасается мести обманутого ею короля темных созданий. Хоть я и привыкла немного к мысли, что якшаюсь со злым духом, но все еще не желала знать что-либо о его прошлой жизни и об обычаях его мира. Рассказы о потустороннем темном королевстве прескверно звучали, и я бы не удивилась, узнав, что слушать подобные речи ничем не лучше, чем колдовать. Однако кое-что заставило меня озадаченно нахмуриться, и проклятый язык вновь сболтнул лишнее.

— А отчего демоны не мстят колдунье и Его Светлости, раз уж они сегодня объявили, что узник казнен? К ним так долго идут вести? — спросила я прямо, и вопрос мой очевидно не понравился Хорвеку.

— Если смерть высшего существа истинна — его сородичи тут же чувствуют ее, — с заметным усилием над собой произнес он. — Но... истинной смерти не было. И лучше бы никому не знать, что случилось вместо нее...

Его обычно спокойное лицо исказила гримаса отвращения, и у меня не хватило дерзости расспрашивать его далее: без того было понятно, что перерождение в человека для высокородного демона становилось позором, а уж для того, кто был принят в знатный дом полукровкой из милости — и вовсе преступлением против чести. Наказание, которое ждало отступника, попадись он живым в руки своих бывших родичей, по всей видимости оказалось бы жестоким и страшным.

Я вздохнула, уяснив, что никто, кроме меня, не собирается нынче выступить против ведьмы, и пробормотала, сделав вид, что тут же выкинула из головы последние слова Хорвека:

— Портрет... Как же до него добраться? Вход во дворец всегда хорошо охранялся, а стены высоки... Туда проберется разве что крыса или кошка!

— Есть кое-какие способы... — Хорвек произнес это таким тоном, что я тут же гневно вскричала, догадавшись к чему он клонит:

— Я же сказала, что не потерплю никакого колдовства в этом деле! Даже не заговаривай со мной об этом! У меня нет никакого чародейского дара, и не было никогда, слава всемилостивым богам! Пусть я хаживала в храм только по праздникам, а мой дядюшка почитал добрых духов, к магии мы никогда отношения не имели. Поумерь свои дурные привычки, хитрец. Я-то знаю, что демонов хлебом не корми — дай научить кого-то поганым заклинаниям, да вот только ты — человек, и сам в том клялся, а я — никакая не ведьма!

— Как скажешь, Йель, — подозрительно легко согласился он, и тут же выудил из кармана что-то походящее на сверток. — Если уж чародейских свойств в тебе нет, то, быть может, покончим с этим спором, и ты взглянешь на это?

— А что у тебя там? — я недоверчиво отшатнулась.

— Всего лишь карта, которую мне подарил... один наш общий знакомый, — небрежно пояснил Хорвек, лишь слегка запнувшись. — На ней изображены подземные ходы, я полагаю. И кое-какие из них ведут во дворец...

— Карта владений Господина подземелий! — воскликнула я, и шмыгнула носом, вспомнив, что старый дух отошел в небытие. Но что-то подобное он наверняка предугадывал, раз оставил демону карту своего подземного королевства... Я взяла в руки истрепанный пергамент, о происхождении которого старалась не задумываться — больно странно выглядела эта старая кожа — и спустя минуту с досадой воскликнула:

— Ох, да разве же это карта? Ничего не разобрать! Одни письмена и узоры!

— Стало быть, ты что-то там видишь, — со странным торжеством произнес Хорвек, улыбаясь.

— Вижу, — согласилась с недоумением я, вертя карту то так, то эдак. — Да вот только ничего не понимаю. С чего это тебе вздумалось скалить зубы? Я держу эту треклятую карту вверх ногами что ли?

— Ну как же не посмеяться над тем, что человек безо всякого магического дара различает знаки на карте духа? — Хорвек ткнул пальцем в карту. — Понимаешь ли, Йель, обычный человек — вроде меня — видит перед собой только грязный клочок пергамента. А ты сразу же разглядела там рисунки и буквы — не удивительно ли?

Я с проклятиями швырнула карту на пол, точно она загорелась у меня в руках.

— Вранье! — голос мой походил на писк. — Ты обманываешь меня! Я не ведьма! Не ведьма!

— В твоих жилах течет кровь лесного народа, ты сама это говорила, — Хорвек подобрал

карту и бережно сложил ее. — А она всегда дает чуточку умения к волшебю. Твой дядюшка, кажется, отрубил палец колдунье... Не думаешь ли ты, что это по силам каждому?

— Я не умею колдовать! И не желаю учиться!

— И что же ты сделаешь? Выцарапаешь свои глаза, которые видят чуть больше, чем положено человеку?

Из моей груди вырвалось глухое рычание. С трудом я произнесла срывающимся голосом:

— Нет, я просто в руки не возьму эту карту, будь она неладна! Все эти штучки духов — что светлых, что темных — не по мне.

— И как же ты побереешься во дворец? — осведомился Хорвек, приподняв брови.

— Да уж придумаю что-нибудь! — рявкнула я, и совершенно честным образом напряженно размышляла целых десять минут, прежде чем сдалась. Все с тем же рычанием я выхватила у своего приятеля-искусителя пергамент, который он небрежно вертел в руках, точно не зная, куда припрятать.

— И что же я могу поделатъ с этой безбожной дрянью, если ничего не понимаю в треклятых закорючках? — процедила сквозь зубы, с неприязнью глядя на узоры, испещряющие карту.

— Для начала попробуй ее перерисовать, — кротко ответил Хорвек, предусмотрительно удерживающийся от каких-либо дальнейших насмешек. — Если ты не понимаешь наречие, на котором написаны пояснения к карте, то, быть может, я смогу его разобрать.

Мое угрюмое молчание было истолковано как знак согласия, и он кликнул хозяина, чтоб тот подал в комнату письменные принадлежности. Я с содроганием взглянула на заточенное перо, чернильницу, и ощутила уныние, знакомое по тем временам, когда бедняга Мике пытался обучить меня всяческим премудростям.

Хорвек лишь качал головой, глядя на то, как я неумело держу перо, и сколько клякс сажу на бумагу. «Да что ж меня так угораздило — один образованнее другого! Учены донельзя что люди, что демоны, но вот бед у них оттого меньше не случается!» — с досадой думала я, вырисовывая диковинные знаки. Впрочем, мучения мои долго не продлились.

— Нет, эта письменность мне не знакома, — сказал Хорвек, внимательно осмотрев мои растекшиеся каракули. — Чего и следовало ожидать — здешние духи слишком отличаются от высших созданий других миров.

— Так что же — все зря? — я раздраженно бросила перо и обтерла грязные пальцы о простыни на кровати, вызвав у моего чрезмерно воспитанного приятеля еще один укоризненный вздох.

— Почему же? Нам всего лишь следует найти толмача из числа здешних высших существ, — откликнулся Хорвек после недолгих размышлений, заставивших его едва заметно нахмуриться. — Думаю, в Таммельне можно встретить кое-кого из этого племени.

— Просить помощи у нелюдей? — я собиралась протестовать, но сникла, припомнив, что и сама куда чаще обращалась с просьбами к духам, чем к людям. — Но... но найдем ли мы их? И будут ли они говорить с нами?

— Золото любят все духи, — Хорвек углубился в раздумья и отвечал коротко. — Люди потеснили многих из них, и в городах остались самые непритязательные и низкородные создания... Но нам сгодится любой разумный нелюдь. На старом кладбище, я слышал, есть каменный колодец, куда сбрасывают тела висельников, которым не полагается достойное

погребение. При нем несомненно должен обитать какой-нибудь дряхлый падалыщик...

— Старое кладбище! — пришла я в ужас, пропустив мимо ушей то, что бывший демон собирается просить помощи у твари, глодающей кости покойников. — Только не оно! Нам нельзя там появляться!

— Отчего же? — Хорвека ничуть не впечатлило мое побледневшее лицо. — Один из тайных входов в подземелья расположен именно там, и стоит держаться поближе к нему, ведь времени нам отведено не так уж много. Рыскать по городу в поисках старого источника или колодца можно хоть до утра, но каждая лишняя ночь, проведенная в Таммельне, может стать для тебя последней, Йель.

— Но на кладбище... на кладбище... — на ум никак не шли нужные слова, я совсем запуталась, о чем следует помалкивать в присутствии переродившегося темного духа. — Я была там прошлой ночью! И там... там появилось ужасное чудовище! Слуга колдуньи! Оборотень! И он искал... — тут я начала моргать и беспомощно сопеть, не зная, как вежливее сказать бывшему демону, не желающему говорить об обстоятельствах своего перерождения, о том, что оборотень наверняка вынюхивал его прежнюю телесную оболочку. «Чтоб тебе пусто было! — все свирепее я всматривалась в безмятежное задумчивое лицо Хорвека, словно не понимавшего, какие затруднения я испытываю, беседуя с ним. — Чтоб вашим демонским обычаям провалиться туда, где даже демонов нет! Влез в шкуру покойника, подобрав его на старом погосте, а мне потом ни словом, ни полусловом нельзя об этом обмолвиться!».

Когда я уже отчаялась подобрать нужные слова и решила, что вовсе не буду ничего рассказывать, раз мой собеседник сидит, как каменный истукан — он вдруг встрепенулся и оживился.

— Ты видела на кладбище пса из свиты ведьмы? — переспросил Хорвек, словно очнувшись ото сна. — А ведь и вправду — ему там самое место! Что ж, тогда мы поторопимся — время оборотней начинается с полуночи, и если мы хотим с ним повстречаться...

— Что? — я всхрипнула, как вспугнутая кляча. — Мы хотим повстречаться с оборотнем?!

— Оборотень — нелюдь, хоть и не самых чистых кровей. Разума у него не намного больше, чем у тебя, но для толкования старой карты он сгодится. Низкое, корыстное создание, способное пойти на службу к чародею-человеку, но оно все же достойнее, чем древний трупоед... Решено! Отправляемся за оборотнем!

В первый раз я заметила в Хорвеке азарт, который, казалось, должен был оживить его лицо и сделать его выражение более естественным. Но в блеске желтых глаз не было ничего человеческого, и мне стало не по себе.

— Но разве он согласится помочь нам? — робко спросила я. — Он служит ведьме...

— Он служит своей жадности. И труслив, как и все низкородные. Изловим его и посмотрим, что быстрее заставит его отречься от клятвы верности — страх или корысть, — голос Хорвека был спокоен, но я мне казалось, что я улавливаю хищные шипящие нотки.

— Ох, не нравится мне это... — пробурчала я. — Шутка ли — изловить оборотня! Многих ли ты до сих пор поймал? Не в мешок же его засунуть, за шкуру схватив...

— Есть много способов... — начал было Хорвек, но я перебила его:

— И все они наверняка суть богомерзкое чернокнижие!

— Верно, — не стал отрицать он. — Но есть и такие, которые по силам обычному

человеку, не обладающему способностями к чарам. Самый известный из них — веревка повешенного. Если бы сегодня твоего любезнейшего родственника вздернули, то мы бы могли украсть петлю, сломавшую ему шею, и накинуть ее на оборотня...

— Чтоб отсох твой черный язык! — я принялась плевать за плечо. — Не смей говорить об этом более! Да спасут боги дядюшку Абсалома от виселицы! Смилуйтесь, святые угодники! Не допустите, чтоб дядю погубили эдаким лютым образом!..

— Простая веревка с виселицы, еще не затянувшаяся на чьей-то шее, — продолжал Хорвек невозмутимо, — не имеет такой силы. Однако мы всегда можем изловить бродячую собаку и удавить ее...

— Вот уж нет! — меня всю передернуло от отвращения. — Это ничем не лучше чернокнижничества!..

— На самом деле, ты права, и все это — ровно такая же магия, как и та, что использует ведьма, — бывший демон улыбнулся мне, показывая, что все предыдущие его предложения были мрачной шуткой, но я не слишком-то в это поверила. — Некоторые чародейские ухватки годятся даже для людей с мизерным даром. Все они, как на подбор, мерзки и жестоки. Это великий парадокс магии — самые простые и самые сложные чары одинаково отвратительны и всегда замешаны на чьей-то смерти. Однако посередине между ними есть немного волшебства, которое не требует крови, боли и смертей — и оно тебе по силам, Йель. Не торопись отвергать его, когда от этого зависит и твоя жизнь, и жизнь твоих близких...

Хитрый, хитрый Хорвек! Он вел уговоры так искусно, что я и впрямь поверила в то, что колдовство может быть не таким уж безобразным — особенно после историй про висельников и удушенных собак. Вновь я нерешительно кивнула, соглашаясь с его словами, и в моих руках тут же оказался потертый витой шнур, вид которого заставил меня вздрогнуть.

— Это обычная веревка? — с подозрением спросила я, испытывая сильнейшее желание отшвырнуть в сторону неожиданный дар.

— Не совсем, — с улыбкой ответил Хорвек, и я тут же с проклятиями бросила шнурок на пол, отплевываясь и вытирая руки об одежду. Недаром мне сразу подумалось о дурном!

— Ты ею кого-то удавил? — сипела я, не в силах отвести взгляд от веревки, лежавшей у моих ног. — Снял с висельника? Или прикончил какую-то бедную собачонку?!

Видимо, веселиться при виде моего испуга было одним из немногих удовольствий, оставшихся на долю бывшего демона. Но он решил не потакать своим слабостям очень уж сильно, и, согнав с лица ухмылку, серьезно заверил меня, что шнурок этот не обрывал жизнь ни человеку, ни неразумному животному.

— Почти бесполезная дрянь, — подытожил он. — Этой веревкой подпоясывался монах, и отнюдь не из самых богобоязненных. Будь он хотя бы отшельником... или же достань у него сил соблюдать пост... Но нет, это был совершенно негодный ленивый монах. Веры в тех узелках, которые он завязал на своем поясе, давая обеты, не хватит даже на то, чтобы изловить трущобного домового духа, но если ты добавишь к ней еще десяток узелков...

— Мне нужно завязывать узелки? — спросила я, с неохотой протягивая руку к веревке, которая все еще внушала мне безотчетное отвращение.

— Да, и побольше, — кивнул Хорвек. — Я научу тебя, что нужно говорить при этом...

Я обреченно вздохнула, чувствуя, что увязаю все глубже в паутине греховных помыслов. Теперь я понимала, отчего демонов называли искусителями — всего за один вечер я

превратилась в колдунью, нашептывающую заговоры на узелки! «Кончится тем, что моя шея и впрямь заслужит ту петлю!» — мрачно думала я, вслух бормоча слова немудреного заклинания: «Первый узел — начало, второй узел — свобода, третий узел — закон...».

Хорвек тем временем копался в своей сумке, что-то перекладывая и изучая. Выглядел он оживленным, и если раньше мне внушали беспокойство его равнодушие и безразличие ко всему, то теперь я склонялась к мысли, что проявления живости на его лице выглядят куда более опасными.

— Пожалуй, хватит, — сказал он, покосившись на пояс в моих руках. — А теперь слушай, как нужно действовать, чтобы этой ерунды хватило для спасения твоей жизни...

Предчувствия меня не обманули: охота на оборотня оказалась весьма рискованным предприятием. Хорвек объяснял обстоятельно, не обращая внимания на мой возмущенный писк, и когда я, дослушав его, испуганно запротестовала, спросил:

— Неужто ты думаешь, что это — опасность?

— А что же это, если не опасность, бесы тебя деря?! — вытаращилась на него я.

— Опасность — оставаться в городе, под боком у разъяренной ведьмы, слуги которой выйдут в полночь тебя искать, — он был так серьезен, что я начала трястись вдвое сильнее. — Еще опаснее — совершать кражу во дворце, который теперь принадлежит ей. А уж как опасно показывать, что ты хочешь разрушить ее чары! Но ты как глупый мышонок, Йель, который думает, что если из его норки кота не видать, то о коте можно позабыть. Если ты будешь мешкать — очутишься в когтях колдуньи. И если охота на оборотня окажется неудачной — выйдет ровно то же. Что же здесь за риск? Почти никакого — для человека в твоём положении.

Хоть объяснения Хорвека больше походили на запугивание, но в действительности им нельзя было отказать. Я все еще дрожала, но уже соглашалась с ним.

— До полуночи еще осталось три часа, — сказал он, прислушиваясь к бою больших часов, установленных в общем зале. — Можешь вздремнуть немного. Ночь выдастся не из легких, и возможность поспать на хорошей кровати тебе выпадет еще нескоро.

— Да разве смогу я заснуть?! — воскликнула я, искренне полагая, что теперь до самой смерти глаз не сомкну от переживаний.

— Одно из важнейших умений чародея — бережное отношение к своим силам. А ты сегодня немножко... самую малость колдовал, Йель, — Хорвек мягко, но неумолимо подталкивал меня к кровати. — Конечно, заговор на веревку — не из сложных, и ты пока еще не чувствуешь упадка сил, или не отличаешь его от обычной усталости, но никогда не стоит упускать возможность отдохнуть...

И стоило мне забраться под теплое одеяло, как я тут же уснула, продолжая и в полудреме бормотать себе под нос какие-то возражения.

К тому времени, как Хорвек растолкал меня, настроение мое ничуть не улучшилось. Сам он, по всей видимости, все это время бодрствовал, и я впервые отметила, какие черные тени залегли под его глазами.

— Отчего ты сам не спал? — спросила я, нахмурившись, но ответа не дождалась. Из этого следовало, что причина вновь крылась в противостоянии духа и тела: чем реже бывший демон уступал требованиям своей нынешней телесной оболочки — тем яснее был его ум.

— Но ты погубишь... свое тело, — вполголоса произнесла я в спину Хорвеку, на этот раз не сдержавшись.

— Или оно погубит меня, — ответил он, не оборачиваясь. — Человеческая плоть слаба и недолговечна изначально, что проку ее жалеть?

Я умолкла, понимая, что для того, кто когда-то был демоном, человеческие годы кажутся часами, да еще и потраченными впустую. От мысли этой на душе становилось холодно и тоскливо, ведь и моя жизнь была всего лишь пустяком, пылинкой в глазах высшего существа. Хорвек временами действовал, точно пытаюсь поскорее отдать свой долг и исчезнуть, но... он вернулся однажды, и в этом мне виделось что-то обнадеживающее. Быть может, именно здесь могла найтись точка равновесия, позволяющая ему сохранить разум и жизнь?..

Внизу нас поджидал сонный хозяин гостиницы.

— Сударь, я кое-что нашел... Не обессудьте, за столь короткое время... закон, понимаете ли... — суетливо тараторил он, вручая Хорвеку длинный сверток.

— Хлам, — констатировал Хорвек, развернув ткань: внутри оказался коротковатый, слегка изогнутый клинок с многочисленными зазубринами.

— Ваша милость, вы слишком суровы, — хозяин разволновался еще больше, видимо, заподозрив, что награды не дождется. — Да, это старое оружие, но крепкое, и служило своему предыдущему хозяину верно!

— Иными словами, исправно резало глотки, пока кто-то не прирезал исподтишка его владельца, — фыркнул мой приятель, вертя в руках разбойничье орудие. — С таким нападать только из-за спины.

— Ваша правда, для поединков оно не годится, согласился хозяин с хитрым и недобрым прищуром. — Да ведь поединки — дворянская забава, не так ли? Разве не может дворянин купить себе оружие по своему вкусу открыто и законно?

— Старый мошенник, — беззлобно ответил на это Хорвек и бросил хозяину монету. — Полагаю, немногие из тех, кто купил у тебя оружие, имели возможность вернуться к тебе за возмещением ущерба... Но если эта рухлядь развалится у меня в руках — клянусь, что в этот раз тебе придется ответить за недоброкачественный товар.

Хозяин, склонив голову, что-то пробормотал. Возможно, то была благодарность, но мне послышалось ехидное: «Все вы так говорите...».

В том, как смиренно Хорвек рассматривал ненадежный клинок, я опять почувствовала что-то знакомое: не таким ли сомнительным подспорьем стала для него я сама? Как это оружие не годилось для серьезного боя, так и я не могла исполнить и десятой части того, чему он мог меня научить. В памяти бывшего демона таилось больше чародейских секретов и уловок, чем в самой страшной книге о магической науке, и, возможно, люди, жадно ищущие секретных знаний, платили бы по золотой монете за каждое слово, оброненное Хорвеком... Если бы время его не истекало, он мог найти себе толкового ученика, который бы быстро превзошел рыжую ведьму и отомстил за своего учителя. А я... что могла бы сделать я, согласившись учиться магии?.. Из старого клинка все-таки можно было извлечь пользу, мне же предстояло оставаться камнем на шее, обузой... Одолеваемая этими невеселыми мыслями, я брела за своим спутником, вздыхая и утирая нос рукавом.

— Нет ничего страшнее бездействия, — наставительно сказал мне Хорвек, по-своему истолковав мой подавленный вид. — Отбрось страх, и подумай: разве может быть что-то веселее славной охоты?

— Определенно, мы с тобой привыкли веселиться по-разному, — проворчала я, в глубине души радуясь тому, что бывший демон не так уж хорошо угадывает мои мысли. —

Ночью всякое зло в силе, а человек — слаб. Если бы боги хотели, чтобы люди ночами отправлялись на поиск приключений, а не спали мирно в своих кроватях, то наделили бы нас зрением, как у сов или кошек...

— Скоро покажется луна, — беззаботно отвечал на это Хорвек, шагавший все быстрее и веселее. — Ее света будет достаточно для нашей затеи. Ночь не так уж плоха, не наговаривай на нее. Для тех, на чью голову днем падает тень от виселицы, сейчас самое время прогуляться и попытать счастья. Оглянись по сторонам, Йель. Сдается мне, немало таммельнцев нарушает сегодня божественный замысел...

Последние слова относились к многочисленным тавернам и кабакам, встречавшимся на нашем пути. Вывески их ярко освещались фонарями, окруженным красноватым сиянием из-за холодного осеннего тумана, а из-за дверей доносились веселые песни, хохот и звон посуды, бьющейся то ли в руках нерасторопных служанок, то ли в начинающейся потасовке. Еще недавно я бы с наслаждением приняховивалась бы к знакомым запахам, заставившим бы более утонченного человека сморщить нос, и с радостью подпела бы скабресной песенке — все это напоминало мне о временах, когда дядюшка Абсалом еще не стал придворным лекарем Его Светлости. Но сегодня ожившие картины недавнего беззаботного прошлого вызывали лишь слезы и тоску по чему-то неясному, но окончательно утраченному.

Хорвек заметил, что моя походка стала скованной и неловкой, и замедлил шаг, а затем и вовсе остановился.

— Не бойся, Йель, — тихо сказал он мне, найдя мою замерзшую руку и сжав ее. — Я не могу обещать тебе, что с тобой не случится ничего плохого, но бояться не стоит. Никогда. Просто делай все, что можешь, не вспоминай о прошлом, и не думай о будущем.

— Я не боюсь, — произнесла я безо всякой убежденности. — Но мне ужасно не понравилось то, что ты рассказывал про оборотней. Может, стоит найти других помощников? Слуги колдуньи наверняка очень злы на нас. Ты убил гарпий, а я подожгла одного из ее псов мертвым огнем...

— И правильно сделала, духов огонь славно попортил ему вшивую шкуру, — Хорвек вел меня за собой, незаметно принуждая ускорить шаг. — Зато мы можем быть уверены, что сегодня псы вернутся на кладбище. Эти создания очень любопытны и мстительны, хоть и глуповаты. Они будут приходить раз за разом на то место, где пострадал их собрат, в надежде, что удастся унюхать след врага. С одной стороны — это хорошо, ведь нам не придется их искать. С другой — плохо, потому что псы будут насторожены и подозрительны...

— Эта тварь воистину была порождением ада, — жалобно промолвила я, вспомнив ужасную зубастую харю. — Я не уверена, что решусь снова на нее взглянуть. Отчего бы тебе самому не изловить ее, без меня? Я все равно испугаюсь так, что позабуду обо всем на свете...

— Оттого, что слух и нюх у оборотней куда лучше, чем у людей, и даже лучше, чем у зверей, — Хорвек уже объяснял мне это, но я все еще надеялась, что во второй раз его рассказ покажется не настолько пугающим. — Пес колдуньи подойдет близко только к тому, кто заставит забыть его об осторожности.

— А ты...

— Я буду поблизости. Насколько это возможно — чтобы не спугнуть оборотня.

— Но если их будет несколько...

— Они не настолько похожи на дворняг, чтобы держаться сворой. Оборотни хоть и

мстят друг за друга, но ненавидят своих соплеменников так же, как и всех остальных. Это очень злобные неуживчивые существа, ведущие жизнь одиночек, если их не принуждают к обратному приказу хозяев-чародеев.

К этому времени мы уже спустились к тущам, где окна почти не светились — здешние обитатели не имели возможности покупать даже самые дрянные свечи и освещали свои лачуги только огнем от убогих очагов. Но даже эти отблески показались мне сегодня истинным чудом — они говорили, что здесь живут люди, обычные и живые, греющие свои озябшие ладони над тлеющими головешками... Я же словно принадлежала отныне к другому миру, недоброму и безжизненному — в ночи шла на кладбище в компании ожившего мертвеца, и никто здесь не пустил бы меня в свой дом, узнай мое прежнее имя.

Надгробия старого кладбища были едва различимы в свете луны, прячущейся за клочковатыми, редкими облаками. Вновь я задохнулась от тяжелого запаха — казалось, это туман, стоявший в низинах, источает зловоние, пропитавшее камни и листву старых деревьев. Мы не ушли далеко — остановились около первого же попавшегося на нашем пути свободного пятачка — здесь когда-то был каменный склеп, от которого осталось только основание. Травы уже давно разрушали его, пробиваясь между камнями, но здесь все еще вольно разливался лунный свет, и деревья не успели сомкнуть свои кроны над руинами старой гробницы.

— Ничем не лучше и не хуже всякого другого места, — Хорвек бегло осмотрел окрестности. Я буду неподалеку, а ты останешься здесь.

Кладбище само по себе наводило страх, и мне совсем не хотелось провести здесь еще одну ночь. Наверняка, мое лицо настолько позеленело от страха, что даже в свете луны это можно было заметить, и Хорвек вновь принялся растолковывать мне, что другим способом поймать оборотня невозможно.

— Полночь уже близко, и один за другим они будут приходить сюда, чтобы обнюхать здешние камни, — говорил он. — Первым придет самый любопытный и глупый, он-то нам и сгодится. Для того, чтобы он открыто приблизился к тебе, нужно убедить его, что ты совершенно беспомощна. Это трусливые и опасливые твари, которые нападают со спины и стараются нанести жертве как можно больше увечий, если им кажется, что она может оказать сопротивление. Но если оборотню покажется, что перед ним беспомощная жертва, то он обязательно захочет поразвлечься с ней перед тем, как убивать. В этом они больше похожи на кошек, чем на псов — желание играть с добычей заложено в самой их натуре.

— Но у меня не будет ничего, кроме этой веревки! Разве этого достаточно? Что если она не поможет мне? Чары у меня могли и не получиться... — я говорила прерывисто, как это бывает с людьми, пытающимися сделать вид, что они вовсе не плачут.

— Оборотень почует железо и заподозрит неладное, — покачал головой Хорвек. — Они его не любят, поскольку именно оно когда-то позволило людям убивать их сородичей. Напав на него открыто, мы вынудим его яростно драться до последнего, оборотни не сдаются в плен. Если я одолею его, то он, скорее всего, окажется мертв или будет корчиться в агонии. Убить слугу ведьмы — это всегда к добру, но сегодня нам требуется толмач, а не покойник.

— А золото? Разве они не любят золото? — спросила я, все еще надеясь, что охоту на оборотня можно перевести в более мирное русло.

— Любят, но не так сильно, как те духи, которые научились жить с людьми в мире и привыкли к подношению бескровных жертв. Оборотни всегда были врагами человека, как и...

«...Как и демоны» — мысленно завершила я речь Хорвека, которую тот не пожелал довести до логического конца. Господин Казиро говорил, что нелюди, не пожелавшие унять свою жажду крови, почти исчезли из этого мира. Или научились таиться, ища покровительства у чародеев, которые оказались хитрее и изворотливее самых страшных нелюдей. Вот и сегодня ведьма открыто забрала к себе Мике, чтобы цедить из него кровь — но все славил ее и называли милосердной...

— Запах моей крови затуманит ум разве что старому трупоеду из того колодца, куда сбрасывают самых негодных покойников Таммельна, — тем временем говорил Хорвек, аккуратно опутывая мои руки поясом с узелками. — А твоя кровь очень хороша. Обратни чутки к магии, и чтобы он не заметил заговор на этой веревке, нужно отвлечь его чем-то сладким и притягательным... свежим...

Я знала, что он связал мои руки понарошку, и веревка распутается, стоит мне только захотеть, но действие это все равно подавило меня. Ноги сами по себе подогнулись и я опустилась на колени. Оставалось самое неприятное — об этом я была предупреждена, но все равно вздрогнула, когда Хорвек достал нож. Его лицо не выражало никаких чувств, однако перед тем, как провести крест-накрест острым лезвием по тыльной стороне моей кисти, он погладил мне руку, точно прося прощения за эту вынужденную жестокость.

— Плачь погромче, чтобы он тебя услышал, — сказал мне бывший демон напоследок. — Таким существам по нраву страдания и боль. Вид беспомощного, испуганного человека для них притягателен, как никакой другой. И когда он подойдет совсем близко — набрось ему на шею веревку. Помнишь, что нужно сказать при этом?

— Да, — ответила я, клацая зубами от озноба, одолевавшего меня все сильнее. — Я скажу: «Прими истинный облик!».

«...И тут-то он с наслаждением перегрызет мне горло», — этого я произносить вслух не стала, но вовсе не потому, что считала это утверждение сомнительным.

Ночь выдалась сырая и промозглая, но вовсе не от холода я тряслась, не чуя заледеневших рук. Порезы были неглубокими, однако кровоточили порядочно, и вскоре веревка на запястьях стала липкой. Я все так же стояла на коленях, склонив голову, и тихонько хныкала — принужденности в этих звуках имелось самую малость, ведь мне и вправду хотелось скулить от страха. Луна пряталась за тучами и я с трудом различала очертания старых надгробий. За одним из них затаился Хорвек, и я все яснее сознавала, что он не успеет помешать хищнику, вздумай тот напасть на меня без промедления.

Время тянулось медленно, и я, слыша только шум ветра в листьях, сама не знала, чего я больше боюсь: то ли увидеть вновь пса-оборотня; то ли показать себя из-за растерянности глупой трусливой курицей — курицей, которой тут же свернут шею. Быть может, слуги колдуньи вообще не собирались нынче на кладбище, уже отыскав здесь то, что искали... но это означало, что сегодня мы не найдем того, кто растолкует нам карту господина Подземелий. «Попасть во дворец! — твердила я себе. — Больше у меня нет никаких ключей к тайне господина Огасто — и никаких других способов спасти его! Спасти дядюшку и Мике! Я не поддамся страху ради них!».

Меж дымчатыми облаками, наполненными сиянием скрытой луны, вдруг показался клочок чистого неба, усеянный звездами, как серебристой пылью. Облака рассеивались и вскоре лунный свет хлынул на землю, вычерчивая резкие тени голых ветвей и каменных надгробий. Я, не поднимая головы, переводила взгляд исподлобья от одного сосредоточения тьмы к другому, ища того, кто может прятаться в нем, и одновременно страшась того, что

одно из этих чернильных пятен вдруг шевельнется.

Шорох заставил меня резко повернуться, и я едва не повалилась на землю, забыв, что руки у меня опутаны веревкой. Мой испуганный вскрик не был фальшивым — тайный план тут же вылетел у меня из головы, когда я увидела мерзкую тварь, глаза которой светились алым.

Оборотень глухо заворчал, и я, опять-таки, ничуть не притворяясь, неловко поползла назад, даже не пытаюсь встать на ноги — боюсь, у меня не получилось бы, даже если бы я могла позволить себе спастись бегством. Мне было слышно, как хищник жадно принюхивается, чуть заметно поворачивая широколобую уродливую голову. Узкие удлинённые глаза то вспыхивали угольями, то гасли — жуткое создание колебалось, как поступить: дать волю голоду или же позабавиться, раз уж подвернулся такой удачный случай. Наверняка ему казалось, что я серьезно ранена, раз не поднимаюсь и не пытаюсь бежать. Я тоненько заскулила, беспомощно елозя ногами по камням, и потеряла окровавленными руками лицо, испачкав его. Это приятно взволновало оборотня — он визгливо расхохотался и медленно двинулся ко мне.

Хорвек был прав — чудовище так сладострастно упивалось человеческим испугом и болью, что позабыло об осторожности. Эта мысль помогла мне унять страх: если бывший демон верно угадал одно, то, стало быть, и остальные части его плана не были такими уж безумными.

Излишняя покорность добычи могла вызвать подозрения, и я вновь подалась назад, слабо взвизгивая. Это раззадорило тварь и она одним прыжком очутилась около меня, едва не ткнувшись носом в мое лицо. Нельзя было упускать эту возможность — и я, одним рывком распутав веревку на руках, накинула ее на шею оборотня, при этом крепко обняв его, словно давно не виденного родственника.

— Прими свой истинный облик! — выкрикнула я, ожидая, что острые зубы вот-вот вцепятся мне в шею.

Тело создания, тошнотворно пахнущего псиной и кровью, застыло, перед тем сильно вздрогнув. Только глухое рычание, раздающееся над моим ухом указывало на то, что я обнимаю живое существо, а не каменную статую. Я тоже замерла, боясь каким-либо движением нарушить колдовство, обуздавшее зверя. Почти сразу я почувствовала слабую ноющую боль, которую уже знала: мое тело откликалось на чужое колдовство. Рычание оборотня превратилось в протяжный затихающий стон, и мышцы его начали двигаться — так, словно его сковывала невидимая оболочка, которую он пытался порушить, но не мог. Я не знала, что делать и только обнимала пойманное чудовище все крепче, зажмурившись и не дыша.

Когда спазмы утихли, я поняла, что жесткая вонючая шерсть больше не лезет мне в нос. Медленно отстраняясь, но не опуская рук, в которых была зажата веревка, я с возрастающим удивлением рассматривала человеческую ипостась оборотня, стоявшего, как и я, на коленях. Хорвек не предупредил меня о том, как выглядят эти существа в человеческом облики, и оттого растерянность моя оказалась едва ли не сильнее, чем при первой встрече с псом-оборотнем. Передо мной замер, сгорбившись, белокурый юноша с ангельским нежным лицом, которое можно было бы спутать с девичьим — но на моем пленнике не имелось одежды и сомневаться в его принадлежности к мужскому полу не приходилось.

Луна ярко освещала нас, стоявших друг против друга — так близко, что наши колени почти соприкасались. Мне невольно вспомнилось как в детстве я наткнулась в лесу на

силою, в который поймался совсем маленький лисенок — он давно уж там бился и совсем измучился, оттого ждал неподвижно, когда я к нему приближусь. Точно так же он не отводил от меня своего тоскливого пристального взгляда...

— Зачем ты сделала это? — едва слышно прошептал оборотень, с трудом разлепляя губы. — Отпусти меня... Прошу...

И я увидела как он, преодолевая невидимую силу, сковывающую его движения, медленно протягивает ко мне руку. Движение это было плавным и зачаровывало какой-то странной ласковостью, нежностью — я почти хотела, чтобы он забрал у меня веревку, которая так сильно врезалась в пальцы. Мне было плохо от того, что я причиняла боль этому прекрасному созданию...

— Отпусти меня, — повторял он, не позволяя мне отвести взгляд. — Дай мне свободу...

Его пальцы почти коснулись моих запястий, когда голос Хорвека разрушил эти тягостные чары:

— Только коснись ее, и я тут же отрублю тебе руку, вшивый пес.

Ангельское лицо исказилось в злобной гримасе, обнажившей острые клыки, и оборотень зарычал точно так же, как делал это в звериной своей форме. В голове у меня прояснилось и я заново вспомнила, кого удерживаю заговоренной веревкой. «Да он бы просто растерзал меня, едва я отпустила бы веревку!» — подумала я, запоздало покрывшись испариной от страха.

— Завяжи узел как следует, Йель, — приказал Хорвек. — Он не сможет сам освободиться, пока веревка затянута на его шее.

Пока я трясущимися непокорными пальцами вязала петлю, бывший демон снял плащ и набросил его на оборотня. Затем, помогая мне подняться, недовольно произнес:

— Вот уж низкий песий род — даже щенки идут на службу к человеческим колдунам...

— Уж не тебе, смердящему человеческой падалью, говорить о высокородности, — с лица оборотня бесследно исчезло выражение печальной кротости и теперь он напоминал скалящегося хищного зверька. — Я бы предпочел любую смерть тому, чтобы влезть в шкуру человеческого покойника! Даже твой плащ воняет хуже любой из этих могил!

Его неистовая злоба пугала меня — казалось, что он вот-вот сорвется с невидимой цепи и набросится на нас. Сейчас оборотень вызывал у меня большее отвращение, чем в звериной ипостаси — красивое лицо, искаженное ненавистью, отчего-то выглядело даже более нелюдским, чем прежняя уродливая морда,

— Не бойся, — ободрил меня Хорвек. — Ты теперь его госпожа — по крайней мере на эту ночь. Прикажи ему назвать свое имя.

— Как тебя зовут? — с опаской спросила я, вовсе не обрадовавшись тому, что стала временной хозяйкой эдакой злобной твари.

— Эйде, — нехотя ответил оборотень. — И ты мне не хозяйка! Мы сами выбираем, кому служить.

— Выбираете вы в той же мере, что и шлюхи, — с презрением бросил Хорвек. — Кто пообещает вам более щедрую плату, тот вами и распоряжается.

— Стоит только этому заклинанию ослабеть, как я прикончу тебя, хоть мне и будет противно грызть твою глотку, падаль! — Эйде бесновался, но сойти с места не мог, и я взмолилась неведомым высшим силам, чтобы они укрепили мои неумелые чары.

— Не прикончишь, потому что твоя прежняя хозяйка сказала, что я нужен ей живым, — Хорвек не обращал на угрозы оборотня внимания, а вот мне все сильнее казалось, что мы

переоценили свои возможности. — Заклинания слабеют, да. Именно поэтому я тебя убью, как только мне покажется, что чары выдыхаются.

— Можешь сделать это прямо сейчас! — прошипел оборотень. — Я не служу тем, кто подчинил меня обманом! Лучше уж я погублю себя, но и вы жить не будете.

— Хорвек, зачем он нам? — я вцепилась в руку своего приятеля. — Посмотри, эта тварь злющая, как дьявол! Обманет и заведет нас туда, откуда мы не найдем выхода... Не стоило нам его ловить!

— Он лжет. Жить он хочет точно так же, как и все существа, — спокойно отвечал Хорвек. — Псы-оборотни — дрянные низкородные существа, которые для виду изображают, будто имеют какие-то убеждения и принципы, хотя единственное их устремление — идти на запах крови. Этот, к тому же, совсем молод, оттого упрям в ущерб своему невеликому уму. Обычно с теми, кто слабее — он безжалостен, с теми кто сильнее — лебезит и метет хвостом землю, пока не выпадет возможность напасть со спины. И падалью, к слову, в голодные годы его сородичи не брезгают.

— Кто это говорит? — Эйде трясся от бешенства. — Отступник! Дважды предатель! Полукровка-чужак! Или ты думаешь нам не говорили, по чьему следу мы идем? Из какой могилы ты вытащил этот кусок тухлого мяса? Помнишь, что случается с теми, кто преступает извечный закон и отрекается от своей высшей сущности?

— Это не твоя беда, щенок, — отозвался Хорвек. — Моя смерть идет за мной след-в-след, а твоя сейчас стоит перед тобой. Если ты не покоришься новой хозяйке — умрешь.

— Хозяйке? — сплюнул оборотень. — Эта девчонка может быть хозяйкой кур, уток да пары грязных свиней. Она недостойна того, чтобы я выполнял ее приказы. А ты все равно меня прикончишь.

— Вовсе нет. Я отпущу тебя, если ты сегодня ночью сослужишь мне службу, — Хорвек говорил серьезно, беззлобно и я видела, что Эйде слушает его куда внимательнее, чем хочет показать. — Колдунья не узнает, что ты попался в ловушку. Я щедро заплачу тебе золотом и ты сможешь купить на него много смертей и крови. Разве это не славно — напиться человеческой крови, когда ты сам этого пожелаешь, а не по прихоти госпожи? За одну золотую монету в трущобах найдется десяток головорезов, готовых послужить тебе без лишних расспросов — и никто не заподозрит, что в убийствах повинен нелюдь, никто не будет искать тебя...

Речь Хорвека произвела впечатление на оборотня. В глазах того блеснули красные искры, ноздри затрепетали.

— Ты не лжешь мне? — с подозрением спросил он.

— Клянусь, что отпущу тебя, — ответил бывший демон, улыбаясь, и мне на мгновение показалось, что Хорвек и Эйде схожи между собой, как братья. По меньшей мере, о человеческой смерти и крови они рассуждали одинаково легко.

Оборотень некоторое время недоверчиво принюхивался, точно у лжи имелся свой особый запах, а затем неуверенно произнес:

— И чего ты хочешь от меня, отступник?

— Чтобы ты провел нас во дворец! — выпалила я, не удержавшись.

— Этого я сделать не смогу — разве что кто-то из вас примет мое обличье, — фыркнул Эйде. — Я и мои сородичи выходим из дворцовых ворот открыто, как слуги госпожи Лаурессы, и входим в них так же. Да, перед нами открывают двери в любое время дня и ночи, но это не означает, что я смогу тайно провести за собой каких-то голодранцев.

— Мы войдем во дворец не через главные ворота, — Хорвек знаком оборвал его речь, становившуюся все более развязной: интонации оборотня неуловимо напоминали захлебывающийся лай, в котором обычно заходятся дворовые псы.

— Других путей я не знаю, — отрезал Эйде, помрачнев.

— Ты умеешь читать древние письмена? — прямо спросил его Хорвек.

— Зачем тебе это знать? — огрызнулся оборотень, и бывший демон вздохнул:

— Что за напасть... Отчего мне приходится иметь дело только с неграмотными сопляками людского и нелюдского племени?

— Кого это ты назвал неграмотным? — возмутился Эйде, и вновь его голос стал напоминать визгливое рычание. — Я пес, а не волк! Только дикие лесные волкодлаки что в человеческом обличье, что в зверином не в силах двух слов сложить на старом языке — охотятся да спят в своих грязных норах. Я из хорошего рода и обучен исконному наречию!

— Какие могут быть роды у псов? — насмешливо бросил Хорвек. — Да еще у тех, кто пошел на службу к человеку-чародею? Довольно пускать пыль в глаза, уж я-то хорошо знаю, что ты за существо. Йель, покажи-ка ему карту.

Я невольно попятилась — мне вовсе не хотелось приближаться к своему пленнику, хоть держался он смирно.

— Он не тронет тебя, пока чары крепки, — Хорвек подтолкнул меня к Эйде. — К тому же наш юный друг уже решил на небольшое предательство, не так ли?

— Не тебе насмеяться над этим, падаль! — вновь огрызнулся оборотень, но уже не так злобно.

— Ты можешь прочитать эти письмена? — спросила я робко, протягивая карту, серебрившуюся в лунном свете бесчисленным количеством рун и узоров.

При виде рисунков Эйде раздул ноздри и сверкнул глазами, но ничего не сказал, пристально вглядываясь в знаки.

— Твоя прежняя госпожа ищет ее, — удовлетворенно кивнул Хорвек, получив подтверждение каким то своим тайным мыслям. — Над подземельями она не властна и это не дает ей покоя.

— Старый дух, который помог тебе сбежать, мертв! — злорадно произнес Эйде. — Моя госпожа убила его своими чарами, как ни хоронился он в своих подземных ходах, словно дождевой червяк!

— И славно. Он позадержался на этом свете и порядком выжил из ума, — равнодушно ответил на это Хорвек. — Его владения пустыют, но старая магия еще скрывает нужные нам двери и переходы. Раз ты можешь прочесть эту карту, то сможешь найти тайные указатели, описанные в ней. И горе тебе, если мы заплутаем — я не пожалею времени и сил на то, чтобы размотать твои кишки по всему треклятому лабиринту.

— А ты, полукровка, соскучился по дворцовым подземельям? — не удержался Эйде. — С чего это ты решил вернуться? Хочешь освободить своих сообщников? Госпожа только этого и ждет!..

— Вот уж на что мне наплевать, так это на судьбы этих неудачников, которых твоя хозяйка с чего-то посчитала моими пособниками, — Хорвек говорил, как мне показалось, вполне искренне. — Я их знать не знаю.

Я, не удержавшись, шмыгнула носом. Оборотень тут же перевел взгляд на меня, и оскалился.

— Зато девчонке не наплевать, — хихикнул он. — Эй, слышишь меня? У твоего

женишка сладкая кровь, я уже пробовал... самую малость. Тому, кто принесет какие-то новости до восхода солнца, госпожа обещала дать напиться вволю. Жаль, что мне сегодня придется смолчать и награда достанется кому-то другому... ваш след найдут, не будь я Эйде из рода Эйшерских охотников!

— Ведьма убьет Мике? — я, не помня себя от ужаса, вцепилась в руку Хорвека, заглядывая тому в лицо. — Он говорит правду?

— Разумеется, убьет, — ответил он, мягко, но непреклонно высвобождаясь. — Ведьмы всегда держат при себе только тех, кого собираются убить, и тех, кого они кормят смертями. Но она не станет так бездумно растрачивать кровь — умертвить человека можно только один раз. Кого она вам скормила, щенок? Наверняка кто-то из южан-наемников уже пропал без вести, ведь до чужаков никому нет дела... Однако даже колдунья не может убивать беспрестанно, если не хочет выдать себя. Чары — хрупкая сеть, и стоит только подозрениям окрепнуть, как люди прозреют и догадаются, что в город пришло зло. Поэтому она будет приберегать корм и бросать своим псам ровно столько костей, сколько нужно для того, чтобы они не взбунтовались и не разбежались кто куда.

— Попридержи язык, падаль! — зарычал оборотень, которому явно не понравились слова демона. — Мы не шавки, чтобы лизать человеческие ноги за паршивую кость!

— Твоя взяла, пусть на этой кости будет немного мяса, — бывший демон спокойно говорил то, от чего меня мутило. — Будь вы чуть способнее к магии, то научились бы обходиться без хозяев, но вам нужен тот, кто волшебством будет отводить глаза людям. Будь вы богаче, что смогли бы покупать смерть у самих же людей, но вашего ума не хватает и для того, чтобы скопить деньжат... Уйти в леса у вашего племени не выйдет — вы не волки. И я слышал, что истинные волкодлаки презирают псов, называя их полукровками...

— Ты!.. Ты сам сын человеческой шлюхи! — оборотень от бешенства грыз себе губы и корчился, точно его привязали к невидимому столбу посреди кострища. — Ложь! Ни капли людской крови нет в моем роду!

— Как бы там оно ни было, тебе не впервой служить человеку, — Хорвек казалось, нарочно доводил Эйде до исступления. — И временная госпожа будет с тобой куда щедрее, чем постоянная. Не стоит тратить время на притворство — ты предавал и будешь предавать, не набивай себе цену. Если в вас и есть что-то исконно песье — то точно не верность.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Тут вдалеке послышался вой, при звуке которого наш оборотень встрепенулся и довольно заворчал.

— Мои братья и сестры вышли на охоту, — заявил он с торжествующим видом. — Вам конец!

— Чему ты радуешься, безмозглый пес? — Хорвек положил руку на эфес своего изогнутого меча. — Прирезать тебя я всяко успею до того, как здесь появится кто-то из вашей своры. Быть мертвым глупым оборотнем куда хуже, чем живым и богатым. Времени и вправду в обрез. Ты проведешь нас по лабиринту?

Эйде что-то раздраженно рыкнул, глядя в сторону, а затем неохотно согласился:

— Да, я прочитаю для вас карту.

— Разумное решение, — Хорвек опустил руку. — Поторопимся. Йель, разреши ему сойти с места.

— А я... могу? — спросила я, поежившись.

— Пока что можешь.

Чувствуя себя донельзя глупо я, запинаясь, объявила:

— Ты можешь сойти с места, Эйде!

Оборотень медленно переступил с ноги на ногу, и, с видимым удовольствием потянулся, после чего с недовольным ворчанием закутался поплотнее в плащ — холод этой сырой осенней ночи донимал его в человеческом обличье. Босоногий, светловолосый и хрупкий — его облик напомнил мне сказку о потерянном юном принце из лунного королевства, которую я слышала в детстве. Вот только тот лунный принц не облизывался, говоря о человеческой крови...

— А что еще я могу приказать ему? — не сдержав любопытства, спросила я шепотом у Хорвека. — Может, не стоило угрожать ему и злить? Я бы просто приказала провести нас...

— Твои чары слишком просты для того, чтобы отдавать такие приказы, — вполголоса ответил он мне. — Тебе не по силам подчинить его разум полностью. А что, Йель, колдовство уже не кажется тебе столь уж отвратительным?

Я промолчала, не зная, что ответить — договор, который заключил Хорвек с оборотнем, был не из тех, что можно принять с легким сердцем. Но что я могла сказать бывшему демону? Человеческие жизни, которые он так легко предложил Эйде, в его глазах не стоили ничего, и он безо всяких сомнений совершил сделку, которая должна была принести столько горя Таммельну... Быть может, иногда чары и впрямь становились меньшим злом? Или же так говорили себе все те, кто ввязывался в колдовские дела — а затем, сами того не замечая, становились бездушными чудовищами, ничуть не отличавшимся от оборотней и демонов?..

Мы шли к склепу по пути, который указывал Хорвек, знавший здешние могилы как никто другой. Эйде принюхивался, фыркал, что-то бормотал себе под нос, и совершенно по-собачьи прислушивался к каким-то далеким звукам, склоняя голову набок. У склепа он внезапно расчихался, а затем воскликнул:

— Мертвый огонь и паленая шерсть! Это то самое место, где подожгли шкуру моей матери!

— Твоей матери? — переспросила я, похолодев и сбившись с шага.

— Не бери в голову, Йель, — Хорвек не дал оборотню произнести ни слова. — У этих созданий не в почете родственные связи. Если его почтенная матушка будет подыхать с голоду, он не поделится с ней и обглоданной костью. Не думай об псах-оборотнях как о людях — они взяли и от звериной своей части, и от человеческой худшие качества. Как звери они не помнят родства, как люди — неблагодарны. Вновь начнешь визжать, что я лгу, щенок?

Но Эйде лишь угрюмо огрызнулся: «Человеческая падаль!» и покорно последовал за нами в склеп. Мне подумалось, что грубое обращение Хорвека с ним имеет какой-то потайной смысл — бывший демон словно показывал, кто здесь хозяин, укрощая оборотня.

— Может, следует быть с ним мягче? — вновь я потянулась к уху Хорвека, зажигающего небольшой фонарь. — Ведь Эйде может обозлиться и завести нас в ловушку!..

— Дай ему карту, Йель. Проверим, умеет он читать духовы знаки или же это было пустое хвастовство! — громко произнес Хорвек, а затем, понизив голос, сказал:

— Ты совсем не знаешь... оборотней. Они не понимают, что такое доброта, и считают ее признаком слабости и ничем более. А слабых их законы велят уничтожать. С Эйде нельзя говорить по-другому. К тому же... — тут он умолк и вздохнул, точно вспоминая какое-то постигшее его в прошлом разочарование. — К тому же, и люди, и нелюди устроены одинаково — им всегда кажется, что когда дело будет вовсе дрянью — они сорвутся, взбесятся

и уж тогда-то их не остановят никакие цепи, решетки и страх перед смертью. Все хотят верить в чудеса и в собственные сокрытые до поры, до времени невероятные силы. Пока надежда есть — возможен бунт. А наш юный помощник уже понял, что даже если от гнева у него лопнут глаза, он все равно не сможет освободиться от моей воли. И подумает трижды перед тем, как рискнуть.

— Но те, кто побеждал зло, всегда были храбры, — мне отчего-то совсем не понравились рассуждения бывшего демона, который, как мне показалось, говорил не об одном лишь оборотне. — Пусть даже они при этом жертвовали своей жизнью...

— Те, кто проигрывал злу, тоже бывали храбры, — хмыкнул Хорвек. — Знаешь, ведь я убивал весьма мужественных и благородных противников. И их смерть ровным счетом ничего не изменила в этом мире.

«...А потом сам очутился заточенным в подземелье, камни которого нельзя было разрушить, даже если сердце рвалось на части от ненависти и желания отомстить», — подумала я, не решившись ничего ответить вслух, несмотря на то, что соглашаться со взглядами Хорвека на мироустройство мне отчаянно не хотелось. В каждом слове, которое он произносил, сквозила уверенность в том, что победа добра над злом, как и зла над добром — это всего лишь случайность.

Оборотень Эйде тем временем кружил по склепу, приносиваясь и скребя ногтями камни. Он не мог знать, что здесь расположен вход в подземное королевство, и должен был отыскать его своими силами. Карта в его руках светилась все ярче, словно имущество господина Подземелий предчувствовало, что вернется туда, где было создано. Наконец Эйде добрался до пустой гробницы, запустил туда жадные руки, нашаривая что-то на дне, а затем торжествующе воскликнул:

— Это здесь! Вход спрятан тут!

— Он и правда читает карту! — обрадованно шепнула я Хорвеку. Меня не покидало странное ощущение, что я несу ответственность за оборотня, и окажись тот лгуном, гнев Хорвека частично пал бы и на мою голову.

Эйде, довольно хихикая, исследовал узоры на дне гробницы — ему не нужен был свет фонаря: в темноте оборотень видел ничуть не хуже, чем при свете солнца. Наконец он привел в действие механизм, сверяясь с тайными письменами на карте, и расхохотался — звук этот вновь походил на лай.

— А ты, падаль, сомневался во мне! — крикнул он Хорвеку. Это было красноречивейшим свидетельством того, что Эйде поддался на уловки Хорвека и теперь, вместо того, чтобы пытаться сбежать или навредить нам, желает показать себя в лучшем свете перед насмешничающим врагом.

— Эту дверь мы бы открыли и без тебя, — Хорвек был все так же высокомерен. — Не хвались, пока мы в начале пути. Посмотрим, хватит ли тебе ума на то, чтобы добраться до дворца.

Оборотню оставалось только в очередной раз зарычать: тон бывшего демона был отменно неприятным. Мы по очереди принялись спускаться по каменной узкой лестнице, которая не понравилась мне в этот раз еще больше, чем в предыдущий. При свете фонаря было хорошо видно, как узок этот коридор, и низкий свод словно давил на меня каждым своим старым камнем.

Спустя некоторое время мы очутились на небольшой площадке, вид которой был мне незнаком — прошлой ночью лестница вывела меня вовсе не сюда. Я ощутила ноющую боль в

животе, которая обычно предупреждала меня о волшебстве — оно жило здесь с незапамятных времен. Мы остановились перед тремя темными арками, каждая из которых была окружена россыпью знаков и рисунков.

— Эйде, которую из них выбрать? — с робостью спросила я у оборотня, вертевшего в руках карту.

— Сколько ходов ты видишь? — спросил Хорвек у меня, прищурившись.

— Три, — ответила я с недоумением, и он негромко хохотнул.

— Волшебство! — пояснил он, увидев, что я озадачилась еще больше. — Я вижу только одну арку. И не смог бы выбрать нужную, даже если бы сумел вернуться на это самое место после неудачной попытки.

— Но если ты видишь одну арку — значит, тебе и выбирать не нужно, — я все еще не понимала.

— Просто тебе привычнее думать, что магия по своей сути — это создание фальшивок, — он все еще шурился, точно надеясь разглядеть то, что от него сокрыто. — Сказки о немых двойниках, умирающих через одну луну, о замках из тумана, о неисчислимых армиях, которые пугали противника, а потом рассыпались на закате прахом... Да, это волшебство. Но его можно разгадать, зная верные приметы. А вот иные чары, напротив, прячут истину, так, что ее не найти. У меня нет выбора — я пройду через ту арку, которую вижу — но на самом деле это будет любая из тех трех, что видишь ты. Поэтому здесь бесполезны ухищрения вроде клубка ниток. Когда перед тобой три входа — ты можешь найти трех рабов, которых отправишь вперед себя, приказав отмечать путь ниткой. Кто из них вернется — тот и принесет весть о правильном пути. Но старые чары хитрее человеческих уловок.

— Ах вот оно что... — пробормотала я, уяснив на самом деле только то, что мне видно больше, чем Хорвеку, но пользы из этого я все равно не извлеку.

Наконец оборотень Эйде уверенно указал нам на крайнюю правую арку, и мы шагнули за ним. Хорвек, по-видимому, испытал что-то вроде головокружения — я видела как он пошатнулся, и подумала, что уж ему-то обидно вдвойне: став демоном, он отказался использовать колдовство; став человеком — перестал его различать. Я знала в прежние времена одного старого музыканта, пальцы которого искривила лютая болезнь, так что он не мог более играть на своей лютне. Через несколько лет несчастный оглох, и хоть иных серьезных хворей у него не имелось — вскорости он умер от тоски, потеряв всякий интерес к жизни. Хоть я сама горланила разве что кабацкие песни, да и то — невпопад, не имея к музыке никакой склонности, однако хорошо запомнила, как быстро угасли глаза старика, и поняла, что иной раз жизнь в человеке поддерживает именно любовь к своему делу.

Наш проводник чувствовал себя все увереннее, и выбирал нужные повороты почти безо всяких колебаний. Иногда он беззвучно что-то шептал, уставившись на карту, как это бывает, когда значение какого-то оборота не сразу дается читателю.

— Помни, что если мы заплутаем — ты умрешь раньше меня, — Хорвек внимательно следил за пленником, который, казалось, был близок к тому, чтобы почувствовать себя хозяином положения. — И смерть эта тебе не понравится.

— Ты сам подохнешь от голода и жажды в этом лабиринте за считанные дни, — огрызнулся оборотень, и пнул босой ногой кстати подвернувшийся череп — в коридорах изредка встречались давние человеческие останки: одним богам было известно, зачем эти люди приходили во владения господина Подземелий, по доброй ли воле они решались на

это, и от чего погибали в этих темных коридорах.

— Днем больше или днем меньше — не так уж важно для меня, — Хорвек наступил на череп, очутившийся на его пути, и старая кость рассыпалась в прах. — А вот тебе стоит больше ценить свою жизнь. Не так уж давно у тебя сменились клыки.

Короткие разговоры, подобные этому, повторялись каждый раз, как Эйде начинал визгливо хихикать — шаг его при этом становился приплясывающим, и взгляды, которые он бросал, быстро оглядываясь, заставляли меня спотыкаться. Быть может, в глазах оборотня отражался огонек фонаря, но мне казалось, что они горят голодным, злым пламенем, которое вот-вот сожжет остатки моих неумелых чар.

— Он ведь не освободится, правда? — испуганно шептала я Хорвеку. В уме постоянно рисовалась картина, как оборотень, в очередной раз оглянувшись, одним прыжком бросается на меня и белоснежными острыми зубами рвет горло.

— Нет, пожалуй, до дворца мы успеем добраться до того, как заклятие начнет рушиться, — отвечал мне бывший демон, и тут же его окрик заставлял пса-оборотня снова сгорбиться и замедлить шаг.

Путь наш не всегда был легким — иногда приходилось огибать провалы, прижимаясь к стене, пока камни из-под ног с тихим шуршанием падали в черную бездну. На каменных лестницах, ведущих то вниз, то вверх, частенько недоставало ступеней. Выбираясь из очередной дыры, я случайно вцепилась в руку оборотня, идущего первым, и он зарычал на меня так яростно, что мне показалось — чары окончательно пали. Но Хорвек, находившийся рядом с ним, тут же безо всякой любезности хлестнул его наотмашь ладонью по лицу, и выбранил, словно перед ним и в самом деле была обычная собака, невесть с чего оскалившая зубы на хозяина. Это возымело действие: Эйде взвизгнул и попятился, после чего присмирел на время.

Живых существ в лабиринте нам не встречалось — это и в самом деле было забытое, опустошенное королевство. Однажды у ног оборотня прошмыгнула крыса, и тот с поразительной быстротой и ловкостью поймал ее, упав на четвереньки. Я, испугавшись, отпрянула в сторону, и Эйде, явно желая впечатлить меня еще больше, резко обернулся ко мне, чтобы показать свой испачканный кровью рот.

— Оставь свои шутки, грязная тварь, — с презрением сказал Хорвек, конечно же, заметив, как исказилось мое лицо из-за приступа тошноты. — Не настолько ты голоден, чтобы жрать крыс.

— Уж ты-то знаешь толк и в голоде и в крысах, — прошипел оборотень, нарочито утирая кровь с губ.

Дышать становилось все труднее — от здешнего воздуха першило в горле, и в ушах давно уж шумело, словно мы спускались не в подземный мир, а в подводный. Величественные залы, стены и своды которых терялись во тьме, казались мне смутно знакомыми — то ли владения покойного Господина Подземелий не отличались разнообразием, то ли мне приходилось бывать здесь, когда Казиро провожал меня на встречу со своим древним собратом, прячущимся в колодце. Магия дворцового духа туманила мою голову в ту пору, но я готова была поклясться, что уже видела эти мрачные узоры, высеченные в камне. Иногда они казались бессмысленными, но бывало так, что какой-то завиток притягивал мой взгляд — и загадка приоткрывалась: я понимала, что там изображена бесконечная и безжалостная война давних лет, где смертей случилось больше, чем может вместить человеческая память. Каждый камень здесь был надгробием.

Эйде и Хорвек не проявляли никакого интереса к здешним сомнительным красотам, следя только друг за другом.

— О чем говорится в этой карте? — бесконечные коридоры тяготили меня все больше, и я смогла преодолеть страх перед нашим проводником. — Там написано, как попасть во дворец? Ты точно знаешь, куда ведешь нас?

— Не твое дело, что там написано, человек, — Эйде не отличался сговорчивостью. — Ты не можешь прочитать ее, и никогда не сможешь — старый язык высших существ слишком сложен. Не задавай вопросы, ответы на которые не уразумеешь!

Тут мне возразить было нечего — мне и людская-то письменность давалась через пень-колоду, — однако от оборотня я не отстала:

— Но в тех бесовских закорючках обозначено, где именно находится замок господина Огасто? Ты не ошибешься?

— Если ошибется, то очень о том пожалеет, — ответил вместо Эйде Хорвек.

— Был ли ты таким грозным, когда гнил в подземелье? — оскалился оборотень. — А я уже чую эту вонь... Мы неподалеку от тех мест, где ты недавно гостил, чужак. Твой запах пропитал тут все, и мой нос не обманешь: страх, ненависть, бессилие — вот чем от тебя несло.

— Если твой нюх настолько хорош, то отчего не подскажет тебе, что лучше меня не злить? — так же недобро усмехался Хорвек в ответ. Оскорбления не достигали своей цели, и Эйде оставалось только бормотать себе под нос проклятия. Меня же их перепалки измотали — ненависть, которой они одаривали друг друга все это время, отравляла и без того затхлый воздух подземелий.

— Золото! — вдруг воскликнул оборотень с жадным восторгом, и припал к камням точно так же, как во время охоты на крысу. Я увидела, что в его руках блеснула корона, и меня охватило странное волнение.

— Отдай ее мне, Эйде! — воскликнула я, ощутив прилив внезапной решимости. — Это моя монета!

— С чего бы это она была твоей? — разумеется, оборотню не пришелся по нраву мой приказ.

— В казне подземного королевства имелась лишь одна золотая монета, я это точно знаю. Ее я когда-то пожертвовала Господину Подземелий! — мой голос зазвенел. — Он оставил ее здесь для меня!

— Вранье! — ощерил зубы оборотень. — Она просто валялась здесь, и я нашел ее!

— Ты получишь много золота, когда выполнишь свою часть сделки, — я нахмурилась, чувствуя, как внутри меня нарастает гнев. — А эту корону ты отдашь мне. Я приказываю! Ты слышишь, Эйде?!

Красивое лицо оборотня исказилось, словно веревка на его шее затянулась туже, и спустя несколько мгновений он со злостью бросил монету на пол. Когда я выпрямилась, подобрав ее, Хорвек, все это время молчавший, негромко сказал мне:

— Не знаю, зачем тебе понадобилась эта корона, но ты истратила впустую большую часть сдерживающих чар. Чем меньше нравятся пленнику приказы — тем больше нужно магической силы, чтобы сломить его волю. А в той веревке магии запас магии не так уж велик.

— Я знаю, что эту монету Господин Подземелий хотел вернуть мне, — упрямо произнесла я, с вызовом переводя взгляд с Эйде на Хорвека. — Потому и оставил здесь.

— Здесь? — переспросил бывший демон, всем видом показывая, что считает мое утверждение излишне патетичным.

— Да, именно здесь, — я, внезапно приободрившись, обвела взглядом каменные стены. — Мне известно это место! Здесь вход в темницу! — я указала на знакомые железные скобы в стене. — А это значит... Дядюшка! Если колдунья не нашла потайной ход, я могу пробраться к нему и сказать... сказать...

— О да, иди к нему! — с хихиканьем подначил меня Эйде. — Старик так причитал, когда его бросили в ту яму! Рыдал и клялся, что невиновен! Молил о помиловании и говорил, что непременно вскоре умрет из-за холода и сырости...

Его насмешливый издевательский тон подействовал на меня куда сильнее, чем на Хорвека — я ничуть не сомневалась, что проклятый оборотень и впрямь наблюдал, как замуровывают дядюшку Абсалома. Только демон мог выжить в этой сырой и темной каменной могиле, а бедный дядя был немолод и всегда страдал болями в спине из-за малейшего сквозняка... Он не знал, что я жива и хочу помочь ему! Как выдержать эти мучения, если у тебя нет надежды?..

— Он думает, что ты сбежала и никогда не вернешься! — оборотень словно слышал мои немудреные мысли, и взвизгивал от удовольствия при виде моего растерянного лица. — Бросила его здесь расплачиваться за свое преступление!

— Я скажу ему, что спасу его, чего бы мне это ни стоило! — выкрикнула я, сжав кулаки, и почти было ринулась к лестнице, ведущей к тайному ходу, как скучающий голос Хорвека остудил мой пыл.

— Ранее я полагал, что если два подобных глупца когда-нибудь встретятся лицом к лицу, то мир немедленно погибнет, не в силах вместить в себя бесконечно множась глупость, — сказал он. — Йель, ты же отлично знаешь, что твой родственник — приманка. Колдунья только и ждет того, чтобы ты попыталась с ним встретиться. И щенок тоже это знает, оттого подталкивает тебя совершить эту ошибку. Только вшивая тварь отчего-то полагает, что после этого останется в живых. Вам обоим застыт ум глупейшие чувства, из-за которых вы не видите дальше своего носа.

Эйде пренебрежительно фыркнул, но Хорвек, пристально глядя на него, повторил:

— Если там ее схватят, я тут же вспорю тебе брюхо. Ну, пес, что скажешь — нужно ли этой дурехе встречаться со своим дядюшкой?

Оборотню не оставалось ничего иного, кроме как неохотно покачать головой — издевательская улыбка исчезла с его губ.

— Видишь, Йель? — обратился теперь ко мне Хорвек. — Там тебя ждет ловушка — наш юный друг это подтверждает. И ты ничем не поможешь своему родственнику, если пойдешь туда.

— Но дядюшка думает, что я его бросила... предала... — упавшим голосом произнесла я.

— Не думаю, что ему будет намного приятнее гнить в тюрьме, зная, что ты мертва. А ты и впрямь будешь мертва, Йель, — Хорвек вздохнул, явно устав от повторения очевидных истин. — Хотя, иной раз мне кажется, что милосерднее будет дать тебе отмучиться побыстрее.

Его правота была неоспоримой, и я, сгорбившись, отступила от лестницы, по которой некогда взбиралась, еще не зная, чем обернется для меня это легкомыслие.

— Я знаю дорогу, — угрюмо буркнула я, выдернув карту из рук оборотня. — С этой

минуты твоя помощь нам не нужна.

— А как же вы вернетесь? Вы не пройдете по этому пути без моих подсказок! — оборотень, пытаясь скрыть беспокойство, улыбался, но я видела, что его взгляд все время обращается к Хорвеку, державшему руку на эфесе своего оружия. Оборотень не слишком-то доверял нам.

— Йель слишком торопится, — мягко произнес бывший демон, жестом призывая Эйде к спокойствию. — Разумеется, ты проводишь нас обратно. И когда мы окажемся на кладбище — я расскажу тебе, где спрятано золото. Там его так много, что ты сможешь купаться в крови, жадная тварь.

Оборотень задышал жадно и часто, а потом облизнулся. Я же избегала смотреть в лицо Хорвеку, который сейчас казался мне едва ли не более отвратительным, чем пес колдуньи.

Дорогу к библиотеке я не позабыла, и замедляла шаг лишь когда меня одолевала грусть — на этой каменной лестнице меня частенько поджидал господин Казиро вместе со своими слугами. Мне показалось, что на ступенях лежит позабытая дудочка — но нет, то была всего лишь старая косточка.

У потайной дверцы, ведущей в библиотеку господина Огасто я некоторое время прислушивалась, опасаясь наткнуться на Его Светлость. Когда-то он частенько ночевал здесь, но сегодня, должно быть, чары не позволили ему повиноваться зову сердца — за дверью было тихо. Эйде, впрочем, по-собачьи наклонил голову набок, ловя какие-то отзвуки, недоступные уху обычного смертного, и отчего-то развеселившие его — я видела это по его блестящим глазам с расширенными зрачками. Но спрашивать оборотня, что он слышит, было бессмысленно — он все равно бы обманул меня, если бы предугадывал впереди опасность.

Нажав на рычаг, я, пригнувшись, вошла в темную комнату, где так знакомо пахло дядюшкиными микстурами, ароматическими свечами и смесью южных благовоний, которые нравились господину Огасто. За мной следовали Хорвек и Эйде.

В свете фонаря золотились корешки книг, и библиотека показалась мне на мгновение уютнейшим и прекраснейшим местом на свете. Тут я видела господина Огасто, говорила с ним... Я провела пальцами по краешку стола, за которым обычно сидел герцог, и вздохнула.

— Где тот портрет? — поторопил меня Хорвек, разумеется, не находившийся под влиянием чувств, сходных с моими, и оттого действовавший куда разумнее.

— Он был вон там, — я, очнувшись от сладко-горького наваждения, указала в сторону святилища Его Светлости, запоздало испугавшись, что портрет после прибытия в Таммельн ведьмы мог исчезнуть из дворца. Но нет, изображение прекрасной юной девушки ничуть не изменилось с тех пор, как я его видела в последний раз. В свете фонаря тонкое лицо казалось еще красивее и одухотвореннее.

— Хороша, — признал и Хорвек. — Еще на площади мне показалось, что плата была слишком щедрой для такого ничтожества, как твой прекрасный герцог.

— Не смей так его называть! — вспыхнула я.

Уж не знаю, куда бы завел нас этот спор, но Эйде, все это время державшийся чуть поодаль с притворно-смирненным видом, вдруг шумно принялся, и мне показалось, что его светлые волосы взъерошились сами по себе — как шерсть на загривке у пса. Он издал какой-то хриплый, торжествующий возглас и метнулся куда-то между книжных полок. Движение это было настолько молниеносным, что я растерялась и приказы остановиться выкрикивала уже на ходу, торопясь за Хорвеком, соображавшим куда быстрее меня. Лишний шум мог оказаться для нас, незваных гостей, мог оказаться роковым, и мои приказания походили на

беспомощное шипение.

Несколько испуганных тонких взвизгиваний, перемежаемых рычанием оборотня, слышалось из темноты. Полоса света, исходящего от фонаря, выхватила из темноты маленького человечка, сжавшегося от ужаса у стены — я сразу узнала Харля, о котором совсем позабыла. Эйде припал к полу напротив него, злобно и довольно урча. Должно быть, мальчишка прятался здесь от ведьмы, а мы, того не хотя, обнаружили его укрытие.

— Проклятие, — пробормотал с досадой Хорвек, ставя фонарь на пол.

— Эйде, не смей его трогать! — воскликнула я, шагая вперед, но меня опередили — из тьмы к мальчишке метнулась хрупкая фигурка, в руке которой блестел кинжал. Если Харля я признала сразу, то это явление всерьез сбilo меня с толку, поскольку на защиту мальчика от оборотня бросилась госпожа Вейдена, которую я никогда бы не заподозрила в эдакой отваге. Да, оружие она держала неумело, однако встала между Харлем и Эйде безо всяких сомнений.

— Убирайся! — прошипела она, грозя кинжалом. Оборотень тут же вцепился в ее руку, выворачивая нежную кисть. Госпоже Вейдене наверняка было больно, но она не вскрикнула, и оружие упало на пол едва ли не в полной тишине — только Эйде глухо ворчал, да тоненько всхлипывал Харль. На нас с Хорвеком, замерших совсем рядом, никто из них не обращал внимания, словно мы были каменными истуканами — по чести сказать именно так бестолково я себя и чувствовала.

— Эйде! — мой голос дрожал, но я старалась говорить как можно тверже. — Остановись! Ты слышишь меня? Я твоя госпожа этой ночью!

Заговоренная веревка, должно быть, почти истощила свою магическую силу, а кровь, выступившая на запястье госпожи Вейдены из-под когтей оборотня, и вовсе раззадорила Эйде. Одной рукой он удерживал юную герцогиню, ноги которой уже подкашивались от боли, а второй вцепился в свою шею, пытаясь порвать невидимую магическую удавку. Я невольно шагнула вперед, не зная, что делать, но не в силах просто смотреть на происходящее, однако в этот же миг у горла Эйде появился клинок Хорвека.

— Ты слышал, что тебе приказали, — негромко произнес он. — Отпусти благородную даму, кровожадная скотина.

Меня невольно поразило то, как он назвал госпожу Вейдену — в этих словах звучало подлинное почтение, хоть Хорвек и видел Ее Светлость всего лишь несколько мгновений. Выходило, что бывший демон все-таки делал различия между людскими сословиями — обо мне он рассуждал совсем иным тоном...

Пальцы оборотня разжались и герцогиня упала на колени рядом с Харлем, зажмурив глаза от страха и боли. Однако и теперь она нашла в себе силы заслонить от нас Харля, хоть по отчаянному выражению ее лица и было понятно, что она сама не верит в то, что может его защитить.

— Это жена Огасто? — мрачно спросил у меня Хорвек, не отводя меча от шеи оборотня, который тяжело дышал, вздернув подбородок, но даже сейчас не мог удержаться от того, чтобы не принюхиваться жадно к запаху свежей крови.

— Да, это светлейшая госпожа Вейдена, — растерянно ответила я, все еще не понимая, с чего вдруг герцогиня очутилась здесь этой ночью, да еще и вооруженная кинжалом.

— Светлейшая госпожа... Добрейшая наша госпожа!.. — забормотал оборотень, косясь на Вейдену, и меня передернуло от мерзкого сладострастия, звучавшего в его голосе. Лезвие касалось его шеи, но ненасытный голод был в нем сильнее страха.

— Что ж, придется несколько изменить наши планы, — вздохнул Хорвек и одним резким сильным движением полоснул Эйде по горлу. Оборотень, не успев толком ничего понять, повалился на пол, в агонии протягивая пальцы к своей смертельной ране.

Мы с госпожой Вейденой совершенно одинаково вскрикнули. Она подалась назад, подтянув к себе ноги, а я наткнулась спиной на книжную полку. Харль, к счастью, ничего не видел, все так же скрючившись у стены и тоненько всхлипывая.

— Ты... ты убил его! — потрясенно произнесла я, уставившись на Хорвека то ли с ужасом, то ли с удивлением.

— Разумеется, — ответил он, отпихивая ногой все еще подрагивающее тело. — А что еще я мог сделать с этой тварью? Пришлось немного поторопиться, но чары совсем выдохлись и он вот-вот перестал бы тебе повиноваться.

— То есть, ты собирался убить его с самого начала?... — я попяtilась еще немного.

— Да, — Хорвек смотрел на меня с некоторым недоумением, словно не мог поверить в то, что произошедшее стало для меня неожиданностью.

— Но ты же поклялся! — воскликнула я, взмахнув руками. — Поклялся, что отпустишь его, если он проведет нас во дворец...

— Одной нарушенной клятвой больше, одной меньше, — бывший демон не выказывал никаких признаков беспокойства. — Или ты хотела бы, чтобы я сдержал слово и отпустил на свободу жадного до крови пса, всучив ему кошель золота? Разве тебе не полагается сочувствовать своим сородичам, а не тем, кто их пожирает?

— Но... но... — я растерянно терла рукой лоб, не находя слов. — Все равно, так поступать нельзя! Он ведь послушался меня и остановился!

— Если бы я его отпустил, то уже завтра этой женщине — которая, кажется, приходится тебе госпожой — пришел бы конец, — Хорвек кивнул в сторону Вейдены, которая затравленно смотрела на нас и не пыталась ни о чем спрашивать. — Оборотень не удержался бы от доноса, поскольку его ума не хватило бы на то, что о происшествиях сегодняшней ночи нужно помалкивать. Желание выслужиться и получить похвалу пересилило бы любые доводы рассудка, который, признаться, у этого щенка был не слишком ясен даже по меркам его рода. Или ты не так уж огорчилась бы, обрушья на твою госпожу гнев ведьмы? Кажется, ты не настолько уж верная служанка, не так ли?

— Не смей так говорить! — я топнула ногой, невольно покосившись на Ее Светлость, которая, как мне показалось, меня даже не узнала, до сих пор не оправившись от потрясения. — Я не хотела, чтобы ты его убивал вовсе не поэтому. Я... я просто не ждала...

— Как можно было не ждать того, что я его убью, после того, как щенок слышал твое новое имя и видел меня? — искренне удивился Хорвек, и я прикусила язык, поняв, что выставляю себя в его глазах редкой туницей.

— Ваша Светлость, — я встала на колени перед госпожой Вейденой, не решаясь дотронуться до нее, ведь раньше это было бы непомерной дерзостью. — Не бойтесь! Вы узнаете меня? Это я... — тут что-то заставило меня запнуться, и я поняла, что так действует заклятье, лишившее меня прежнего имени. — Я была раньше Фейнеллой...

— Фейнелла? — в ужасе переспросила госпожа Вейдена, подавшись назад. — Ты ведь колдунья?! Не смей касаться меня! Я не позволю причинить тебе вред этому ребенку!

— Ох, — я в досаде закусила губу. — Но Ваша Светлость, вы не можете в это верить! Если вы защищаете Харля, то знаете, где на самом деле прячется зло. Харль! Харль, ты слышишь меня? Скажи, что я не ведьма!

Мальчишка услышал меня не сразу, но немного погодя все-таки отнял руки от перекошенного лица. Должно быть, ему не понравилось то, что он увидел, поскольку голова его вжалась в плечи еще больше.

— Фейн? — наконец спросил он неуверенно. — Это и взаправду ты?

— Я, а кто же еще? — нетерпеливо воскликнула я, понимая, что времени на разговоры у нас почти что нет. — Неужто ты не признал меня, после того, как целыми днями околачивался в наших с дядюшкой покоях? Провалиться мне на этом самом месте, Харль! Мы же едва не породнились! Ну хоть ты-то знаешь, что дядя Абсалом не наводил порчу на господина Огасто? И что я никогда не промышляла колдовством?.. — тут у меня над ухом как будто прошептал кто-то недобрый: «До недавнего времени», и я умолкла, не в силах побороть смущение.

— Еще один твой родственник? — нарушил тишину Хорвек, который, не теряя времени даром, уже оттащил мертвого оборотня в сторону и вернулся, вытирая окровавленные руки. — Сколько их у тебя?

— Да чертова прорва, — пробурчала я. — Однако спасти из них, к счастью, нужно немногих.

— Кто это, Фейн? — с испугом спросил Харль, вцепившийся в госпожу Вейдену, словно она и впрямь могла его от чего-либо защитить.

— Гм! — сказала я, пребывая в затруднении. К счастью, все в городе, кроме меня, господина Огасто и колдуньи были уверены, что демон из подземелья мертв, поэтому о худшем — то есть, о правде, — Харль и госпожа Вейдена не догадывались.

— Это мой друг, — наконец сказала я, косясь на Хорвека. — Очень славный и честный... ну, по большей части честный... человек. Да, определенно человек. Он взялся помочь мне.

— Помочь тебе — в чем? — с опаской произнесла госпожа Вейдена, чья враждебность, как мне показалось, пошла на спад.

— Вы должны это знать, раз прячете Харля! — мне надоело ходить вокруг да около. — От кого вы его спасаете, Ваша Светлость? От меня ли? Кто искал его? Чего вы боитесь?!

На красивом лице госпожи Вейдены отразилось смятение, и мне подумалось, что вот такой — взволнованной, отчаявшейся — она кажется еще прекраснее. Раньше, когда она убивалась по охладевшему к ней супругу, мне думалось, что она ненамного живее картины, около которой терзался господин Огасто — слишком уж однообразными и тоскливыми были ее жалобы. Но теперь я поняла, что в этой юной женщине таилась сила духа, о которой я не догадывалась, и мне впервые стало по-настоящему стыдно за то, с какой легкостью я вычеркивала ее из своих размышлений о счастливом будущем с Его Светлостью.

Внезапное движение заставило меня вздрогнуть — Хорвек опустился на одно колено рядом со мной, протянул руку к герцогине, и не успела я что-либо сказать, как он с почтением поцеловал дрожащие пальцы Вейдены и помог ей подняться.

— Мы не причиним вам вреда, Ваша Светлость, — произнес он так вкрадчиво и проникновенно, что у меня по спине пробежала дрожь. Но на госпожу Вейдены его интонации оказали благотворное влияние: она, немного замешкавшись, слабо улыбнулась, и даже коснулась рукой волос, словно проверяя, в порядке ли они. Мое чувство вины перед нею тут же испарилось загадочнейшим образом, и я, засопев, принялась подавать знаки Харлю с тем, чтобы тот перестал прятаться за госпожой Вейденной.

— Иди сюда, паршивец, — сказала я, распахивая объятия, и мальчишка после

некоторых раздумий покинул свой угол, безовсякого почтения истоптав подол платья Ее Светлости. — Я чертовски рада, что ты жив-здоров! Ну, рассказывай, как ты ушел от треклятой колдуньи?

— Да я и сам не знаю, — развел руками он, и его всего передернуло от неприятных воспоминаний. — Господина Рава, бедолагу, схватили прямо в его лаборатории, и я слышал, как он кричал, что ни в чем не виноват... да только кто ж его послушал?

— А где был ты? — хоть я и знала, что дядюшка в руках колдуньи, однако сердце мое заколотилось, как сумасшедшее, когда я представила, какой ужас испытал дядюшка Абсалом, поняв, что его собираются арестовать по чьему-то злобному навету.

— Я успел спрятаться в один из шкафов, где стояли остатки лекарств, — Харль потер нос, в котором уже начало снова что-то хлюпать. — И когда слуги той дамы принялись обыскивать лабораторию — едва не помер от страха. Они непременно должны были меня найти...

— Но не нашли же? — я встряхнула его, приводя в чувство. — Ведь так?

— Так, так... — глаза Харля стали пустыми, как это частенько бывает у людей, повествующих о чем-то, что не до конца понятно их уму. — Странное там что-то творилось, я и госпоже Вейдене это говорил, — тут он покосился на герцогиню, пытавшуюся привести в порядок свое измятое платье, на подоле которого виднелись темные брызги крови. — Ее Светлость сказала, что меня уберегли милостивые боги... — он понизил голос. — Но мне сдается, что это вовсе не боги были, поскольку силам небесным вряд ли приходились по нраву мои шутки. Смотри, Фейн! — тут он показал мне темный пузырек, который до этого сжимал в кулаке. — Я нашел его в шкафу, и вспомнил, как твой дядюшка говорил, что эта дрянь отваживает всяческих недругов. Вот и положил ее себе за пазуху!

Тут я признала флакон, и скривилась от омерзения:

— Ох, Харль! Да ведь это же та самая пакость, что была в порченном яйце!

— Она самая! — ухмыльнулся мальчишка, начинавший походить на себя прежнего. — Правда, я не шибко-то верил, что она мне поможет. Но когда дверцы шкафа распахнули, то никто меня не увидал, хоть я сидел там, как на ладони и обливался седьмым потом от страха! Едва они ушли, я тут же бросился к добрейшей госпоже Вейдене и попросил ее о защите...

— Этот твой приятель не так уж бестолков, — заметил Хорвек, который, как оказалось, прислушивался к рассказу Харля. — Для слуг ведьмы ее собственное колдовство — как слепое пятно, и сопляк угадал верно, как спасти свою шкуру. Однако теперь бутылочку можно выбросить — раз оборотень почуял мальчишку, значит, чары выдохлись и больше ему не удастся спрятаться.

— Оборотень? Ведьма?.. — зубы Харля защелкали так громко, как будто кто-то принялся трясти детскую погремушку. Госпожа Вейдена, издав испуганный возглас, замерла на месте, уставившись на лужу крови, отмечавшую место смерти Эйде.

— Ну конечно же, ведьма! Неужто ты не разгадал, что здесь творятся богопротивные колдовские дела? — я постучала Харля пальцем по лбу, и он тут же хлопнул меня по руке.

— Я ничегошеньки не понял, если признаться честно. Но то, что всем, кто имел дело с тобой и твоим дядюшкой, придется туго — сообразил, не без этого. С чего это сестрица господина Огасто так взъелась на тебя, Фейн?

— Да никакая она ему не сестрица! — я сжала кулаки от бессильной злости. — Поганая ведьма, заколдовавшая Его Светлость — вот кто эта змея! Это из-за ее чар он сам не свой!

— Ведьма? — герцогиня теперь внимательно слушала меня. — Ты точно это знаешь? Она говорит, что это твое колдовство губит Огасто...

— Я бы ни за что, никогда не причинила вред Его Светлости! — воскликнула я с такой горячностью, что приободрившийся Харль присвистнул, Хорвек вздохнул, а госпожа Вейдена после некоторого замешательства нахмурилась. Я почувствовала, как щеки запылали, и опустила голову, упрямо пробормотав напоследок:

— Она все лжет, и даже имя свое украла...

Какой бы дерзостью не казалось то, в чем я себя только что выдала, именно это заставило госпожу Вейдену поверить нам.

— Зачем ты пришла сюда? — прямо спросила она, глядя на меня уже без испуга, но с тем неуловимым оттенком высокомерия, который показывал, что она верно истолковала мои слова, однако считает ниже своего достоинства обсуждать столь нелепые чувства.

— Мне нужен портрет, — хмуро сказала я, выдержав ледяной взгляд госпожи Вейдены. — Тот, что висит здесь на стене.

— Мой портрет? — недоуменно переспросила герцогиня, смерив меня еще более холодным взглядом.

— Это не ваш портрет, — произнесла я, ощутив в глубине души мстительное удовлетворение. Надменность герцогини уязвила меня куда больше, чем мне показалось сначала. Раньше я смиреннее принимала то, что по своему положению недостойна даже ревности со стороны Ее Светлости, сейчас же впервые подумала, что судьба не так уж справедливо разделила блага между благородными господами и простолюдинами.

— Что за безумные речи? — герцогиня гневно вскинула голову. — Там изображена я! Это понятно каждому, кто не ослеп или не сошел с ума!

— Что-то ты заговариваешься, Фейн, — не преминул влезть в наш спор Харль. — Я своими глазами видел ту картину! Она не так плохо нарисована, чтоб не узнать Ее Светлость! Да и с чего бы Его Светлости держать перед глазами портрет кого-то, кроме госпожи Вейдены?

— Я точно знаю, что там нарисована не госпожа Вейдена, — никогда я еще не осмеливалась так прямо и непочтительно говорить со знатной дамой, и, хоть обида подстегивала меня, разговор этот нравился мне все меньше и меньше. Мои глупые слова пока что оборачивались против меня, и я бы не удивилась, если бы к утру за мою голову давал награду не только околдованный герцог Таммельнский, но и его разгневанная жена. В растерянности я оглянулась на Хорвека, но тот, как будто потеряв всякий интерес к происходящему, отступил в тень, и замер там, предоставив мне самой объясняться с госпожой Вейденной. «Проклятие, да он испытывает меня, — подумала я обреченно. — Ему интересно наблюдать за тем, как я копошусь, силясь спасти себя. И стоит его разочаровать, как он исчезнет. Никакого слова он мне не давал. Впрочем, клятвы он нарушает безо всяких колебаний и поступает лишь так, как ему самому желается. Покажусь ему малодушной, да еще и более скудоумной, чем он полагал — и поминай как звали!..».

Эта мысль придала мне решимости — я перестала горбиться и обратилась к госпоже Вейдене, не пряча взгляд.

— Ваша Светлость, разве портрет этот рисовали в вашем присутствии? Откуда он взялся? Что за художник над ним трудился?

Герцогиня не сразу удостоила меня ответом, однако, спустя минуту-другую, признала:

— Нет, я не знаю мастера, нарисовавшего ту картину. Мой светлейший супруг...

Огасто... подарил мне ее, когда мы прибыли в Таммельн. Он объяснил, что попросил какого-то художника тайно сделать копию с тех портретов, что имелись во дворце моего батюшки. Он говорил... говорил, что моя красота должна отражаться бесконечно, делая этот несовершенный мир чище и лучше.

Я с кислой ухмылкой приняла этот удар — Вейдена не удержалась от того, чтобы напомнить, как любил ее господин Огасто до того, как душевная болезнь начала одолевать его.

— Но кто может быть изображен там, если не я? — герцогиня улыбалась победно, но глаза ее потемнели от тревоги. — Многие говорили, что сходство безупречно и просили Огасто назвать имя художника, который так хорошо выполнил свою работу, но он не выдал свой секрет, говоря, что не желает, чтобы мастеру пришлось рисовать что-то менее прекрасное...

— Я не знаю, кто та женщина, — твердо сказала я. — Но ее тайна — это тайна господина Огасто и проклятой ведьмы, которая хочет его погубить. Если вы желаете спасти своего мужа, то позвольте мне забрать портрет.

— То, что ты говоришь, звучит безумно, — госпожа Вейдена погрузилась в раздумья. — Но... я верю тебе. Не потому, что ты кажешься мне достойной доверия, о нет. Теперь я точно знаю, что повстречала тебя на ярмарке в черный день своей жизни. Следовало бы приказать страже вышвырнуть вас с дядюшкой из Таммельна — мне не раз говорили, что я привечаю шарлатана и мошенника. Но теперь ничего не исправить, и мне предстоит еще долго терпеть перешептывания за спиной — все знают, как добра я была с придворным лекарем. С лекарем, оказавшимся колдуном и злоумышленником. Я пригласила в дом того, кто хотел убить моего супруга! Пусть это неправда, но об этом никто не знает, и не захочет знать. Понимаешь ли ты, Фейнелла, каково мне думать об этом? Эту грязь с моего доброго имени не так-то просто смыть и не так-то просто стерпеть — а принесли ее в эти стены вы с дядюшкой.

Ее упреки были во многом справедливы — мы и в самом деле были наглыми безродными чужаками, готовыми едва ли не на все, чтоб получить теплый угол в богатом доме. Но мы пришли туда, где еще до нас все пронизало отвратительное тлетворное колдовство, дряннее которого быть ничего не могло — колдовскую грязь заметить куда сложнее, чем всякую другую. Я упрямо смотрела в глаза госпоже Вейдене и не склонила голову, когда она обвиняла меня.

— Сейчас мне следовало бы позвать слуг, переполошить весь дворец, и пусть над твоей головой свершится бы суд моего супруга, — Ее Светлость покачала головой. — Я вновь предаю его, слушая тебя. Но... я чувствую зло в той, кто называет себя сестрой Огасто. В ее присутствии люди одурманены и только я одна замечаю, что она распоряжается в моем доме, точно в своем собственном. Стоит мне ее увидеть — и я словно засыпаю, не могу сказать ни слова, как это бывает в дурном сне. Но когда она уходит, в голове у меня проясняется, и я понимаю, что покорно принимала чужую волю...

— Магия, — Хорвек счел, что может вмешаться в разговор, но из темноты не вышел. — Ей не так уж легко сопротивляться, но, раз у вас получается, стало быть, речь идет о природном даре. Это не редкость среди особ королевской крови — так уж заведено было в давние времена, что чародеи не упускали возможности тайно смешать свою кровь с королевской. И чародейские способности дремлют в тех, кто сидит на тронах, проявляя себя изредка самым неожиданным образом.

Я заметила, как госпожа Вейдена нахмурилась — ей пришлось не по нраву то, что кто-то сомневается в чистоте ее королевской крови, — и хитрый Хорвек тут же прибавил:

— Или же вас бережет от чар любовь. Это сильное и довольно бессмысленное чувство — одно из тех, которые сложнее всего подавить колдовством. Какое бы заграждение из чар не выстроил маг — человеческие страсти становятся ручейком, разрушающим колдовскую плотину. Усмирять их — непростое дело, чаще всего — и вовсе невозможное.

Это объяснение понравилось герцогине куда больше, и она улыбнулась перед тем, как вновь повернуться ко мне с надменным видом.

— Да, я слышала много странного, пока стояла в оцепенении рядом с Огасто, выслушивающим наставления этой женщины. Много я позабыла, но кое-что помню. Она приказала ему не входить более в библиотеку и не смотреть на этот портрет!

— Поэтому-то я и спрятался здесь, — пискнул Харль, все это время державшийся тихо, как мышка. Мальчишка верно почувял, что милость герцогини к врагам новой госпожи дворца переменчива, и после моих неосторожных слов может растаять, как туман на солнце.

— Я не поняла тогда, отчего она так невзлюбила эту картину, — продолжила Вейдена. — Этот портрет не нравился и мне самой. Я порой заводила разговор с Огасто с том, что раз уж он так много времени проводит в библиотеке, то пусть там появится картина, которую писали с меня, живой и настоящей. Но он всегда говорил, что ему нравится именно этот мой образ...

— Что ж, раз этот портрет и впрямь непрост, взглянем на него еще раз, — сказал Хорвек, ловко улучив момент, и подал руку госпоже Вейдене, помогая той переступить лужу крови.

Мы с Харлем, переглянувшись друг с другом, лишь вздохнули совершенно одинаковым образом, и последовали за ними. В том, как бывший демон держался рядом с Ее Светлостью, чувствовалось: он полагает себя ровней госпоже Вейдене и обращаться с благородной дамой ему куда сподручнее, нежели с таким отребьем, как я. Да и светлейшая герцогиня, казалось, не замечала отталкивающей внешности своего спасителя. Она охотно принимала его помощь и глядела на него отнюдь не с тем же презрением, что на меня, хотя одним пресвятым богам было ведомо, отчего разбойничья рожа Хорвека кажется ей более приятным зрелищем, нежели мое лицо.

— Как бы кто-то из челяди не заметил, что в окнах мелькает свет, — проворчала я, не зная толком, отчего же кошки у меня на душе скребутся все сильнее.

— Все знают, что Огасто проводит здесь ночи, — отозвалась госпожа Вейдена. — И когда я шла сюда — странное дело! — дворец был тих и пуст, словно здесь не осталось ни единой живой души.

— Так будет каждую ночь, пока здесь ведьма, — сказал Хорвек, с полупоклоном отпуская руку Ее Светлости и показывая ей, что она может подойти к портрету. — Ей не по нраву, когда кто-то бодрствует, пока она спит. Чародейке приходится много колдовать, и она должна восполнять свои силы, пусть даже каждое мгновение у нее сейчас на счету. Ее слуги отправились на поиски врагов вне дворцовых стен, а дворец оплело сонное заклятие. Красть по ночам силу у спящих людей — известная колдовская хитрость, перенятая магами у старых духов.

— Дядюшка всегда говорил, что ежели кто храпит — рот ему нужно прикрывать платком, — не удержалась я от того, чтобы показать свою осведомленность. — Иначе ночной бес влезет через рот в нутро и будет до самого утра грызть сердце, пока бедолага

вскороности не скончается во сне от сердечного приступа или другой какой болезни.

— Что за глупости! — тут же перебил меня Харль. — Неужто бес настолько глуп, чтобы не сбросить платок? Да пощекочи под носом у спящего перышком — он тут же чихнет, и платок слетит! Я слышал, что дьявольские создания умещаются на острие иглы числом до дюжины, если не более. Что им стоит пробраться через ноздрю или какое другое отверстие?

— Вот уж пустомеля! — воскликнула я сердито. — Кабы бесы могли пролезть в ноздрю или в ухо, то мы бы все уж давно померли! Кто ж сможет спать, заткнув нос и уши?

— Мало же ты знаешь о бесах! — вскипел Харль. — Моей тетке из Виббельна в ухо как-то залез черт, когда она уснула на проповеди, и жил там припеваючи до самой ее смерти. Она частенько слышала, как он предсказывает погоду, причем почти никогда не ошибается. Я своими ушами слышал, как она ругается с ним, когда мы с матушкой гостили в ее доме! Тетушка говорила с ним с утра до ночи, ох и болтлив был тот бес! Всем известно, что такая беда случается с людьми, которые согрешили. Не поклонился храму — получай беса за пазуху! Подал монаху кривой медяк — непременно злой дух пролезет в твою голову или в брюхо, и будет там плясать до самой твоей смерти!

— В жизни не слышала такой бессмыслицы! — вскричала я, позабыв обо всем на свете. — Знаешь ли ты, что дядюшка как-то в Олораке лечил от звона в ушах самого настоятеля храма? Вот уж был благочестивый господин, который бы лучше нос себе откусил, чем заснул во время службы. Однако ж и у него в ушах временами стоял такой шум, что он не слышал ни слова — только повторял, что это демоны справляют праздник в преисподней и звонят в колокола!.. Уж не думаешь ли ты, что в его ухе поместилась бы дьявольская колокольня? Если твоя тетка не ополоумела на старости лет, то попросту слышала, как говорят под землей бесы, и никто не влезал в ее голову!

Хорвек, чьи брови поднимались все выше и выше, не дал Харлю ответить на мою речь, которую, как мне казалось, оспаривать смог бы только истинный невежда — настолько ясны и понятны были доказательства моей правоты. Однако не успела я поблагодарить бывшего демона за то, что он меня поддержал, как он знаком приказал умолкнуть и мне.

— До сих пор я думал, что пережил самые тяжкие испытания в своей жизни, — сказал он задумчиво. — Но только что мне показалось, что лучше бы вернулись те времена, когда я не слышал человеческих голосов. Правильно ли я понимаю, Йель: ты не желаешь, чтобы твой юный друг нынче же утром попал в руки чародейке?

— Нет! — я почти вскрикнула, ведь перед моими глазами встал бледный Мике, покорно следующий за ведьмой.

— Стало быть, ему придется уйти из дворца до рассвета, — Хорвек кивнул. — Но для того, чтобы ему это удалось — пусть умолкнет, иначе я сверну ему шею прямо сейчас. Удивительным образом вы дополнили друг друга, и ваше общество стало решительно невыносимым.

Я обиженно засопела, однако спорить не стала, да и Харль поостерегся подавать голос.

— И впрямь, милостивый сударь, — не преминула заметить госпожа Вейдена, — они говорили такое, что слушать благочестивому человеку грешно. Благодарю вас за то, что прекратили этот низкий спор.

— Ох, да ведь бес не вылезет из уха только потому, что о нем не вспоминают! — не удержалась я, и заслужила безболезненный, но обидный подзатыльник от Хорвека.

— Знал бы я, что иду сюда затем, чтобы выслушивать еще одного нестерпимого болтуна-невежду, то трижды подумал бы, помогать ли тебе, — сказал он без особой злости,

и я прикусила язык. Действительно, мы пришли сюда за портретом, но из-за досужей пустой болтовни я успела позабыть о своей главной цели.

Однако при ближайшем рассмотрении картина показалась мне ровным счетом бесполезной — никаких тайных знаков, указывающих на то, что в рисунке скрыт ответ на мои вопросы, я не нашла. Мои глаза видели только все то же красивое лицо госпожи Вейдены, казавшейся на картине чуть более горделивой и властной — быть может, из-за серебристо-серого платья, напоминавшего отчего-то доспехи. Оно не походило на те наряды, что обычно носили богатые дамы в Таммельне. Пояс был завязан по-иному, низко на бедрах; вырез не столь низок — открыты лишь изящные ключицы; одноцветные рукава спускались до самого полу, заканчиваясь серебристыми кистями — а ведь даже у самой бедной из придворных дам госпожи Вейдены нашлись деньги на то, чтоб вшить в рукава клинья двух цветов! Нет, это платье никуда не годилось!

— Отчего здесь изображен такой чудной наряд? — спросила я у госпожи Вейдены, набравшись храбрости. — Неужто так одеваются в столице?

— Не знаю, — она растерянно смотрела на картину, словно видя ее впервые. — Не вспомню, говорила ли я об этом с Огасто, но, кажется, он объяснял, что так принято наряжаться в его родных краях...

— А говорил ли он, откуда прибыл в Лаэгрию? — спросила я безо всякой надежды.

— Нет, никогда, — грустно отвечала Вейдена, которую, казалось, вид портрета, оказавшегося чужим, угнетал все сильнее. — Однажды он обмолвился, что зимы здесь холоднее, а весна приходит позже. До того, как он прибыл ко двору моего отца, я слышала, что его зовут южанином. Но сам он ни словом не обмолвился о своей семье... о родных местах... Ах, да он совсем не любил меня, ведь так? — внезапно разрыдалась она, ударив рукой по богатой раме.

И в первый раз, давая ответ на этот вопрос в уме, я не почувствовала, как сердце замирает от радости.

— Ваша Светлость, — сказала я, шагнув вперед. — Он зачарован. Несколько лет его ум опутан тайными заклятиями, и мне говорили, что рано или поздно это погубит его. Но также я знаю, что такие чары невозможно наложить без разрешения на то самого человека. Господин Огасто отчего-то позволил сделать это с собой, и пока никто не знает, что скрывает его прошлое — нет никакой надежды, что колдунья отступится. Вы можете всего лишь сопротивляться ее колдовству, а я — иногда чувствую его, но ни у кого из нас не достанет сил, чтобы победить ее.

— Ведь он покинет меня, если чары падут? — только и спросила госпожа Вейдена.

— Так лучше, чтоб он погиб? — теперь я говорила громко и зло, отбросив всякий страх.

— А что лучше для тебя, племянница лекаря? — она сощурила злые глаза, полные слез, и я подумала, что не так уж хорошо ее знала. — Что надеешься получить?

— Что бы я не получила — это не будет колдовским мороком, и этого мне достаточно! — сказала я гордо.

Наверняка мой ответ больно ранил госпожу Вейдену, и она некоторое время молчала, прерывисто дыша.

— Верно, — промолвила она тихо. — Нет ничего хуже лжи. Чего ты хочешь от меня? Сегодня мы, кажется, равны в силе, а точнее говоря — в бессилии...

— Ничего, сверх того, о чем я уже просила вас: отдайте мне эту картину, Ваша Светлость, — я поклонилась ей, не желая каким-то образом унижить герцогиню еще больше.

— Забирай, — она сделала резкий жест. — Все равно я не желаю видеть ее.

Хорвек, казалось, только и ждал этих слов — тут же его нож вспорол холст. Свернув полотно, он уложил его в свою сумку.

— Мы сможем вернуться тем же путем, что пришли? — спросила я его, запоздало сообразив, что наш прежний план с некоторых пор стал совершенно бесполезен.

— Полагаю, что нет, — вздохнул Хорвек, оглянувшись туда, где в темноте остывало тело нашего проводника.

— Быть может, я смогу помочь вам? — внезапно вмешалась в наш разговор госпожа Вейдена, лицо которой неуловимо изменилось после недавних слез и теперь ничем более не отличалось от того, что было нарисовано на портрете — выражение его говорило о гордости и силе, позволяющих вынести почти любой удар судьбы.

— Ваша Светлость!.. — воскликнула я, искренне удивившись ее словам. До сих пор я полагала, что благородство Вейдены не простирается настолько далеко, чтобы помогать мне по собственному почину.

— Заберите с собой мальчика, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы покинули эти стены живыми и невредимыми, — удивительно, но сейчас, лишившись прежней власти в заколдованном дворце, герцогиня выглядела настоящей его хозяйкой, как никогда ранее.

— Ваша Светлость! Добрейшая госпожа! — воскликнул Харль, который, получив выговор от Хорвека, старательно молчал и даже временами хлопал себя по губам, борясь с соблазном вмешаться в разговор. — Не отдавайте меня им, ради всех пресвятых угодников! Я, конечно, и вполтину не так мудр, как вы, оттого не понял почти ничего, из того, что болтала Фейн, но кое в чем я разбираюсь лучше многих. Пусть эта рыжая холера трижды поклянется в том, что не ведьма, но я-то точно знаю, что половина всех бед, которые случились здесь — на ее совести. Иным людям не нужно уметь колдовать, чтобы наворотить таких дел, после которых и колдунам делать нечего! А этот ее дружок... Не слишком ли много он знает о колдовстве?

— Придержи язык, Харль! — из-за неблагодарности дрянного мальчишки руки у меня так и зачесались. — Или ты не понял, что твой оберег уже не спасет тебя от ведьмы? Спрячься ты хоть под кроватью Ее Светлости — тебя вытащат оттуда и скормят гнусной нечисти, которая расплодилась при треклятой колдунье, как клопы в матрасе. А затем гнев чародейки обрушится на твою госпожу, которой и так придется несладко в этом паучьем логове!

— Она не посмеет меня тронуть! — госпожа Вейдена вскинула голову. — Я дочь короля!

— Но она сделает так, что вас покарает ваш супруг, и всем при этом покажется, что он поступил весьма разумно, — отозвался Хорвек, до того рассматривавший Харля с явной досадой; но, повернувшись к герцогине, он тут же согнал с лица это нелюбезное выражение. — Думаю, это неминуемо. Она заподозрит, что вы были здесь и говорили с теми, кто убил ее слугу. Ей не с руки сейчас множить дурные слухи, но вас, скорее всего, объявят заболевшей и не позволят более выйти из ваших покоев без ведома госпожи чародейки. Люди будут думать о вас одно лишь дурное, и скажут, что ваш супруг справедливо наказал вас за то, что вы пригласили в дом колдуна. Позвольте дать вам совет: не показывайте, что можете послушаться чародейку. Не признавайтесь, что разгадали ее истинную сущность. Пусть она думает, что сегодня заклятья не подействовали из-за какой-то случайности.

— Благодарю вас, — после некоторого колебания ответила госпожа Вейдена. — И моя благодарность не будет пустой. Хотя я нынче не распоряжаюсь в своем дворце, но знаю, как помочь вам покинуть его.

— Весьма любезное и своевременное предложение, Ваша Светлость, — согласился Хорвек, и мне подумалось: у него наверняка имелся какой-то запасной план, суть которого настолько черна в сравнении с предыдущим, что бывший демон, до сих пор не выказывавший признаков какой-либо деликатности в этом отношении, не торопился его оглашать.

— Слушайте же, — волнение все еще слышалось в голосе госпожи Вейдены, но слезы уже высохли, а кончики пальцев дрожали едва заметно. — Я не смогу отдать приказ страже у ворот, чтобы вас пропустили. Огасто... Мой супруг сказал, что отныне распоряжаются здесь только он сам и его сестра. Я подумала, что он решил, будто я хотела его смерти, и больше не верит мне. Мне было... так больно! Впрочем... — тут ее лицо исказилось, словно кто-то кольнул ее сердце тончайшей булавкой. — Впрочем, не так больно, как теперь, когда я поняла, что он вообще никогда не знал меня и не желал знать. Я была менее жива для него, чем этот проклятый портрет!..

— Госпожа, — вскричал Харль, голова которого вертелась как флюгер. — Вы уже поверили однажды дядюшке этой беспутной Фейн и ничем добрым это не закончилось! А теперь верите в то, что плетет это крапивное семя, появившись здесь среди ночи с каким-то разбойником...

— Так что же ты прятался здесь, как мышь? — мой тычок заставил мальчишку скривиться. — Если я вру, то надо было тебе повиниться перед господином Огасто и его сестрицей. Уж они бы тебя помиловали! Видел тварь, которую прикончил мой друг-разбойник? Вот такие-то и сожрут тебя завтра ночью, если ты не пойдешь с нами!

— Надо сказать, я совершенно не против такого исхода, — заметил Хорвек, в очередной раз смерив Харля досадливым взглядом.

— Вы должны забрать его! — воскликнула госпожа Вейдена. — Я видела, как плакала его матушка, и у меня чуть не разорвалось сердце от того, что я не могла ничего рассказать ей о судьбе ее сына. Но когда я услышала, что о Харле спрашивает та, что называет себя сестрой Огасто, то поклялась, что не скажу никому о том, где прячется мальчик — даже его родной матери. Всех моих придворных дам удалили из дворца по приказу этой страшной женщины — бедняжки едва успели собраться в дорогу, как их выставили за порог. Изо всех остались лишь две: госпожа Толария и госпожа Олекка — они выхлопотали для себя разрешение отправиться в путь завтра утром. Их родные усадьбы далеко за Таммельном, у самого леса Флистерн, и они нипочем бы не успели добраться туда затемно...

Я, хоть и порядочно устала за эту ночь, быстро сообразила, к чему клонит госпожа Вейдена, которая уж точно не стала бы рассказывать нам о неприятностях, выпавших на долю почтенных придворных матрон без веской на то причины.

— Нам нужно выдать себя за этих дам! Их-то точно выпустят из дворца, раз на то был дан приказ ведьмы, — воскликнула я. — Понадобятся платья поприличнее и вуали, как оно положено старухам... ох, прошу прощения — пожилым господам. А Харля обрядим служанкой! — тут я, преисполненная воодушевления, повернулась к Хорвеку. — Отлично придумано, не так ли?

Бывший демон молчал с бесстрастным видом и я, понизив голос, прошипела:

— Не вздумай сказать, что лучше убьешь сегодня еще кого-нибудь! Я уж поняла, к чему

сводятся все твои хитрые планы. Что бы я от тебя не услышала — теперь буду знать: ты собираешься перерезать кому-то горло. И хорошо еще, если одно!

— Как это славно, когда тебя так хорошо понимают, — любезно ответил Хорвек, и поблагодарил госпожу Вейдену в самых изящных выражениях, после чего лицо герцогини вновь прояснилось — обходительность бывшего демона оказывала на Ее Светлость воистину волшебное воздействие.

Я, уже привычно сморщив нос при виде чрезмерных, на мой взгляд, любезностей, расточаемых моим приятелем перед юной красавицей, обернулась к Харлю — единственному здесь человеку, который не обращался со мной высокомерно или насмешливо, ведь ему-то я всегда могла отвесить затрещину. Каково же было мое изумление, когда я увидела, что мальчишка с сонным видом облокотился на один из книжных шкафов и зевает так сладко, будто вот-вот готов задремать.

— Что у тебя в голове, бестолочь?! — в сердцах воскликнула я, бросившись его тормошить. — Да ты никак глупее осла! Вздумал дрыхнуть в такое время! Твои кости едва не обглодал оборотень, ведьма ищет повсюду твои следы, дворец полон нечистой силы, а тебе сладких снов захотелось?

— Ты душу из него выпрясешь, Йель, — остановил меня Хорвек, присматриваясь к осололевшему Харлю. — Ничего не выйдет. На мальчика начали действовать сонные чары. Если он начнет сопротивляться им, то выбьется из сил и заболеет. Пусть дремлет, иначе к утру он сляжет в горячке и станет худшей обузой.

— Но почему заклятие не действует на меня? — я невольно отдернула руки, как будто чары могли передаваться через касание. — Да и по тебе ничего такого не видать!

— Потому что мы — чужие здесь, — пояснил Хорвек, спокойно наблюдая за тем, как сползает вниз Харль, глаза которого еще не закрылись, но уже закатились под лоб. — Чары такого рода налагаются на всех, кто обитает в стенах заколдованного дома и принадлежит ему. Ты сменила имя и отказалась от прошлого, а я и подавно никогда не был частью этого мирка. Мальчишку защищал его оберег, но он пришел в негодность и заклятие добралось до него, — и после недолгого молчания он отвлеченно прибавил:

— Лучше бы ведьма отыскала его сразу — куда меньше хлопот...

— Что с ним сделают чары? — тревога захлестнула меня, и больше всего мне не нравилось то, что внутренний голос подсказывал: боялась я сейчас не только заклятий колдуньи.

— Одна ночь не должна повредить ему слишком явно, как и остальным, кто живет здесь, — отвечал бывший демон рассудительно, но меня все больше пугал его задумчивый тон. — Чародейка тянет из людей силу. Поначалу никто этого не замечает. Кто-то будет жаловаться на кошмары, кому-то покажется, что проснулся он еще более уставшим, чем с вечера... Если ведьма переусердствует, то, быть может, однажды утром не проснется маленький ребенок, и без того слабый здоровьем. Или у какого-то старика остановится сердце...

С этими словами он легко поднял спящего Харля на руки. Зрелище это отчего-то показалось мне донельзя зловещим, и я подумала, что слишком уж просто Хорвек согласился взять с собой мальчика, ведь мне-то лучше всех полагалось знать, что ему нет никакого дела до людских бед. Госпожа Вейдена, взяв светильник, направилась к дверям, показывая дорогу, но я преградила путь Хорвеку, угрюмо глядя на него исподлобья.

— Если с Харлем что-то случится — я не стану тебя больше слушать, и пойду к ведьме.

Пусть она меня убьет своими собственными руками, как ей заблагорассудится, — мне нечем было пронять бывшего демона, и я шептала первое, что на ум приходило, то угрожая, то умоляя, и понимала, что звучит это довольно-таки жалко. — Ты не избавишься от него, понял? Не свернешь ему тихо шею, не придушишь и не сделаешь вид, что это все ведьмины чары. Он... он почти что мой родственник! Дядюшка непременно бы усыновил его, и Харль стал бы мне младшим братом, а я всегда хотела, чтобы у меня был брат — брат куда лучше выводка крикливых сестриц! Я вижу, как ты недобро смотришь на него, и знаю, что на людей тебе наплевать, но отчего-то ты взялся мне помогать. Я не приму твою помощь, если вдруг... если вдруг... — тут я почти захлебнулась, ведь говорила все быстрее и запальчивее. — Я не могу ничего потребовать, не могу тебе приказать, но я прошу, ты слышишь? Помоги Харлю, как помогаешь мне!..

Лицо Хорвека оставалось непроницаемым все то время, что я говорила, и только один раз его глаза странно блеснули. Я умолкла, часто дыша, словно только что пробежала от одних городских ворот к другим, и увидела, что бывший демон собирается что-то сказать. Тут же я поспешно зажала его рот, сама не веря в то, что решилась вот так запросто коснуться его лица.

— Только не давай клятву, — умоляюще прошептала я. — Не клянись мне! Я знаю, чем это оборачивается и не хочу твоих обещаний.

Мы замерли — я стояла напротив Хорвека, все так же удерживавшего спящего Харля, и боялась отнять ладонь от его губ. Но госпожа Вейдена, не понимая, отчего мы остановились, нетерпеливо окликнула нас, и мне пришлось опустить руку. Мне казалось, что я вот-вот услышу слова, из которых стает ясно: мои просьбы ничего не стоили, а дерзость только обозлила Хорвека, но бывший демон беззаботно улыбался.

— Не бойся, — только и сказал он. — Я понимаю.

— Что же вы стоите? — вновь подала голос госпожа Вейдена, которой, к счастью, было невдомек, на какой тонкой нити висит судьба мирно спящего мальчика. — Я покажу вам дорогу к комнатам, где проводят сегодняшнюю ночь дамы, за которых вам нужно себя выдать. До рассвета не так уж много времени осталось, а вам нужно уйти как можно раньше, пока во дворце не начался переполох...

Мы шли за ней по коридорам крепко спящего дворца, и, странное дело, никогда еще ночь не казалась мне такой безжизненной. В те времена, когда я тайком пробиралась в библиотеку, дворец был таким же темным и мрачным, но сегодня все было иным, холодным и мертвым. Не удержавшись, я коснулась одного из тех изваяний, что так пугали меня когда-то — и камень вдруг раскрошился под моими пальцами. «Все начало приходить в упадок с тех пор, как здесь правит человеческое колдовство, — грустно подумала я. — Вот и господин Казиро был изгнан. Некому больше присматривать за этими камнями».

— А если кто-то проснется? — шепотом спросила я у Хорвека, не в силах больше хранить молчание. — А ведьма? Вдруг она почует чужаков?

— От колдовского сна очень трудно очнуться, — ответил он, кивком указывая на безмятежно спящего Харля. — Только к рассвету чары начнут слабеть. Не спят сегодня из здешней дворни только псы-оборотни, но они сейчас рыскают по городу, и вернутся ранним утром — быть может, мы повстречаемся с ними у ворот, и тогда нам конец, ведь их не обманешь платьем, а от меня несет кровью их сородича. Сама чародейка спит так же крепко, но ее наверняка охраняет магия... Жаль, я бы не отказался прирезать ее без особых затей. Тайны Огасто мне не так уж интересны, и я бы счел справедливым исходом то, что он

подохнет от заклятия, которое он сам же и купил.

— Ты вовсе не успокоил меня, — пробурчала я, поежившись. — Хорошо, что ведьму с ее охранным колдовством мы обойдем десятой дорогой.

— Вовсе нет, — этот ответ заставил меня издать возглас, испугавший госпожу Вейдену.

— Я просто сказал, что нам сегодня придется наведаться в покои госпожи чародейки, — пояснил ей Хорвек, видя, что я способна разве что клацать зубами от страха. — Раз уж вы вызвались нам в проводники, — тут я гулко сглотнула, вспомнив о судьбе нашего предыдущего провожатого, — то не откажете нам и в этой милости, не так ли?

Эта просьба пришлась по душе Ее Светлости не намного больше, чем мне, однако, после некоторых колебаний, она кивнула, и меня в который раз удивило то, как легко она принимает сторону Хорвека, точно во дворце сегодня ночью витала не только сонная магия, но и какая-то другая — заставляющая благородных дам питать излишнюю душевную склонность к разбойникам с хорошо подвешенным языком. Я же не желала так просто соглашаться с любой чушью, которую изрекал с невозмутимым видом бывший демон.

— К дьяволу ведьму, пусть провалится в преисподнюю! — разумеется, я множество раз воображала, как одержу победу над злой колдуньей, но сейчас как никогда ясно осознала, что встречаться с ней вовсе не хочу. — Зачем нам соваться в ее нору, если она напичкана дрянной магией? Отчего не уйти подобру-поздорову, пока злобная упырица спит?

— Но тебе придется навестить ее, — спокойный ответ Хорвека заставил меня смолкнуть, как всегда. — Выйти из дворца — не такая уж сложная задача, если разобраться: стражники одурманены колдовством так же, как и все прочие, и коль уж мой паршивый клинок перерезал глотку оборотню, то его хватит еще на пару человеческих глоток, — тут я издала еще один протестующий возглас: мои худшие подозрения подтвердились. Хорвек тут же одарил меня успокаивающей улыбкой:

— Но я не так уж люблю отнимать человеческие жизни, как это кажется маленькой добросердечной Йель. Мы мирно выйдем из ворот этого негостеприимного дома, и за нами вскоре снарядят погоню, которая будет идти по нашему следу и днем, и ночью. Ее не одурочить маскараром или чужим именем.

В который раз я почувствовала себя глупейшим образом, ведь, признаться честно, до сих пор не раздумывала над тем, что буду делать, когда выберусь из дворца. Отчего-то мне казалось, что главное — заполучить портрет, который сам по себе даст ответы на все вопросы, и станет главным моим оружием в борьбе с колдуньей. Однако будущее вовсе не проявилось волшебным образом в тот миг, когда полотно очутилось в сумке Хорвека, и мне оставалось только молча слушать речь бывшего демона, который явно вел к тому, что меня вскорости ожидает очередное гнусное приключение с колдовским душком.

— И что же мне нужно сделать? — едва смогла я выдать из себя вопрос, ответ на который знать не желала.

— Ничего такого, чего ты раньше не делала, — уклончиво ответил Хорвек, и я укрепила в мысли, что меня ждет нечто воистину омерзительное.

Госпожа Вейдена сдержала свое слово и указала нам комнаты, где проводили свою последнюю ночь под крышей дворца достойные пожилые госпожи, чей храп слышался из-за закрытых дверей. Я бывала в этом крыле пару раз — тут располагались гостевые комнаты, где придворные дамы Ее Светлости подолгу жили, иногда напрочь забывая о родных поместьях, где, разумеется, не водилось столько свежих сплетен, да и истинно столичный

блеск двора госпожи Вейдены из тех глухих углов было не разглядеть.

Хоть я и знала, что они не смогут сегодня проснуться, однако приоткрыла двери с опаской, разом вспомнив все схожие переключения, пережитые в те времена, когда мы с дядюшкой скитались от городка к городку, не брезгуя мелким воровством. Ее Светлость, напротив, выказала неожиданное присутствие духа, и вошла в комнату куда решительнее меня, высоко подняв светильник. «Еще бы, — мрачно подумала я. — Откуда благородной даме знать, что в непрошенных гостей могут запустить сапогом или того хуже — ночным горшком! А уж если попадешься на горячем хозяину гостиницы с тяжелой рукой, так еще и поколотят, неделю спину не разогнешь... Помоями, опять же, плеснут и на мороз с лестницы спустят. Или обмажут дрянью какой и в перьях из старого тюфяка обваляют. А какие собаки презлющие водятся при иных постоянных дворах!..». Погрузившись в воспоминания, не успевшие поблекнуть в моей памяти, я забралась в платяной шкаф, собирая в охапку все платья, которые только попались мне под руку.

В смежной комнатке точно так же похрапывала горничная, наряд которой я тоже прихватила с собой, прибавив к нему небольшой дорожный сундучок, без которого никакая разумная пожилая дама не отправилась бы в путь.

Хорвек, дожидавшийся нас у двери, не выказал никакого любопытства в отношении тряпок, и, перекинув беспамятного Харля через плечо, сказал, что сейчас самое время посетить госпожу чародейку, ведь никакая ночь — добрая или же злая — не длится вечно.

— Она приказала, чтобы ей отвели покои рядом с комнатой Огасто, — сказала госпожа Вейдена, поморщившись из-за каких-то гадких мыслей, одолевавших ее каждый раз, как речь заходила о близости ее мужа с той, что выдавала себя за его сестру.

И мы вновь зашагали по пустынным коридорам, чувствуя себя едва ли не последними живыми людьми в царстве сна, который больше походил на изнурительную коварную болезнь, подтачивающую силы обитателей дворца.

— Ты говорил, что там полно охранных заклинаний, — от волнения я была не в силах оторвать взгляд от Хорвека, тяжело сопя под грудой тряпья, словно осел, на которого взвалили мельничный жернов. — Как же я войду в ее покои? И что за прок от этого, раз эту змеищу даже не удавишь подушкой? Не то чтобы я думала, будто смогу эдакое провернуть, душегубство вовсе не по моей части, но...

— Есть законы настолько старые, что даже самые могущественные чародейки ничего не могут с ними поделать, — отвечал бывший демон, размышляя о чем-то далеком и мне неизвестном. — Например, существует такое древнее правило: тот, кто убегает от ведьмы, всегда может украсть у нее три предмета, которые помогут сбить со следа ее слуг.

— Старые сказки! — воскликнула я, не скрывая своего недоверия.

— Старые сказки... — эхом откликнулась госпожа Вейдена, выглядевшая вконец измученной. Даже светильник был слишком тяжелым грузом для ее нежной, тонкой руки, и я опасалась, что герцогиня вот-вот выронит его.

— Да, старые сказки, — согласился Хорвек. — Сейчас самое время их вспомнить — в заколдованном дворце, под боком у злой колдуньи.

— Но как я узнаю, что мне нужно украсть у нее? — мне все еще казалось, что он шутит.

— Что первое увидишь, то и возьмешь. Чем хороши — и плохи — старые законы, так это тем, что даже захочешь ошибиться — не сможешь.

— А чары? Разве они не подскажут ведьме, что к ней в комнату забрался вор?

— Ты пройдешь, не коснувшись ее заграждений. Магическая паутина не бывает

сплошной, там всегда найдется прореха.

— Да как же я найду дыру в том, чего не разглядеть? — мне начало казаться, что Хорвек насмехается надо мной. — Мои глаза не видят магию, и, сдаётся мне, так от природы положено добропорядочным людям!

— Да, твои глаза ее не видят, — согласился Хорвек, и мне подумалось, что всякий раз его покладистость в споре оборачивается какой-то сущей пакостью.

Неудивительно, что чем ближе мы подходили к покоям, которые заняла колдунья, тем сильнее я тряслась, не решаясь озвучить ни один из тех вопросов, что вертелись у меня на языке. Единственное, что заставляло меня сохранять лицо — присутствие госпожи Вейдены, выглядевшей бледнее и измученнее, чем покойник во гробу, однако же продолжавшей идти, сжимая посиневшие губы. Ей приходилось несладко, но гордая дама ни за что бы не призналась в слабости — и я не желала ни в чем уступить ей.

— Она там, — голос Вейдены прошелестел, словно ветер качнул ветви деревьев. — Вот вход в ее покои.

Я остановилась, как вкопанная, уставившись на черный высокий проем двери. После слов Ее Светлости мне показалось, что в густой тени шевелится что-то, похожее на клубок змей. Ведьма и в самом деле устроилась поблизости от господина Огасто, потеснив свиту герцогини. Раньше в этих покоях госпожа Вейдена проводила свои мирные дни, развлекаясь вышиванием да разговорами со своими дамами — именно здесь когда-то помолвили нас с Мике, не спросивши моего мнения. Щемящая боль поселилась в сердце, но быстро ушла — слишком уж боялась я настоящего, чтобы всерьез переживать из-за прошлого.

— Вам лучше уйти, Ваша Светлость, — произнес Хорвек, уложив беспамятного Харля у стены.

Заслышав это, я выронила разом все тряпки, что держала в руках, и с размаху уселась на дорожный сундучок, также выпавший из моих рук. В то, что бывший демон мог испытывать искреннее участие по отношению к герцогине, мне никак не верилось, и, по моему разумению, отсылал он ее вовсе не потому, что тревожился из-за измученного вида госпожи Вейдены. Герцогине попросту не следовало слышать то, что собирался сказать мне Хорвек, и, признаться честно, я тоже желала бы оставаться в неведении относительно тех колдовских мерзостей, которыми полнился ум моего приятеля.

— Вы помогли нам сверх меры, — тем временем говорил Хорвек, вновь целуя руку госпожи Вейдены и принимая у нее светильник. — Ночь на исходе. День выдастся тяжелым, и вам понадобится много сил для того, чтобы выдержать гнев врага — а с сегодняшней ночи госпожа чародейка станет вашим врагом. Остерегайтесь ее, но не бойтесь. Страх заставит показать, как много вы знаете — и этого она вам не простит.

— А вы... — неуверенно промолвила госпожа Вейдена, глядя на Хорвека с тревогой. — Вы не...

— Что бы ни случилось с нами, мы не расскажем никому о вашей помощи, — серьезно ответил Хорвек, и прибавил то, от чего я вздрогнула. — Клянусь вам.

— Ах ты ж лживый бес, — пробормотала я себе под нос. С каждой минутой я убеждалась все больше в том, что беспринципность Хорвека не имеет никаких пределов и холодела от мысли, что оказалась в зависимости от существа, не принимающего во внимание ничего, кроме своих собственных тайных убеждений, устроенных так хитро, что человеку в них было нипочем не разобраться. «И ведь верно то, что в конце концов ты рехнешься, дружок, — мрачно думала я, сгорбившись и растирая холодеющие руки. — Столько

беззакония человеческая голова никак не вместит!»

— Тогда прощайте, — произнесла Вейдена, глаза которой вдруг лихорадочно заблестели, а в движениях появилась болезненная порывистость. — Я никогда не смогу поверить этой рыжей девочке, принесшей столько горя в мою жизнь. Пусть боги рассудят, чего она заслуживает, но уж точно — не моей благодарности. Но вам я отчего-то верю, как будто знала всю жизнь. Вы честный человек, мне это подсказывает сердце. И если кто-то сможет спасти Огасто — так это вы!

— Да неужто?.. — сквозь зубы процедила я, но не настолько громко, чтобы герцогиня могла услышать мое ворчание. Пусть мне и хотелось сейчас выложить ей правду — что любезности ей расточает бывший демон, который безо всякого сожаления прикончил бы ее супруга, повстречайся тот на его пути при иных обстоятельствах — но толку из этого никакого не вышло бы. Только богам было ведомо, что успела вообразить о Хорвеке госпожа Вейдена — я слыхала, что благородные дамы иной раз падки на разбойников и ухитряются разглядеть в эдаких харях признаки честности и благородства устремлений.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил со всей серьезностью бывший демон и поклонился так изящно, что у меня немедленно заломило спину.

Госпожа Вейдена слабо улыбнулась и отступила во тьму, растворившись в ней, словно прекрасный и печальный призрак. Харль, до сей поры спавший спокойно, вдруг всхлипнул и тоскливо вздохнул, точно почуввав, что лишился прежней покровительницы окончательно.

— Тьфу! — только и сказала я, когда Хорвек повернулся ко мне.

— Надеюсь, твое ревнивое сердце успокоится, если я скажу, что мог безо всякого душевного трепета убить эту красивую даму в любой миг нашего с ней разговора, — он вдруг опустился передо мной на одно колено, склонив голову чуть набок, точно пытаюсь получше разглядеть мои глаза.

— Ревнивое?.. Убить?.. — поперхнулась я, не зная, какая часть речи бывшего демона возмутила меня больше. — И с чего бы это должно меня успокоить?!

— С того, что тебя я убить не могу, — ответил он, не отводя глаз, и я закашлялась так, что должна была непременно перебудить всех спящих ведьм и честных людей от Таммельна до моего родного Олорака. Однако, боги, казалось, хранили нас этой ночью и сонное заклятье госпожи чародейки удалось на славу.

— Да, именно так, — повторил Хорвек, взяв меня за руку. — Я не могу тебя убить, и не хочу, чтобы тебя убила чародейка. Поэтому ты должна сделать то, что я скажу.

— Так я и знала! — просипела я, пытаюсь забрать руку, но он крепко ее удерживал, словно не замечая моего копошения. — Я не буду мараться об колдовство!

— Йель, посмотри на меня, — кротко попросил он, вздохнув. Это обращение, столь непохожее на его обычную насмешливую манеру, заставило меня тревожно замереть.

— Смотрю, а как же! — пробормотала я то ли сварливо, то ли смущенно, ведь не могла взять в толк, чего добивается бывший демон — ничего нового в его лице не появилось, а взгляд желтых глаз с крошечными точками зрачков отнюдь не обладал успокоительным воздействием.

— Я слабею, Йель, — произнес он негромко. — Это тело ни к чему не годно, оно не способно выдержать то, чему я вынужден его подвергать. Пока что я стою на ногах, но время истекает, и я не знаю, как долго смогу хоть чем-то тебе помогать. К тому времени, как я окончательно превращусь в развалину, ты должна оказаться как можно дальше от ведьмы.

Теперь я поняла, что хотел показать мне Хорвек: даже в неверном свете лампы было

видно, как он бледен, а глаза так глубоко запали, что, казалось, их обвели копотью. Дядюшка Абсалом, окажись он здесь, непременно заявил бы, что бродягу одолевает болотная лихорадка, и попытался бы продать бывшему демону пригоршню дрянных пилюль, которые, как он всегда говаривал, точно не повредят тому, кто и так одной ногой в могиле.

— Да какой же человек выдержит безо сна, еды и питья?! — в сердцах воскликнула я, тут же ощутив приступ непрощенной жалости. — А ты человек теперь, слышишь? Но изводишь себя так, словно хочешь побыстрее отправиться на тот свет!

— Ты ведь знаешь, о чем говоришь, пусть даже не понимаешь при этом и половины, — хмыкнул Хорвек. — Чем быстрее я себя прикончу, тем лучше для всех, а в особенности — для тебя. Точнее говоря, так было бы лучше, не сцепись ты с чародейкой, которая прожила на свете куда дольше тебя и знает много такого, чего в твою голову не вложить и за сто лет.

— И хвала премудрым богам за то, — перебила его я, не удержавшись. — Моя голова — не сточная канава при городском рынке, столько дряни не вместит. Но черт с нею, с моей головой! Мне совсем не нравится то, что ты хочешь себя уморить. Быть может, согласно вашим воззрениям в людском обличье жить совершенно неумоготу — людям и самим подчас не слишком-то нравится их жизнь! — но любые законы нарушаются, если на то половчее изыскать причины. Ты порой смахиваешь на безумца, но... Я тебя не боюсь, так и знай! Только что ты сам сказал, что убить меня не сможешь...

— Пока что — не смогу, но изменения неотвратимы, — отрезал Хорвек, наконец-то отпустив мою руку. — Скоро я не вспомню об этом разговоре. И о... о прочем.

— Ни в жизнь не поверю, — упрямо возразила я. — Кривить душой не стану, я не знавала демонов раньше, однако мне сдается, что ты не так уж похож на остальных. Ты был совестливым бесом, вот что я скажу, а достоинство это и среди людей не сыщешь днем с огнем. Может, тебе самому этого и недостаточно, но мне-то хватает с лихвой, и я не желаю, чтобы ты себя преждевременно загонял в могилу. Я свое слово держу, в отличие от тебя, и вот какой зарок я дам сейчас: ежели ты все-таки спятишь и решишь меня прикончить — перед смертью я не прокляну тебя и винить не буду, чтоб мне сквозь землю сейчас провалиться!..

— Йель, твоего ума не достает на то, чтоб понимать, насколько неосторожные обещания дает твой язык, — Хорвек начал проявлять признаки нетерпения; оборот, который принял наш разговор, ему очевидно не нравился.

— Ох, да и ладно! — вскричала я, ничуть не смутившись. — Послушать тебя, так большого ума вовек не захочется. От него, видать, одна маета на душе да тоска о том, что еще даже не случилось! Лучше уж жалеть о своей глупости, чем о подлости. Так вот: я соглашусь выполнить твои указания, сколько бы чародейской ереси в них не содержалось, но при одном условии...

— Неужто спасение прекрасного герцога стало недостаточно веской причиной для сделок с собственной совестью? — нарочито удивился бывший демон.

— Прекрати поминать господина Огасто каждый раз, как тебе захочется заморочить мне голову, — я скривилась, не вполне отдавая себе отчет в том, что мне и правда не хотелось сейчас слышать о Его Светлости. — Даже рыночные нищие придумывают новые жалостливые истории, когда прежние набивают оскомину! Я пойду к ведьме и украду у нее все, что скажешь, но только если ты прекратишь над собой измываться. Рехнешься ты или нет — одним богам известно, а вот с голоду помрешь непременно, если продолжишь отказываться от еды.

— Так ты обо мне волнуешься, Йель? — протянул Хорвек, неприятно улыбаясь. — Как неразумно. Лучше бы ты беспокоилась о своих друзьях.

— Ты мне тоже не враг, что бы в твою голову не втемяшилось, — возразила я, всем своим видом показывая, что не принимаю во внимание его недовольство. — Ну, говори, что я должна сделать?

Хорвек некоторое время молчал, то усмехаясь, то хмурясь, а затем, что-то решив в уме, поднялся, заставив встать и меня. Вновь моя ладонь очутилась в его руке.

— Как я уже говорил, ты войдешь в комнату ведьмы и возьмешь три предмета, которые первыми попадутся тебе на глаза, — сказал он. — И для этого тебе потребуется обойти нити охранного заклинания, которым, несомненно, опутана вся комната.

— Глазам моим нипочем его не разглядеть, — пробормотала я, чувствуя, как оживают мои прежние опасения, исчезнувшие было во время странного спора с Хорвеком.

— Зато его разглядят глаза оборотня, — и Хорвек вложил в мою руку маленький липкий сверток. Я приглушенно взвизгнула, но он зажал мне рот ладонью, и испачканными в крови пальцами провел по моим векам, оставляя влажный след. Мне показалось, что голова закружилась от дурноты, однако тошнота быстро прошла, а видела я все хуже — глаза слезились от щемящей боли.

— Зажмурься на некоторое время, — приказал мне Хорвек. — И запомни, что я скажу: это очень опасное колдовство, кровь оборотня — яд для человека. Тебе придется поторопиться, иначе навсегда ослепнешь. Но другого способа нет. Открой глаза, и присмотришься — видишь узор заклятия?

Я, сморгнув, попыталась присмотреться — все плыло перед глазами, двоилось и сливалось в сплошную темноту, лишь иногда озаряемую красноватыми сполохами. Но спустя пару мгновений я поняла, что вижу светящиеся нити, от сияния которых глаза болели, словно их резали острой сталью. Перегораживала вход всего одна полоса — на уровне груди. Я сказала об этом Хорвеку, обливаясь слезами, и он кивнул:

— Утром к ней должны вернуться ее слуги, чтобы рассказать о ночной охоте — она не станет запирает двери так, чтобы они не могли войти.

— А что там, внутри? — в памяти у меня всплыла гнусная паутина, которой была густо затянута комната бедняжки Лаурессы в монастыре. — Вдруг я не смогу обойти чары?

— Сначала войди туда, а затем уж рассуждай, — меланхолично заметил Хорвек. — Ты сама только что твердила, что не хочешь бояться того, что еще не случилось.

И действительно — именно это я и говорила, но теперь моя правота вовсе не казалась такой уж неоспоримой.

— Каждый раз, как ты подсовываешь мне свое магическое паскудство, — пробормотала я, с трудом разжав стиснутые от отвращения зубы, — то говоришь, что оно опаснее треклятой холеры. Ты нарочно подбираешь фокусы погаже, или мне просто везет?

— Волшебство — искусство хитрое, — Хорвек ничуть не пытался меня ободрить. — Пока ты слаба и ничего не умеешь, оно будет истощать твои силы и губить твоё же здоровье. Если ты будешь ему старательно обучаться, то когда-нибудь сможешь колдовать, вытягивая силы из других людей. К этому должен стремиться любой человек, изучающий магию, иначе ему не суждено достичь чего-либо, кроме собственной преждевременной смерти.

— Вот оно что... — с отвращением пробормотала я, также не пытаюсь изображать, будто мне пришлось по нраву это объяснение.

— Торопись, — напомнил Хорвек и подтолкнул меня ко входу в комнату чародейки.

Руки так и тянулись потереть слезящиеся глаза, но я понимала, что размазывать ядовитую кровь по лицу не стоит. Руку, в которой я держала мерзкий липкий сверток, тоже начинало жечь. Нити заклинания я видела все лучше — стало быть, колдовство работало, как ему полагалось. Едва дыша от страха я поднырнула под плетение из заклятий, что запечатывало двери, и очутилась в покоях госпожи колдуньи. Петли негромко скрипнули, и мне показалось, что до моих ушей донесся чей-то далекий крик — недоброе предзнаменование!..

В огромной комнате, которую заняла ведьма, было куда светлее, чем в коридорах замка: толстые свечи, расставленные повсюду, еще не совсем догорели. Госпожа чародейка, должно быть, не любила ночную темноту: я никогда раньше не видела таких огромных свечей, сделанных из удивительного угольно-черного воска. От приторно-сладкого запаха, который заполнял комнату, меня немедленно затошнило, а от света, заливавшего покои, слезы хлынули из глаз в два ручья. Все слилось передо мной в единую смутную картину кроваво-красных оттенков, но колдовские нити ярко сияли, расчерчивая мир передо мной строгими линиями.

Я переступала их, дрожа от отвращения и испуга, и не могла взять в толк, что же мне следует делать. Хорвек говорил, что старая магия сама ведет человека, подсовывая ему нужные вещи, но я пока что не видела ровным счетом ничего, кроме красноватых бликов света. «Дьявольщина, не хочет ли это древнее безумное колдовство, чтобы я утащила с собой дубовое кресло или стол?!» — в немалом раздражении подумала я, различив впереди вышеуказанные предметы богатой обстановки. Но не успела я мысленно выругаться, как особенно яркий блик заставил меня зажмуриться.

Я заморгала, сгоняя слезы с глаз, и увидела, что на столе, выступавшем из красновато-черной мглы, словно камень из моря, лежит небольшой нож — таким обычно благородные господа вскрывают запечатанные письма. Бумаги были небрежно разбросаны по столешнице, но из-за слез я все равно не смогла бы разобрать ни единого слова — пусть даже умела бы читать так же хорошо, как бедный Мике.

Магия охраняла переписку госпожи чародейки не слишком тщательно — нити частой решеткой огораживали стол, и мне не составило труда просунуть между ними руку, чтобы взять нож. Теперь я понимала, о чем говорил Хорвек — стоило мне только увидеть безделушку, как я поняла, что она должна стать моей.

— Отлично, — прошептала я, укладывая нож в свою сумку. — Что же дальше? Веди меня, колдовство, раз уж мы с тобой сегодня друзья...

Зрение мое слабело с каждым мгновением — я не могла различить ни стен, ни потолка. Однако впереди что-то начало серебристо мерцать, словно приглашая меня идти дальше, меж светящихся колдовских узоров — их я видела куда лучше, чем настоящее убранство покоев. Нити спускались с потолка, иной раз оставаясь прямыми, а кое-где вдруг хитро извивались, походя на струи фонтанов или на лепестки диковинных цветов. Но я отчетливо видела извивистый проход между ними, оставленный, должно быть, для оборотней-слуг, и шла вперед, к блеску, казавшемуся мне все более ярким и манящим.

До поры, до времени мне не удавалось понять, что за предмет так ярко сверкает, но все мысли вылетели у меня из головы, кроме одной: мне нужно завладеть этой чудесной вещицей. Сама не заметив как, я наклонилась и жадно вытянула вперед руку, пытаюсь схватить ее. Тут голова закружилась: мне показалось, что я тянусь к такой же светящейся нити, и чары просто обманули меня, чтобы заманить в ловушку. Я отпрянула, как от огня, но слезы на мгновение утихли и зрение чуть прояснилось. Дивное мерцание исходило от

расшитой серебром ленты, вплетенной в черные с красным отблеском волосы: я стояла у самой кровати ведьмы, и две ее длинные косы ниспадали до самого пола. Лица же я не могла разглядеть за вышитым атласным пологом, и мне подумалось, что это к лучшему — одним богам было ведомо, какое обличье принимало это создание в ночи, окружив себя защитной магией.

— Проклятое колдовство решило надо мной всласть позабавиться, — пробурчала я едва слышно, замерев в нерешительности. Мне вовсе не хотелось касаться волос колдуньи, но я точно знала, что должна украсть именно эту ленту, а не какую-либо другую.

Охранное заклинание опутывало роскошное ложе колдуньи сверху донизу, напоминая изящную птичью клетку. Но роскошные длинные волосы чародейки нарушили границы этого убежища, и я могла бы взять ленту — если бы коснулась ее кос.

Немало отвратительных манипуляций приходилось мне проделывать, помогая дядюшке Абсалому, однако никогда еще я не испытывала такого омерзения, как от прикосновения к шелковым волосам ведьмы. О, никогда я еще не касалась таких мягких и блестящих прядей, но мне казалось, что я копошусь в шерсти какой-то лежалой падали. Узел на ленте давно уж распустился, мне не пришлось долго возиться, хоть одна моя рука и была занята. Слабый вздох донесся из-за полога, и от страха я подалась назад так, что уселась на пол, сжимая ленту.

«Чары, подсуньте мне побыстрее третий подарок, пока мое сердце не лопнуло от ужаса!» — взмолилась я, но вместо третьего заветного предмета вдруг различила нечто другое, и от волнения чуть не вскрикнула. У самой кровати, на пестром ковре лежал беспмятный Мике. До того я не могла угадать даже темный силуэт на полу, а сейчас ясно видела бледное лицо с посиневшими губами. Он спал — тревожно и тяжело дыша, как будто в лихорадке, и к нему тянулось сразу несколько переплетенных между собой нитей, как будто присосавшихся к глазам и сердцу бедного юноши.

— Ох, бедолага! — беззвучно произнесла я, от бессилия стукнув кулаком по полу. Мике был надежно прикован к ведьме и разорвать эти цепи означало бы выдать себя. Но для чего-то магия показала мне его!

Я неловко подползла к юноше, с жалостью замечая все новые признаки крайней изможденности в его лице. Запястья его рук оказались перебинтованы, и я вспомнила, как оборотень говорил, что уже пробовал кровь нового пленника колдуньи. Мике спал у ее кровати, словно ручное животное, и поганое колдовство даже сейчас тянуло из него силу...

— Прости меня, — прошептала я, склонившись над ним. — О, как я перед тобой виновата!

И, сама не сознавая, что делаю, я поцеловала его в холодные, почти черные губы.

Вначале ничего не произошло, а затем он глубоко вздохнул, словно с его груди сняли тяжелый камень, и одна из волшебных нитей, ведущих к его сердцу, осыпалась мельчайшей звездной пылью. Нет, она была далеко не единственной, и проклятая паутина все еще крепко привязывала пленника к колдунье, но этот явный знак того, что мне удалось немного помочь Мике, заставил и меня перевести дух с облегчением.

Оставлять бедного Кориуса-младшего в руках ведьмы, конечно же, было подлым и малодушным решением. «Пусть! — с отвращением сказала я самой себе, поднимаясь, и делая шаг назад. — Пусть я буду гадкой предательницей! Да, честнее было бы остаться вместе с теми, кто страдает из-за моей глупости, и принять заслуженное наказание. Но если существует хоть какая-то возможность прикончить чародейку — я ею воспользуюсь! И пусть

никто из них со мной не заговорит, не простит и знать не пожелает...»

Старое колдовство, за которым оставался еще один должок, не спешило давать мне последнюю подсказку. Я вертела головой, приноживалась, и даже обращалась с беззвучной речью к высшим силам, отвечающим за чародейские дела, но тщетно. Ничто больше не сверкало и не казалось странно притягательным. Волнение истощило мое терпение, и я решила, что древняя магия наказывает меня за то, что я не спасла Мике, так что украсть третий заветный предмет мне не удастся.

Черные свечи горели все более чадно, и лужицы черного воска растекались повсюду, напоминая темную кровь — как та, что залила сегодня ночью пол библиотеки. Я замерла, уставившись на черные огарки, а затем, хлопнув себя по лбу, бросила один, помельче, в свою сумку.

— Если уж не это, то вообразить не могу, чего от меня надобно! — прошипела я, и торопливо юркнула к двери, ежесекундно опасаясь услышать, как за моей спиной раздастся повелительный женский голос и колдовские нити изрежут мое тело так же, как изрезали глаза.

Хорвек ждал меня у двери, и я, почти ничего не видя перед собой, едва не сбила его с ног, выронив при этом гадкий кровавый сверток. Он устоял, перехватил меня покрепче, и безо всякого предупреждения плеснул мне в лицо водой из фляжки. Я закашлялась, попыталась вырваться, но он не отпускал меня, пока не умыл, как следует. Остатки воды он вылил на мои руки, и только тогда я сообразила, что бывший демон торопился смыть с моего лица кровь оборотня, чтобы яд не успел подействовать слишком сильно.

— Я нашла!.. — смогла вымолвить я, сдавленно кашляя и сипя, но Хорвек отмахнулся:

— Твои находки — твоя добыча, мне не стоит смотреть на них или касаться. Ошиблась ли ты или нет — вскоре узнаем. У нас все равно нет времени на исправление ошибок. Светает. Нам нужно уходить, пока к госпоже чародейке не явились на поклон ее слуги.

Мне все еще казалось, будто в глаза насыпали песка, но идти вслед за светом лампы я уже могла. Хорвек вновь взвалил на себя спящего Харля, а мне, разумеется, достались тряпки и распроклятый дорожный сундучок, казавшийся мне все тяжелее. Отойдя от покоев ведьмы, мы принялись наряжаться, забившись в укромный угол. К счастью, обе почтенные дамы, которых мы ограбили нынче ночью, отличались тучностью сложения, оттого наряды их мы могли надеть поверх нашей обычной одежды за вычетом курток, которые пошли в дорожный сундучок. Однако на этом хорошие новости закончились и вскоре невозмутимость бывшего демона поколебалась: он чертыхался сквозь зубы, пытаясь влезть в старомодное платье, изобилующее нарядными оборками, шнурками и лентами, которые цеплялись за его побрякушки, словно желая отомстить дерзкому вору мелкими пакостями. Я тем временем безуспешно хлопала по щекам сонного Харля и щипала его за уши. Хоть рассвет и близился — а вместе с ним приходил конец и сонным чарам — но мальчишка все равно походил на беспробудного пьяницу и никак не мог встать на ноги.

Беспомощно выругавшись, я оставила его в покое. У платья, которое досталось на мою долю, одним только рукавам полагалось волочиться вслед за своей хозяйкой, точно раздвоенному драконьему хвосту, и они немедленно спутались в мертвый узел, полностью меня обездвижив. Хорвек, сумевший кое-как совладать со своим облачением, пришел мне на помощь. Жесткие лифы, которые у нас не было времени зашнуровать, топорщились, вкривь и вкось натянутые поверх другой одежды, но нарядные дорожные плащи с огромными пелеринами прикрыли эти признаки неопрятности, никак не свойственной почтенным

пожилым дамам. За густой вуалью, спускающейся с огромного чепца, было не разглядеть разбойничьей рожи Хорвека; такая же вуаль спрятала и мое глупое юное лицо.

Вдвоем мы с трудом нарядили в платье служанки Харля, валившегося на пол, точно чучело, набитое соломой.

— Да постой же ты, мерзавец! — шипела я, одергивая подол серого суконного платья, которое было откровенно велико тощему мальчишке. — Провалиться в преисподнюю всем магам и колдунам! Ты и без сонных чар был туп, как дубовое полено, а сейчас и подавно ума лишился. Как можно спать, если знаешь, что по твою голову на рассвете придет целая стая оборотней?

— Оборотни?! — охнул Харль, взгляд которого на мгновение прояснился, но тут же вновь глаза его сошлись у переносицы.

— Оборотни! — ленты чепца трещали — так яростно я завязывала их под острым исцарапанным подбородком мальчишки. — Вурдалаки! С огромными зубами! Каждый клык — как кинжал! Ненасытные кровопийцы, которым только и подавай, что человечесью требуху. Они почуют твой запах за версту, и найдут, где бы ты ни спрятался — даже в исповедальные храма! Кровь твою выпьют, кости обглодают, притащат ведьме, а уж она их истолчет и сварит снадобье от которого посередь Таммельна разверзнется преисподняя, полнехонькая уродливых демонов, гаже которых и в выгребной яме ничего не найдешь, хоть с головой туда нырни!..

Последние мои слова заставили Хорвека закашляться, но я решила, что мой приятель слишком умен для того, чтобы всерьез обижаться на правду — прежняя его телесная оболочка, болтающаяся ныне на виселице, и впрямь вряд ли могла порадовать человеческий глаз.

— Ох! — выдохнул мальчишка, на которого ужас оказал воистину прекрасное бодрящее воздействие, одолевшее даже чары колдуньи. — Да что же ты со мной творишь, полоумная Фейн? Что за дурацкий наряд на тебе? Отчего я обряжен в бабское тряпье? Где мы?..

— Все еще во дворце, и это очень, очень плохо! — я тащила Харля за собой, указывая одновременно путь Хорвеку, от нелепого вида которого в другое время я хохотала бы до упаду, посчитав диковиной вроде бородатых тетушек из бродячего цирка. Вуаль, отброшенная назад, развевалась, точно подвенечная фата, и лихое смуглое лицо, обрамленное кружевами, казалось еще более злодейским, чем обычно. Бывшего демона, казалось, не слишком смущала собственная внешняя нелепость, и даже в старомодном дамском наряде он двигался ловко, с неожиданным изяществом, которое не было, увы, свойственно ни мне, ни Харлю. Мы с мальчишкой то наступали друг другу на подола, то толкались локтями, роняя по очереди дорожный сундучок, переходивший из рук в руки, и все время подтягивали кверху свои платья, опасаясь их потерять на бегу.

Придворным дамам негоже было покидать дворец пешим ходом — это вызвало бы подозрения у привратника, каким бы сильным заклятием его не одурманили. Пусть в герцогском доме нынче правило злое колдовство, кругом шныряли оборотни и прочая нечисть, однако и в самые распоследние времена придворным дамам Ее Светлости, отправлявшимся в дорогу, полагалась коляска, запряженная лошадьми из герцогских конюшен. Едва не переломав себе шеи, мы спустились по ступеням черной лестницы, ведущей в хозяйственный двор — она была слишком узка для пышных платьев с топорщащимися жесткими юбками. У меня не хватило духу пройти через парадный, господский вход даже после всех недавних приключений, да и отправлять Харля одного к

конюшне с поручением было делом безнадежным — он дремал на ходу, не слыша и половины того, о чем я ему говорила.

На пути нашем не встретился никто из челяди, хотя я знала, что раньше в это время на кухне разводили огонь — осенние рассветы наступают поздно, и многие работы по дому следовало начинать затемно. Солнце еще не встало, но ночная темнота уже поблекла и в сероватой предрассветной мгле легко можно было разглядеть очертания дворцовых башен — самое время приниматься за дело.

— Ох, хоть бы конюх не спал мертвым сном... — пробормотала я, накидывая вуаль, и откашливаясь, чтобы приноровиться к другой манере говорить.

Бедняга конюх и в самом деле дрыхнул, повалившись на груды сена рядом со своими подручными. Оголодавшие лошади тревожно ржали, не находя в яслях корма, но даже это не тревожило сон заколдованного люда.

— Как же его разбудить? — я замерла в нерешительности, подобрав подол платья повыше. Харль, не теряя ни секунды, тут же прислонился к косяку и засопел, охотно уступив воздействию чар. Сундучок, который он держал в руках, с грохотом упал на пол в очередной раз.

— Эй, любезный! — Хорвек, даже не подумав изменить голос, пнул конюха ногой. — С чего это ты разоспался? Или не помнишь, что тебе велели поутру заложить коляску для двух дам?

Тот, испуганно булькнув, вскочил на ноги и устоялся на Хорвека, спросонья не сообразив, кто с ним заговорил. Разумеется, придворные дамы Ее Светлости доселе не так уж часто заглядывали на конюшню, но странность происходящего, по-видимому, не сразу была отмечена сонным умом: вместо удивленных вопросов конюх принялся неловко, однако быстро выводить лошадей из стойла. Его помощники, которых он гневными бестолковыми воплями поднял на ноги, точно так же натыкались на стены и сшибали друг друга с ног, однако кое-как приготовили нам коляску, и вскоре конюх, угодливо кланяясь, проводил нас к ней.

Я, все время ожидая, что наш обман раскроется, попыталась незаметно растормошить Харля, медленно сползавшего по дверному косяку, но тот лишь сонно отмахнулся. Выглядело это все донельзя глупо, и конюх отпустил удивленное замечание — служанке полагалось всячески помогать своим дамам, а вовсе не сладко дремать, где вздумалось. Дьявольщина! После вчерашних событий даже у самых скудоумных таммельнцев подозрительности и сметливости должно было хватить для того, чтобы почуять неладное. Я, еще раз в отчаянии незаметно пнув мальчишку, прошествовала к коляске, пробасив что-то благодарственное, и неуклюже забралась в нее, едва не расквасив нос.

— Милостивые дамы, давайте уж я подам вам багаж, коли ваша девица спит на ходу, — вызвался помочь растерянный конюх, который, как мне показалось, начал понимать, что у него под носом происходит нечто странное. Но Хорвек, опять-таки, не утруждая себя переменой голоса или манер, произнес: «Не стоит, любезный» и зашвырнул в коляску Харля вместе с сундуком одним впечатляющим движением.

— Ох! — только и промолвил конюх, враз осипнув от волнения, и явственно ища взглядом кого-то из своих подручных, которые, как на грех, где-то запропастились. — Что ж это делается-то... — тут он, окончательно растерявшись, брякнул:

— Здоровьицем вас боги одарили на зависть, почтенная госпожа!..

— Поспишь еще немного — и у тебя здоровья прибавится, — ответил Хорвек,

отбрасывая вуаль и, одновременно с тем, отвешивая пораженному бедняге смачный удар в челюсть, от которого тот рухнул, как подкошенный.

Я застонала и повалилась обратно на сиденье, с которого было приподнялась, чтобы узнать, как же намеревается бывший демон выйти из щекотливой ситуации. Моя надежда на то, что для нашего спасения он использует хитрость или изворотливость — хоть и подлые, но более миролюбивые свойства! — только что окончательно погибла.

— Ну не убил же я его, — сказал на это Хорвек, и, бросив мне чепец, ловко и быстро занял место кучера.

— Что ты надумал?

— А ты полагаешь, нужно подождать, пока настоящий кучер проспится? — насмешливо спросил он, обернувшись. — Нахлобучь на голову своего юного приятеля это кружевное ведро. Пусть теперь он побудет пожилой дамой, похрапывает он точь-в-точь, как положено старухе.

Я смолкла, поняв, что не предложу ничего более дельного. Хорвек, не теряя ни минуты, хлестнул пару лошадей, и спустя пару минут повелительно и зло крикнул привратнику, также крепко спящему на своем посту:

— Эй! Чего разоспался, точно сейчас ночь глухая?! Отвори ворота, или оглох и ослеп?

Слова эти он подкрепил лихим щелканьем кнута, заставившим привратника быстро вскочить с места — самозванный кучер вел себя так нахально, что расспрашивать его о чем-либо не решился бы и сам Кориус-старший. Загрохотали засовы, заскрипели петли и ворота распахнулись перед нами, являя город, уже начинавший розоветь в свете восходящего солнца. Петухи пели вовсю, и я подумала, что мы, как истинная нечисть, стремимся скрыться от людских глаз с наступлением рассвета — в моем родном Олораке ходила байка о старом графе-упыре, объезжавшем по ночам городок на призрачной упряжке лошадей. Кто бы мне сказал тогда, что однажды я почувствую некое родство с этим беспокойным мертвым господином?

«Привратник потом непременно скажет, что в коляске было полнехонько бесов, — подумалось мне с некоторой грустью. — И что его околдовали, иначе он ни за что бы не пропустил лошадей без досмотра».

А Хорвек подгонял лошадей все сильнее, коляску трясло на булыжной мостовой так, что зубы у меня клацали. Харль и вовсе едва не вывалился, но я успела обхватить его, как сноп, и вернуть на место. Краем глаза мне удалось заметить, что на дороге перед нами появились люди, которых я вначале приняла за припозднившихся гуляк, возвращающихся домой. Все мелькало у меня перед глазами, коляска неслась по городу, словно вместо лошадей в нее были запряжены обезумевшие драконы, и я зажмурилась от ужаса — мне показалось, что Хорвек нарочно направил лошадей так, чтобы сбить с ног случайных прохожих, крики которых оглушили меня на мгновение.

— Да что на тебя нашло? — мне с трудом удалось перекричать грохот колес и стук копыт. — Зачем калечить горожан?!

— Горожан? — Хорвек вновь оглянулся, и я увидела, как он знакомо скалит белые зубы. — Слуги колдуньи возвращаются поутру к своей госпоже. Если я кого-то из них искалечил, то будут целее наши собственные шкуры!

Я, не совсем поверив ему, невольно обернулась, пытаюсь разглядеть тех, кого разметали по сторонам лошади, и тут же услышала дикий вой, ничуть не похожий на тот, что может издавать человеческая глотка.

— Почуяли кровь своего щенка! — Хорвек произнес это со злобным торжеством, словно узнав, что его черное послание получено и прочтено.

— И что теперь? — прокричала я, едва не прикусив язык.

— Посмотрим, открылись ли городские ворота, — уклончиво ответил он, и я не стала спрашивать, что нас ждет, если ворота окажутся запертыми.

Тут мое внимание отвлек странный запах, от которого я закашлялась: моя сумка дымилась, будто в нее насыпали пригоршню угольев. Первым моим порывом было выбросить ее, но я вспомнила, что в ней лежат те самые предметы, что я украла у госпожи чародейки, и с опаской заглянула внутрь. Увиденное мне совсем не понравилось: нож для бумаг в мановение ока покрылся бурой ржавчиной, серебряная лента казалась испачканной в засохшей крови, а начавший оплавляться черный огарок испачкал мне руку.

— Хорвек, посмотри! — я перегнулась к нему, ежесекундно рискуя свалиться. — Что это?

Он бросил всего лишь один быстрый взгляд, словно уже зная, что увидит, и процедил сквозь сжатые зубы:

— Колдунья проснулась и гневается.

— Ай! — я с испугом отодвинула от себя сумку, держа ее как можно дальше от себя. — Может, избавиться от этой колдовской мерзости?

— Не вздумай! — от его гневного окрика я вздрогнула сильнее, чем от тряски. — Это единственное, что способно спасти наши головы! Да и то, если мы выберемся из города. Старая магия не любит человеческие поселения, здесь ей нечем повелевать.

Я с удвоенным рвением принялась молить богов, чтобы ворота успели отворить, и капризные повелители людских судеб, казалось, вняли моим просьбам — стража уже пропускала в город первых крестьян с их нехитрым товаром. Хорвек, как и прежде, не подумал замедлить бег упряжки, и вихрем пронесся мимо испуганных людей, смиренно дожидавшихся досмотра. Гневные окрики растерянных стражников, не привыкших к такому явному неповиновению, смешались с визгом женщин, едва успевших убраться с дороги нашей коляски.

— Да ведь нас за такое непременно бросят в тюрьму! — в отчаянии взвопила я, сдирая с головы уже бесполезный чепец, который все время норовил сползти мне на нос.

— Тюрьма? — расхохотался Хорвек. — Ты и вправду боишься тюрьмы, Йель?

Я не успела ответить, как меня оглушил истошный вой бедняги Харля, который наконец-то очнулся. Мы мчались по предместью, где дороги были куда хуже, чем в Таммельне, и любому человеку, неожиданно угодившему в столь сотрясающуюся и дребезжащую повозку, непременно показалось бы, что он очнулся в одной из тех дьявольских штук, что терзают грешников после смерти в преисподней. Когда-то я видела в храме фреску, где было нарисовано, как бесы весело перебрасывают между собой мешок, набитый головами покойников-нечестивцев, и теперь не сомневалась, что те греховодники испытывали муки, схожие с нашими нынешними.

— Сатанинская молотилка! — вопил мальчишка, запутавшись в вуали. — Боги, помилуйте! Не настолько я плох был! Только не молотилка!..

— Да что ж ты вертишься, точно тебя на раскаленную сковороду посадили?! — бранилась я, высвобождая бедолагу и пытая при том, как перегруженный мул. — Сядь смиренно, иначе вывалишься и непременно сломаешь шею!

— Фейн! — обрадовался Харль, рассмотрев меня. — Я думал, что помер, сам того не

заметив, и попал во всамделишный ад! Где это мы?

— На полпути именно туда, куда тебе показалось, — пробурчала я, не зная, что разумного сказать человеку, который испуган ровно настолько, насколько положено в его жизненных обстоятельствах.

— Так мне все это не привиделось...

— К несчастью, нет, — вздохнула я, подпрыгивая на месте, словно мне отвечивали десяток пинков за раз.

А предместье уже осталось далеко позади, и от топота копыт земля дрожала, как будто готовилась разверзнуться и поглотить нас. По обе стороны дороги простирались поля, за которыми начинался лес, показавшийся мне таким же темным и мрачным, как Флистерн. Холодное осеннее утро — не самая лучшая пора для того, чтобы с надеждой смотреть в будущее, и я почувствовала, как сердце мое сжимается от тоски. На мгновение мне даже захотелось попросить Хорвека повернуть лошадей: неизвестность пугала меня больше, чем то, что мы оставили за нашими спинами. Но тут я услышала далекий злобный вой, и немедленно сменила мнение.

— Они гонятся за нами? — я вцепилась в руку Хорвека, который, казалось, полностью сосредоточился на том, чтобы загнать лошадей до смерти как можно быстрее. — Солнце уже взошло, с чего бы им драть глотки? Это не их время — разве не так?

— Злость заставляет их забыть о том, что они в человеческой ипостаси. А они очень злы, — невозмутимо пояснил бывший демон, перекрикивая шум. — И в человеческом облике вполне способны охотиться, выполняя приказ своей госпожи. К ее услугам лучшие кони из герцогских конюшен. Разумеется, она отрядила за нами погоню, едва только сообразила что к чему.

— Впереди мост! — закричал Харль, ничего не понявший из нашей прерывистой беседы, но разумно опасющийся, что наша коляска, вихляющаяся из стороны в сторону, свалится в реку. Каменный старый мост, изогнувшийся над темноводной рекой, огибающей Таммельн по западной его околице, был очень стар и узок.

К моему удивлению Хорвек, словно соглашаясь с мальчишкой, натянул поводья, и замедлил бег лошадей, а, затем, въехав на мост, и вовсе остановил их.

— Что это он задумал? — шепотом спросил Харль, переводивший дух после тряски.

— Ох, не хотелось бы мне о том знать, — пробормотала я, но уже поняла, что от меня собирается потребовать бывший демон.

Хорвек спрыгнул на землю, и я заметила, что при этом он едва устоял на ногах. Быть может, дело было в дурацком старушачьем наряде, от которого он безо всякой деликатности избавился, отшвырнув в сторону, но мне показалось, что лицо у него серое, как камни, из которых был сложен старый мост.

— Проверим, благосклонны ли к нам старые законы, — сказал он, словно не замечая, как слабость шатает его из стороны в сторону. — Йель, подари речным духам что-то из вещей госпожи чародейки — и будем надеяться, что они останутся довольны этим подношением.

— Разрази меня гром, если речь идет не о колдовстве! — с отвращением воскликнул Харль, словно позабывший о том, что раньше он сам любил сочинять истории о чародейских уловках.

— Не думай, что мне это паскудство по нраву! — вскинулась я, услышав в словах мальчишки прямое обвинение. — Ненавижу волшбу! Чтоб мне глаза бесы заплевали, если я

когда-либо желала колдовать!

— Никак ты решила приберечь вещи колдуньи для себя? — нетерпеливо вмешался в наш разговор Хорвек, прислушивавшийся к далекому вою, доносившемуся из-за лесистых холмов, которые мы недавно миновали. — Ты только что торопилась их выбросить, а сейчас передумала, хотя пришло самое время от них избавляться. То, что уворовано у ведьмы, быстро прикипает к новому владельцу, и нередко ложится вместе с ним в могилу.

— Да на кой ляд мне эта погань? — я даже поперхнулась, и принялась торопливо выбираться из коляски. — И мысли у меня не водилось такой, чтоб оставить этот мусор при себе. Вон, всю сумку изгваздала! Говори, что выбросить в реку? Может, все сразу?

— Это уж тебе решать, — ответил Хорвек, слабо улыбаясь. — Твоей рукой будет водить магия, так что выбирай наугад. Заодно и узнаем, хорош ли был твой выбор. Отдай реке то, что хочет быть ей отдано, и попроси, чтобы вода помогла нам уйти от погони.

— Какое грешное нечистое дело! — торопливо заявил Харль, делая вид, что ему ничуть не интересно происходящее, но я-то видела, что любопытство в нем начинает побеждать страх и про грехи он заговорил, чтобы на всякий случай показать высшим силам, будто он здесь человек сторонний.

Я подошла к невысокому каменному ограждению и с опаской посмотрела вниз, ожидая увидеть, как из темной речной воды мне корчат рожи наглые утопленники, почуявшие, что им приготовлен подарок. Сунув руку в сумку, я прошептала: «Ну, старая гадкая магия, не подведи!» и вытащила первое, что нащупала. То была лента, выглядевшая сейчас грязной и истрепанной. «Ох, как бы не прогневались водяные из-за такого плохонького подарка», — с беспокойством подумала я, но бросила ленту вниз, крикнув:

— Добрая река, помоги нам уйти от слуг ведьмы!

Мой голос отозвался неожиданно звонким эхом, нарушив утреннюю мирную тишину, царившую меж поросших кривыми деревьями берегов, один из которых, оставшийся позади нас, был обрывист, а второй — более полог, заболочен и утыкан кривыми мостками; видимо, за деревьями пряталась какая-то деревня, извлекавшая свою скромную выгоду из близости к реке.

Лента падала тяжело, словно была сплетена из стальных нитей, а не из шелковых, и тут же скрылась под водой с гулким плеском. Не успела я спросить у Хорвека, правильно ли я все сделала, как вода вскипела, и из нее показались десятки синюшных длинопалых рук, рвущих подарок на клочки. От страха я тут же присела, спрятавшись за каменным ограждением, однако успела увидеть пряди длинных волос, похожих на тину, блеск зеленовато-бронзовой чешуи и острозубые бледные пасти.

— Водяные духи! — вопил Харль, от волнения пританцовывая и пугая лошадей. — Те самые, что глодают утопленников! Говорил я, что их тут полно, а мне никто не верил!

— Теперь нам нужно уходить, — хриплый голос Хорвека прозвучал так тревожно, что мальчишка осекся и замолчал, а я бросилась к бывшему демону со всех ног — однако не успела: он уже лежал на камнях, прерывисто дыша. Два-три надсадных вдоха, и глаза его окончательно закатились, а тело обмякло — он потерял сознание.

— Что это с ним? — пискнул Харль, высунувшись из коляски, как птенец из гнезда, и я, не зная, что ответить на это, только коротко порычала что-то невразумительное, пытаясь одновременно с тем приподнять беспмятного Хорвека.

— А? Чего? — растревожился вконец юный Лорнас, и я гаркнула:

— Перебирайся на козлы, будешь править лошадьми!

Как ни была я занята тем, чтобы привести в чувство Хорвека, но заметила, когда мост дрогнул в первый раз, а река грозно загудела, словно в ее глубинах зарождалась какая-то тайная разрушительная мощь. Это придало мне сил и я сумела-таки подтащить тело к коляске, а затем, при некотором содействии Харля, затолкать внутрь.

— Гони что есть силы! — просипела я, и сама упав куда-то мимо сидений, повалившись поверх Хорвека, так что его бледное лицо оказалось совсем рядом с моим. Я хорошо видела потрескавшиеся губы и красные воспаленные веки глаз. Похоже, демон вытянул все, что мог, из своего нового тела, и теперь оно окончательно обессилело.

— Мост! — закричал Харль. — Мост рушится!

— Ну еще бы! — огрызнулась я. — Именно за это мы и заплатили! Смотри вперед на дорогу, иначе переломаешь нам шеи!

У меня не вышло приподняться, чтобы взглянуть, как водяная нечисть ломает каменные опоры: то ли силой воды, подчиняющейся ей, то ли собственными склизкими руками, но мне и не хотелось об этом знать. Единственным желанием моим было выбросить сумку с остальными колдовскими вещичками, чтобы никогда больше не приносить дары духам, но теперь я понимала, что без этого никак не обойтись. Даже слуги ведьмы не смогли бы быстро перебраться через глубокую реку, где в каждом омуте их подстерегала подкупленная мной водяная нечисть. Первое препятствие получилось сотворить на славу!.. Но не такой уж непреодолимой была эта преграда, не такой уж долгой — купленная за ленточку дружба, а создавать иные союзы с духами без помощи Хорвека... ох, сложностей в чародейской науке было не меньше, чем гнусностей!

— Хорвек, очнись, — я поднесла к его губам фляжку с водой, из-за тряски большую ее часть пролив мимо. — Тебе надо открыть глаза! Не вздумай помереть, негодяй эдакий!

— Мосту крышка! — восторженно сообщил Харль, неумело натягивая поводья, чтобы лошади шли тише. — Точно и не было его! Раз — и готово! В прошлом году наводнение было — ух! Но мост и то не снесло, а тут вон что!

— Да правишь ли ты лошадьми, лоботряс?! — взревела я, уже не пытаюсь унять волнение. — Что тебе за дело до того моста? Ну был он там, а теперь не стало, экое дело!

— Хороший мост был, только недавно чинили... И плату за проезд по нему не взымали, потому как между общинами здешними спор вышел, — обиженно откликнулся Харль, словно я своим пренебрежением к недавнему зловещему чуду оскорбила его лично.

— Построят новый и будут взимать двойную, не сомневайся, — проворчала я, думая совсем о другом, ведь дыхание Хорвека становилось все слабее. — Говоришь, тут деревня поблизости? Нам нужно раздобыть какой-то еды, пока по округе не разошлась весть о рухнувшем мосте — все тут же поймут, что виновата в том чертовщина и будут гнать любых путников в шею от греха подальше...

Харль кивнул и поворотил лошадей — об опасностях за нашими спинами он знал меньше моего, и потому легко согласился подзадержаться. Я же вздрагивала каждый раз, как замечала качнувшуюся ветку или слышала скрип усохшего дерева в глубине рощи.

Кошелек Хорвека был набит золотыми монетами и мне с трудом удалось отыскать серебряную полукрону — от вида золота деревенька наверняка бы переполошилась. На нее мы купили вдоволь круп, сала и прочего продовольствия, годного скрасить путешествие. Крестьяне, еще не узнавшие о том, что мост, связывавший их поселение с Таммельном, рухнул, приветливо обошлись с нами, сразу же заметив знаки герцогского дома на нашей коляске и приняв нас за слуг, невесть по какой причине отправленных господином с

поручением в дальние поместья безо всяких припасов съестного. Беспамятного Хорвека я прикрыла плащами, и понадеялась на то, что деревенская ребятня, обступившая упряжку, не особо зорка и памятлива.

Харль, которому наше приключение нравилось только в тех его частях, что изобиловали колдовством (что красноречивейшим образом свидетельствовало о пустоголовости мальчишки), порывался задержаться в поселении, где к нему относились с куда большим почтением, чем он привык во дворце, но я торопилась.

— Мы могли бы славно подкрепиться, — недовольно заметил он, взбираясь обратно на кучерское место.

— Хорвек до сих пор не пришел в себя, — отрезала я, не желая раньше времени заводить разговор о том, что нас преследует стая оборотней.

— Да кто такой этот Хорвек? — фыркнул Харль, запоздало задумавшись над тем, о чем бы ему лучше вообще не размышлять. — Где ты его нашла? И что это за история с колдуньей, во имя пресветлых богов? Тебе не привыкать морочить голову Ее Светлости, но уж меня тебе не провести, Фейн!..

Имя мое он произнес со странной запинкой, и я сообразила, что магия моего нового имени слишком слаба для того, чтобы справиться с цепкой памятью Харля своими силами.

— Зови меня Йель, — твердо сказала я.

— Йель? Это что еще за ерунда? — конечно же, Харль ерепенился, но я чуть позже расслышала, как он повторяет себе под нос «Йель, Йель...» с отрешенным видом, и понадеялась, что он согласится с переменой, сам того не заметив. Сама я сосредоточилась на том, что обтирала лицо Хорвека мокрой тряпицей, да прислушивалась к его неровному слабому дыханию.

Отъехав от деревни на порядочное расстояние, я приказала Харлю придержать лошадей около лесной прогалины, где не так давно кто-то устраивал стоянку: там осталось большое кострище и настил из веток, на который мы и перенесли Хорвека.

— С чего приключилась у него хворь? — пытал Харль. — Это зараза или же черная магия? И то, и другое липнет к людям, как смола, и мне не нравится, что приходится возиться с каким-то негодяем, дурное знамение на котором разглядит и слепой!

— Он много смыслит в колдовстве, — ответила я, хмурясь. — И без его помощи мы далеко от ведьмы не уйдем. А наш враг — ведьма, презлейшая и претемнейшая, запомни это Харль! Она умеет менять личины, проникать в разум и во сновидения, прикармливает человеческой кровью всяческую нечисть и хочет извести Его Светлость, уж не знаю — зачем. Мы для нее, как две мухи, прихлопнуть которых можно одной рукой.

— Говорили, что ты хотела выпустить из темницы демона, — Харль смотрел на меня настороженно.

— Вранье, — я вдруг поняла, что обучилась у Хорвека легко переступать через свое слово, если оно не кажется мне важным. — Демон мертв, забудь о нем. Это ложь ведьмы, которая хочет отомстить дядюшке за то, что он отрубил ей палец, а мне — за то, что посмела сунуть нос в ее черные дела. Довольно болтать! Принеси мне немного вина и хлеба!

Харль торопливо принес мне початую бутылку поганого сладкого вина, которое я выпросила у крестьян, приберегавших его к празднику. Я смочила вином краюху черного хлеба, а затем вытащила из ножен у пояса Хорвека дрянной клинок, и отдала его Харлю, приказав, чтобы тот отошел подальше и держался около лошадей.

— Это почему же? — спросил упрямый мальчишка, не желавший упускать ни единой

подробности из того, что я собиралась делать.

— Не твоего ума дело, — отрезала я. — Стой около коляски и если увидишь, что дело дрянь, гони лошадей отсюда что есть сил и не останавливайся, пока они не издохнут на ходу.

— Дело дрянь? — ухнул Харль, в одно мгновение став похожим на встревоженного филина. — О чем это ты, Йель?

— Ох, что же тебе нейдет, — пробормотала я недовольно, при этом думая, что и сама слишком часто любопытствовала совершенно зря. — Как тебе объяснить-то... Скажем так: не исключено, что мой приятель, очнувшись, захочет кое-кого убить...

— Меня? Ох, но я же не хотел его ничем оскорбить, да он и не слышал ничего из того, что я говорил только что! — в ужасе спросил Харль, побледнев. Должно быть, в глубинах его порядком самовлюбленной душонки все-таки бродила тревожная мысль о том, что излишняя болтливость рано или поздно будет наказана.

— Вначале он прикончит меня, а затем тебя или любого другого, кто ему подвернется под руку, — эти слова никуда не годились в качестве утешения, но я посчитала, что лучше уж мальчишке знать правду, чтобы суметь унести ноги. — Видишь ли, он не слишком расположен к людям в целом, и, возможно, его сейчас одолевает приступ, который окончательно испортит его нрав.

— Еще один безумец! Так на кой черт мы его спасаем?! — возопил Харль, уставившись на неподвижного Хорвека. — Оставим его здесь и пусть с ним пребудет милость богов — она, если разобраться, куда лучше человеческой!

— Не так уж плох мой друг, — решительно вступилась я за бывшего демона. — Захочет ли он кого-то убить или же нет — доподлинно неизвестно, а вот за нами гонится целая свора тварей, которые убьют нас непременно. При таких обстоятельствах никакими приятелями не разбрасываются — даже теми, что имеют некоторые дурные склонности. Еще раз говорю тебе, бестолковый Харль: стой около лошадей, да присматривайся. На это у тебя ведь достанет сметливости, не так ли?..

— Что ж я не остался с Ее Светлостью? — занял Харль, пятясь к коляске. — Госпожа Вейдена была со мной добра, и наверняка защитила бы меня от гнева ведьмы...

— Черта с два она бы тебя защитила, — пробормотала я с некоторой ревностью и склонилась над Хорвеком, который лежал неподвижно, точно жизнь покинула это несчастное тело во второй раз. — Ну, приятель, очнись прежним высокомерным поганцем, нам ни к чему перемены...

Приговаривая всякие глупости, чтобы успокоить саму себя, я с трудом разжала стиснутые зубы старой ложкой, и влила ему в рот немного вина, придерживая голову. Меня не покидало ощущение, что я сейчас прижимаю к себе бешеную собаку, которая бросится грызть мои руки, стоит ей только открыть глаза. Даже оборотня обнимать было не столь страшно, ведь сейчас я действовала наобум, по собственному почину. О, как мне не хватало прежнего Хорвека, который всегда давал чудовищные, но толковые советы!..

Вначале казалось, что ничего не происходит, однако спустя несколько секунд в горле глухо забулькало и Хорвек закашлялся. «Боги, помилуйте, хоть бы он не переродился окончательно! Если под вашими небесами будет ходить один демон — они от того не закопятся больше прежнего, право слово!» — думала я, хлопая его по спине, и поднося к губам бутылку с вином.

Ничего не сказав, Хорвек принялся жадно пить, так и не открыв глаза — словно беспомощность еще не отпустило его. Понемногу он приподнялся, так что мне уже не нужно

было поддерживать его, и закрытые глаза производили жуткое впечатление: бывший демон выглядел околдованным, лишенным всяких проблесков разума.

— Возьми-ка хлеба, — заплетающимся языком произнесла я, подавая ему краюху, пропитанную тем же вином; дядюшка Абсалом говаривал, что это хорошо возвращает силы при малокровии.

По лицу Хорвека нельзя было сказать, что он слышал эти слова — веки его не дрогнули, — однако он послушно взял хлеб и жадно вцепился в него зубами.

— Вот еще, — прошептала я, подавая новый кусок дрожащей рукой. — Тебе нужно есть, ты совсем измучил себя голодом...

Краем глаза я видела, как переступает с ноги на ногу около коляски испуганный Харль — должно быть, ему сейчас казалось, что я поднимаю мертвеца из могилы; да и мне самой лицо Хорвека виделось совершенно мертвым. Но он ел хлеб кусок за куском, ровно сидя напротив меня и не выказывая никаких признаков разумности — точно так же я могла бы бросать хлеб в огонь.

— Неужто тебе отшибло ум напрочь, бедняга? — шептала я, от страха не чувствуя рук и ног. — Тебе так не нравилось в человеческом теле, что решил больше об этом ничего не знать? Ешь и вспоминай, кем ты был и что с тобой случилось...

Тут я запнулась, поскольку как никогда ранее ясно поняла, что вспоминать подобное никто, пожалуй, не захотел бы. Но Хорвек вдруг опустил руки, испачканные липким вином, и замер, безвольно опустив голову.

— Хорвек?.. — неуверенно позвала я, слыша, что голос мой напоминает слабое бляенье козленка.

Медленно он поднял голову и глаза его оказались широко открытыми — черные, пустые, как угольки.

— Проклятье, — промямлила я, припоминая, что в прошлый раз, когда бывший демон опасным образом приближался к человеческому состоянию ума, глаза его из желтых становились карими, а, следовательно...

Додумать я не успела, поскольку в следующий же миг пальцы Хорвека сомкнулись на моей шее, и лишь то, что он был крайне изможден, помогло мне вырваться, дернувшись в сторону. Но далеко я не ушла — он вцепился в мою ногу, повалившись при этом на истоптанную землю вместе со мной, и я почувствовала, как он тащит меня к себе. Цепляясь за корни деревьев, бешено изворачиваясь и наугад молотя свободной ногой, я крикнула Харлю, чтоб он убирался отсюда. Я надеялась, что мальчишка давно уж нахлестывает лошадей, но кровь так шумела и стучала в ушах, что я не смогла бы расслышать топот копыт. Хорвек ослабел, однако мне было не по силам справиться с ним, и вот уже я лежала, придавленная к земле, а его пальцы вновь искали мою шею под воротом задравшейся куртки.

— Хорвек! — прохрипела я, трепыхаясь. — Ты ведь не можешь убить меня, вспомни! Тело его вздрогнуло — быть может, мне это только почудилось, но больше мне не на что было надеяться, и я продолжила хрипеть, называя свое имя, словно оно могло стать заклинанием, возвращающим память:

— Я Йель, Йель! Я верю, что ты меня вспомнишь! Ну же, приди в себя и стань прежним! Если ты убьешь меня, то уже не остановишься!

И снова он вздрогнул, тут ошибки быть уже не могло. А затем его хватка ослабела, тело безвольно обмякло, и я, задыхаясь, высвободилась, из последних сил оттолкнув Хорвека так,

что он перекатился в сторону и упал на спину. Снова глаза его были закрыты, лицо бесстрастно, но дышал он ровно и спокойно, и щеки его больше не казались серыми.

— Хвала богам, неужто своими силами помер? — пискнул кто-то рядом, и я, завертев головой, обнаружила Харля, который замер в нескольких шагах от нас, неловко держа в руках меч.

— Какого дьявола ты тут делаешь?! — прорычала я, ощупывая порядком помятую шею. — Я же сказала тебе проваливать, если увидишь что-то тревожное! Он душил меня — этого тебе показалось недостаточным, чтобы заподозрить неладное?!

— Не мог же я тебя просто так бросить, — оскорбленно ответил Харль. — Еще немного — и я б пырнул его, клянусь!

— Еще немного — и он бы придушил тебя так же, как и меня, — я воздела руки, не зная как еще показать свое возмущение, но тут же охнула и схватилась за саднившую спину. — Мы с тобой почти родственники, полоумный, однако это не значит, что мы должны помереть в один день!

— Пока что помер только этот злодей, — довольно отозвался Харль, тыкая неподвижного Хорвека в бок кончиком меча. — Боги все видят!

— Он не помер, а спит, — я, склонившись над телом Хорвека, послушала, как ровно и чисто бьется сердце, а затем безо всяких обиняков оттянула веко, чтобы убедиться: глаза вновь стали светло-желтыми. — И все признаки указывают на то, что приступ миновал.

— Так что же, мы не бросим его здесь? — возопил Харль, немало огорчившись. — С чего ты взяла, что он не очнется еще более злобным душегубом? Ты сама говорила, что он прикончит любого, кого увидит!

— Возможно, в другой раз и прикончит, — перебила я его. — А пока что он крепко спит, потому что до этого не спал несколько ночей кряду. У всех портится характер от бессонницы, уж можешь мне поверить. Давай-ка, помоги отнести его к коляске, у нас нет времени на долгие споры! Я буду присматривать за тем, чтобы он не натворил дел, обещаю.

Обещание это, разумеется, было совершенно пустым — я ничего не смогла бы предпринять, охвати вновь Хорвека жажда убийства, однако я почему-то была уверена, что на этот раз мне удалось остановить наступление безумия. А дальше... Я вздохнула, задумавшись — заглядывать в будущее мне не хотелось.

Хорвека мы уложили на сиденья, а я устроилась у его ног, переводя взгляд с его мирного, безмятежного лица на руки, разукрашенные синими северными узорами — эти самые руки меня едва не удавили, и я не доверяла им как-то особенно, точно они тогда действовали сами по себе. Харль, все еще не испугавшийся должным образом, подгонял лошадей не слишком усердно, и коляску мерно качало на ухабах, из-за чего усталость одолевала меня все сильнее — сегодняшняя ночь и для меня выдалась бессонной.

Насмотревшись в очередной раз на рисунки на руках своего горе-приятеля, я подняла голову, чтобы взглянуть на его лицо, и невольно отпрянула, пребольно ударившись спиной: Хорвек уже не спал и внимательно смотрел на меня. Наверняка лицо у меня исказилось от страха, поскольку он усмехнулся и негромко сказал:

— И что ты думаешь по поводу своей опрометчивой клятвы, Йель? Все еще не винишь меня за то, что я с тобой хотел сделать?

— Это был не ты, — как можно тверже сказала я, с трудом разлепив сразу же пересохшие губы.

— Конечно же, я, — он нетерпеливо дернул головой. — И ты прекрасно это знаешь, но

слишком глупа для того, чтобы решиться наконец-то говорить самой себе правду.

Харль, расслышавший, что за его спиной ведется разговор, оглянулся, и увидев, что Хорвек пришел в себя, так дернул поводья, что бедные лошади замерли словно вкопанные, едва не встав на дыбы. Меня качнуло вперед, я ткнулась носом куда-то в бок Хорвека. Он тут же, не спросив на то никакого дозволения, распахнул мою куртку, чтобы посмотреть на шею, покрытую царапинами и ссадинами, словно какие-то неумехи с горем пополам собирались повесить меня на веревке из самой дрянной пеньки, да так и не изловчились.

— Это сделал я, — с нажимом произнес он.

— Но остановился, — возразила я, отстраняясь и кутаясь в широкий воротник.

— В следующий раз могу не остановиться.

— Если мы доживем до следующего раза, — мне было стыдно за то, что я показала свой испуг, и уступать я не собиралась. Сомнительной наградой мне за это были приглушенные причитания Харля, не знавшего, то ли задать стрекача, то ли, напротив, окаменеть в надежде, что внимание очнувшегося злодея не обратится на него.

— Где мы? Далеко ли отъехали от моста? — Хорвек тут же, казалось, позабыл о том, что говорил ранее, и попытался приподняться, но сил на то у него еще не доставало.

— Не слишком, — я неопределенно махнула рукой, и принялась рассказывать, как мы покупали съестные припасы в дорогу, да как остановились на лесной поляне... С той поры лес, который обступал дорогу, ничуть не изменился: на пригорках росли искривленные сосны да низкорослая рябина, в низинах сменявшаяся пожелтевшим папоротником. Там, где на дороге стояли давние зеленоватые лужи, кое-как замощенные ветвями и бревнами, над нашими головами смыкался мрачный ольшанник — вот и все разнообразие. Иногда мне вовсе казалось, что мы ездим по кругу. Что уж тут гадать, насколько мы удалились от разрушенного моста?.. Из-за этого говорила я все неувереннее и вскоре смолкла, окончательно смутившись под недовольным взглядом демона.

— Какая чушь, — он нахмурился. — Нужно было гнать этих кляч без остановки, пока они не околели бы! А меня вам следовало бросить в первый попавшийся овраг...

— Золотые ваши слова, сударь! — заметил Харль, осмелевший при виде очевидных признаков слабости, которые демонстрировал враг, с усилием выговаривавший каждое слово.

— Выдумали тоже! — я сердито шикнула на мальчишку и поправила плащ, укрывавший изможденного Хорвека, склонившись над ним так, чтобы Харль поменьше слышал. — Вы, глупейший господин, попытались обойтись без еды, и вот что из этого вышло! Полюбуйтесь-ка на себя — уж помирать собрались, вместо того, чтоб покориться извечному человеческому закону и набивать брюхо, когда оно того требует. Мы с Харлем никак не желаем выбрасывать друг друга в овраг, когда кто-то из нас сомлеет с голоду. Раз уж мы собрались в дорогу, то запастись едой — самое разумное, что мы могли сделать.

— Самое разумное в вашем положении — бежать, не останавливаясь ни на секунду, — отрезал Хорвек, которого явно злила его собственная беспомощность.

— Но мост рухнул... — начала было я, и тут же он перебил меня:

— Это всего лишь отсрочка, оборотни найдут другой мост, да и водяные духи не станут долго охранять реку. Цена ленты велика, но не настолько, чтобы купить вечную дружбу...

— Что за ценность в ней? — спросила я, подавая знак Харлю, чтобы тот трогался с места, а не сидел, точно истукан, развесив уши.

— Каждый дух, заполучив клочок вещи, украденной по всем правилам у человеческой

ведьмы, может взять у нее же немного колдовской силы. Людям чародейское умение досталось лишь по ошибке и оттого любой нелюдь с радостью вытянет столько сил из чародея, сколько сможет, — Хорвек, говоря это, отчего-то рассматривал свои руки, словно впервые увидев их. — Госпожа чародейка расплатится с духами вместо нас, хоть и не желает этого.

— Как славно! — воскликнула я с нескрываемым злорадством.

— Но она справится, — продолжил Хорвек, — у нее достанет сил сопротивляться. Скоро полдень. Тебе нужно использовать второй украденный у нее предмет, иначе колдунья быстро восстановит свое прежнее могущество и нас тотчас настигнут оборотни, ведомые ее чутьем, которое острее волчьего.

— Что мне нужно сделать? — с неудовольствием я запоздало заметила, что на этот раз я позабыла для порядка возмутиться колдовскими штучками, к которым меня принуждали.

— Прежде всего тебе нужно связать мне руки, — бывший демон глядел на меня неотрывно, с некоторой жалостью, как мне показалось. — Не забывай, что изо всех твоих врагов я подобрался к тебе ближе всего.

— Что еще за бредни? — я как можно незаметнее ткнула в бок Харля, который собирался подать мне веревку, незамедлительно обнаружившуюся в его карманах. — Я не собираюсь тебя связывать!

— Но ты ничего не сможешь предпринять, когда я снова захочу убить тебя, — как всегда, он говорил спокойно, словно смысл этих слов его не слишком-то волновал. — Если у меня будут связаны руки, то у вас появится возможность сбежать.

— Если у тебя будут связаны руки, то в первой же деревне люди решат, что дело нечисто, а дурная слава и так пойдет за нами по пятам, — наплась я.

— Что ж... — Хорвек задумался на минуту-другую. — Тогда тебе нужно хотя бы переломать мне пальцы...

— Снова здорово! — я в досаде хлопнула в ладоши, и, теперь уже не таясь, врезала по спине Харлю, который как раз многозначительно произносил: «А ведь дело сударь говорит!» — Ты никак вознамерился стать мне такой тяжелой обузой, чтобы я и вправду спихнула тебя без сожалений в ближайшую канаву! Не будет этого!

— Глупая бессмысленная жалость к тому, что в ней не нуждается, — вздохнул бывший демон, но более ничего не предлагал, с мрачным видом о чем-то размышляя.

Дорога к тому времени поползла вверх по редколесью — почва здесь была каменистой и даже цепкие корни сосен не всегда могли пробиться меж мелких валунов. Это место напомнило мне родные места — Олорак располагался в предгорье, и я крикнула Харлю, чтобы смотрел в оба — спуск по ту сторону холма мог оказаться крутым и опасным, обычное дело для таких пустошей. Мой голос отозвался хриплым эхом, которое, вместо того, чтобы затихнуть, принялось множиться. Отовсюду доносились хриплые отголоски крика, которые все больше походили на карканье.

— Что это? — даже Харль заподозрил недоброе, ведь где-то позади нас нарастал странный свистящий шум. За ветвями деревьев были видны клочки неба, и я увидела, как оно чернеет, словно боги ради забавы решили подмешать в серые облака угольной крошки. Ветви деревьев затрещали, а карканье теперь слышалось ясно, и не было никаких сомнений — это кричали тысячи ворон.

— Она послала за нами кладбищенских птиц! — Хорвек едва успел произнести это, как первые вороны уже обрушились на нашу коляску, вонзая свои кривые когти в наши волосы, в

конские гривы, метя клювами в глаза. Лошади испуганно заржали и Харль, с визгом отбивавшийся от нескольких птиц, показавшихся мне куда крупнее обычных своих сородичей, уронил поводья. Я повалилась вниз, пряча лицо от ударов, и тут же рядом со мной очутился Хорвек, пытавшийся укрыть нас своим плащом. От птичьего крика и громкого хлопанья крыльев я почти оглохла, но слышала, как он вполголоса проклиняет испуганных лошадей, хоть бедные животные и не были виноваты в своем страхе.

К тому времени мы поднялись на вершину холма, где возвышалась всего одна старая сосна, похожая на уродливую трехпалую лапу, показавшуюся из земли. Далее дорога спускалась вниз, петляя и извиваясь между глубокими каменистыми оврагами и, несомненно, без руки опытного возницы, понесшие лошади увлекли бы нас в одно из ущелий. К счастью, коляска почти сразу перевернулась на бок, постромки оборвались и обезумевшие животные ускакали прочь, не разбирая дороги.

Мы же, кубарем раскатившись в разные стороны, стали легкой добычей торжествующих ворон, накинувшихся на нас с удвоенной яростью. Хорвек, сохранивший ясность ума, сумел направить меня к перевернутой коляске, а я, в свою очередь, потащила за собой Харля, бестолково брыкавшегося и вопящего. После того, как мы очутились в укрытии, я смогла рассмотреть, что у мальчишки исполосован царапинами весь лоб, и в волосах полно крови; у Хорвека довольно глубокая рана пересекала щеку и верхнюю губу, мне самой досталось не меньше — кровь заливала глаза, но боли пока я не чувствовала. Птицы не оставили своих попыток добраться до нас, и лезли в каждую щель, как лютый лесной гнус.

— Второй предмет, — задыхаясь, промолвил Хорвек. — Ты должна его использовать!

Я, уже не спрашивая, как правильно обращаться с этой магией, полезла в сумку, повторяя про себя: «Старое волшебство, помоги!», и в руку мне скользнул тот самый заржавевший нож для бумаг — смешное оружие против эдакого-то роя злобных птиц!..

— Но что я могу с этой безделицей? — вскричала я, едва не плача. — Этим и старой курице голову не отрубить!

— Тебе нужно добраться до того одинокого дерева и воткнуть нож в кору как можно глубже, — отозвался бывший демон слабым голосом, но так уверенно, словно это колдовское правило было написано черным по белому перед его глазами.

— Да ведь треклятое воронье меня до костей исключает! — воскликнула я, утирая кровь с лица, и содрогаясь от мысли, что придется покинуть наше временное убежище.

— Нам нельзя тянуть время и выжидать, — Хорвек был неумолим. — За воронами придут оборотни, и уж от них нам под этой колымагой не спрятаться.

Произнося это, он как раз скручивал шею одной из птиц, которая проникла-таки внутрь, и это стало своеобразной точкой в нашем споре. Для того, чтобы противоречить бывшему демону, требовалось что-то посерьезнее, чем одно упрямство, но храбростью, увы, я не отличалась.

— Ну почему же нет другого способа... — жалобно прохныкала я, начиная пятиться к щели, через которую мы вползли сюда.

— И это хорошо, — отозвался Хорвек, отбрасывая дохлую птицу к паре еще таких же. — Нет других способов — не нужно тратить время на сомнения. Возьми мои перчатки — быть может, они уберегут твои руки. Как можно плотнее оберни голову плащом, вороны будут метить в лицо...

— Но я же ничего не увижу!

— Если они выключат тебе глаза, то ты никогда больше ничего не увидишь, — как

всегда он не утруждал себя уговорами. — До дерева не так уж далеко. Запомни где оно, и беги, не разбирая дороги.

— И что же — у тебя в кои-то веки нет никаких уловок, которые могли бы облегчить мой путь? — вскричала я, вконец обозлившись. Самым глупым образом меня терзал страх, что вороны изуродуют мое лицо, после чего я никогда не посмею показаться на глаза господину Огасто.

— Есть одна, но она тебе не понравится, — ответил Хорвек. — Можно перед тобою вытолкнуть мальчишку, часть ворон накинется на него и тебе придется чуть легче — кладбищенские птицы не настолько разумны, чтобы разбирать, кого из нас следует убить в первую очередь.

Харль тихонько заблажил, услышав эти слова, и заелозил ногами по земле, безуспешно пытаясь спрятаться получше теперь не только от ворон, но и от нас. Мне не оставалось ничего иного, кроме как пробурчать, что мне и впрямь не нравится эта уловка, оттого подобные советы Хорвеку следует придерживаться при себе, засунув куда-нибудь поглубже. Намотав изодранный плащ на голову, я выглянула наружу, и за мельтешением черных крыльев успела рассмотреть одинокую сосну. В тот миг мне показалось, что она расположена едва ли не за пределами Лаэгрии, хотя на самом деле нас разделял десяток шагов. «Подлые птицы, лучше исключите мне руки, чем лицо!» — мысленно взмолилась я, и выкатилась из-под коляски, крепко сжимая нож в руках.

Почти сразу же на меня ринулись десятки ворон, бьющих меня крыльями, и мне подумалось, что так же чувствуют себя люди, которых забрасывают камнями. Мне почти ни разу не удалось подняться — под натиском вороньей стаи, вопящей, словно поссорившиеся рыночные торговки, я падала на землю каждый раз, как пыталась выпрямиться. Большую часть пути я проделала ползком, уткнувшись лицом в каменистую землю. За карканьем и шумом крыльев я иногда слышала, как трещит моя одежда, разрываемая острыми когтями. Боли от ударов клювом я почти не чувствовала — лишь от самых глубоких ран я вздрагивала, но сопротивляться или уворачиваться было бессмысленно: вороны обрушились на меня как песчаная буря.

Не веря самой себе, я нащупала бугристые корни старой сосны — мне удалось добраться до нее. С невероятным трудом встав на колени, я воткнула нож в ствол дерева, другой кое-как защищая лицо, и прокричала, не слыша саму себя:

— Старое волшебство, спаси нас во второй раз!

Не усела я произнести последнее слово, как земля содрогнулась, и от страшного грохота мои уши заложило, словно я очутилась глубоко под водой. Почувствовала, как меня швырнуло в сторону, словно сам воздух ударил меня в грудь. Крики воронья смешались с пронзительным треском, и я, сумев сделать вдох после нескольких безуспешных попыток, поняла, что птицы более не терзают меня.

С опаской я приподнялась, бестолково вертя головой, и не понимая, где очутилась. Теперь от сосны меня отделяли все двадцать шагов, но старое дерево уже не походило на само себя: какая-то чудовищная сила расколола его пополам, как это бывает от удара молнии. Вороны испуганно метались над моей головой, ведь над холмом зарождалась непроглядно-черная туча, и воздух начинал тревожно гудеть — ветер усиливался с каждым мгновением.

— Беги, Йель! — услышала я звонкий крик Харля, и, повернув голову, увидела, что он уже выбрался из-под коляски, как и Хорвек, нетерпеливо подававший мне знаки

пошевеливаться. Хоть я ничего и не понимала, однако решила, что демону виднее, как следует себя вести, когда вокруг бушует погодное колдовство. Теперь с ног меня сбивал ветер, со всех сторон света стремившийся к расщепленной надвое сосне, чтобы свиться в огромную темную воронку из пыли, веток, камней и воронья.

Только я подумала, что нам разумнее было бы остаться под укрытием коляски, как ее на моих глазах потащило в сторону, переворачивая и ломая, точно она была слеплена из бумаги и прутиков, как детская игрушка.

Почти ослепнув от песка и сора, залепившего мне глаза, я наугад ухватилась за руку Хорвека, и мы побежали куда-то вниз, по склону, пока земля не ушла из-под моих ног, и мы, один за другим, не покатались в одно из тех неглубоких каменистых ущелий, которые исполосовали крутой склон холма. Там мы, порядочно намяв бока о камни, очутились под укрытием нависающего уступа, и принялись кашлять и отплевываться. Из-за оглушающего рева ветра и раскатов грома, у нас не выходило ничего сказать друг другу. Я понимала лишь то, что Харль вспоминает матушку — быть может, свою, но, вполне возможно, и какую-то иную, а Хорвек все так же молчит, высокомерно не желая выказывать признаков волнения даже перед лицом бури.

То и дело на дно ущелья сыпались камни — мелкие и покрупнее — и было ясно, что стоит только выглянуть из-под каменного козырька, как голову размозжит бульжник. Следовало переждать непогоду, и я прижалась к Хорвеку, зажмурившись и зажав уши руками. Меня не могло обмануть его спокойствие: бывший демон был попросту равнодушен к своей судьбе, и его безмятежное выражение лица вовсе не означало, что сейчас мы в безопасности. Спустя несколько тягостных минут я приоткрыла глаза и к своему удивлению обнаружила, что с другой стороны к Хорвеку привалился Харль, продолжающий что-то шептать с безумным видом. Впервые я увидела в выражении лица бывшего демона что-то страдальческое — ему определенно не нравилось то, как быстро мы освоились в его компании.

К шуму ветра тем временем добавился хлесткий шелест дождя, и вскоре рядом с нами побежали мутные бурные ручьи, наполнявшие ложе каменистого оврага желтоватой водой. Мне подумалось, что эдак, чего доброго, мы можем утонуть либо же окажемся похороненными заживо, если склон холма начнет оплывать. Но худшего, к счастью, не произошло, и волшебная буря утихла так же неожиданно, как и началась.

То, что Харль не смолкал все это время, сослужило нам добрую службу: к тому времени, как завывания ветра утихли, он настолько обессилел, что не мог сказать ничего кроме: «Бесовщина! Проклятая бесовщина!». Дождь все еще лил, однако теперь он походил на обычный ливень, и, надо отдать ему должное, славно умыл нас, пока мы, оступаясь и поскальзываясь в грязи, взбирались на вершину холма, чтобы посмотреть на остатки нашего имущества. Обломки коляски валялись повсюду, дорожный сундук снесло водой ниже по склону, и мы наткнулись на него — он был наполовину занесен песком и всяким мусором. Большая часть его содержимого размокла и пришла в негодность — в том числе и те запасы съестного, которое мы с Харлем закупили в деревне, радуясь собственной предусмотрительности. Остальное затерялось бесследно.

Однако воистину удивительным для меня стало зрелище, открывающееся нам с вершины холма. Лес, который мы только недавно проезжали, словно выкосила коса страшного великана. Безжалостная буря вывернула с корнем самые старые и крепкие деревья, и сколько видно было глазу — тянулись одни только разрушения. Не осталось и

признака дороги, по которой мы сюда прибыли. Вихрь, зародившийся над расщепленной сосной, ринулся на долину, ранее пестревшую золотой листвой, и уничтожил ее за считанные минуты, превратив в пустошь.

— Нет дороги — нет наших следов, — удовлетворенно заметил Хорвек, которого ужасные последствия колдовства, казалось, ничуть не смутили. — Госпоже чародейке придется повозиться, чтобы отыскать нас снова.

— Но ведь эта буря тоже питалась ее колдовским даром? — я не могла оторвать взгляд от печальной картины. — Ты говорил, что духи рады украсть у чародея его силу, а здесь ее истрачено больше, чем вина на Летний праздник...

Во взгляде Хорвека, устремленном куда-то вдаль, мне почудилось некое сомнение, словно он не знал, стоит ли говорить мне о чем-то важном.

— Ох, да чтоб тебя оса ужалила за твой хитрый язык! — взорвалась я, ощутив недоброе предчувствие. — Есть о чем рассказать, так рассказывай! Харль все равно ничегошеньки не понимает от страха, так что можешь не слишком-то таиться. Сам говорил, что одной ногой в могиле. Кому ты будешь там рассказывать свои дрянные секреты? Таким же покойникам?

— Это вовсе не секрет, — отозвался он, все так же рассматривая погубленный лес. — И мои слова не принесут тебе никакой пользы. Я думаю о том, что ведьма вовсе не сопротивлялась, когда пришло время расплачиваться с духами воздуха. Напротив, она с лихвой одарила их, чтобы показать тебе, как велика ее сила. Но кое в чем она просчиталась...

— И в чем же? — с подозрением осведомилась я.

— Госпожа чародейка не знает, как мало ты смыслишь в колдовстве, и полагает, что ты способна испугаться, увидев ее настоящую силу. Воистину, нет ничего глупее, чем пытаться впечатлить невежественного человека, — Хорвек с усмешкой покачал головой, и тут же пошатнулся. Видимо, его до сих пор одолевали приступы головокружения.

Сказанное им одновременно и успокоило, и разозлило меня.

— Пусть удовольствуется тем, что испугала до полусмерти Харля, — я, сморщив нос, махнула рукой в сторону мальчишки, который до сих пор что-то сам себе бубнил, подергиваясь точно припадочный. — Как бы бедняга не лишился ума.

— Я и говорю, что невеликую пользу она извлекла из этого, — хмыкнул Хорвек. — Истратить столько сил на то, чтобы превратить и без того безмозглого мальчишку в идиота!.. Кажется, я начинаю понимать, отчего чародеи этого мира проиграли обычным людям, несмотря на то, что некогда они властвовали над огнем, землей и воздухом, почти как высшие существа. Люди всегда удивительно глупы, сколько старой мудрости не вложи в их головы.

— Но-но! — мне не нравилось, когда бывший демон презрительно отзывался о моем племени, пусть даже речь шла о треклятых колдунах, которые и мне самой не слишком-то нравились. — Ты и сам был наполовину человеком в прежние времена, не говоря уж о том, что сейчас ты один из нас!

— Уж не думаешь ли ты, что я считаю себя хоть сколько-нибудь разумным? — рассмеялся Хорвек. — Единственное, что я знаю точно, так это то, что раньше я был куда глупее, чем сейчас, раз уж оказался в нынешнем своем положении.

— То есть, ты сожалеешь, что очутился здесь, сейчас, со мной? — отчего-то его ответ уязвил меня настолько сильно, что я задала и впрямь глупейший вопрос, на который, вздохнув, сама тут же ответила:

— Ну конечно же, сожалеешь... Кто б не сожалел — ты в прошлом был важным господином, почти принцем, хоть и среди гнусных черных созданий, а сейчас тебе приходится жить впроголодь, да копать в грязи, не имея возможности вернуться к тем, кто раньше был твоей семьей...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Однако бывший демон не спешил отвечать утвердительно, вновь о чем-то задумавшись — и куда серьезнее, чем раньше.

Я пытливо смотрела на него, покусывая обветренные губы, ведь знала, что у Хорвека есть обыкновение умалчивать о том, что по его мнению мне уразуметь было не дано — то есть, о весьма важных делах. Но не успело мое невеликое терпение истощиться, как меня отвлекло кое-что другое: Харль, немного пришедший в себя, копался в остатках наших пожитков, которые нашлись у коляски, и к ужасу своему, я узнала в его руках разорванную сумку Хорвека. Она выглядела совершенно неприглядным образом, ведь ей пришлось пролежать на земле с той самой поры, как злополучная коляска перевернулась. Дождь промочил сумку насквозь, и только чудом вода не унесла ее в какую-то из промоин. А ведь в ней лежал холст, на котором была изображена таинственная дама, как две капли воды похожая на госпожу Вейдену!.. С ним могло случиться что угодно, раз уж добро из сумки просыпалось на землю...

С отчаянными возгласами я бросилась к мальчишке и успела выхватить из его рук сырой неприглядный сверток, который Харль уже собирался отшвырнуть в сторону.

— Харль, что ж ты творишь, негодник?! Ох, беда! Беда!.. — восклицала я, едва не плача: портрет, изорванный когтями ворон, пришел в совершеннейшую негодность, и единственной сохранившейся его деталью были разве что руки неизвестной дамы. Однако мальчишка был виноват только в том, что собирался выбросить грязную тряпицу, и его обиженное сопение заставило меня опомниться.

— Это проклятая ведьма изничтожила картину! — я, едва не плача, показывала подошедшему Хорвеку холст. — Наверняка ей встало поперек горла то, что портрет оказался в наших руках! Дрянная, подлая магия!

— Мне тоже иногда кажется, что твоя бестолковость — следствие какого-то злобного родового проклятия, — со вздохом согласился бывший демон, рассматривая смазавшиеся краски. — Холст пострадал оттого, что ты не позаботилась о его сохранности, а вовсе не из-за дурного колдовства. Отчего ты не держала его при себе?

— До того ли мне было, если ты собрался помирать? — вскричала я, с возмущением тыча пальцем Хорвеку едва ли не в нос. — Я думала лишь о том, удастся ли привести тебя в чувство! Твои вещи лежали с прочими пожитками, откуда ж мне было знать, что коляска перевернется? И тебе достает нахальства укорять меня за это!..

— От этого портрета зависела судьба твоего герцога, — отозвался Хорвек. — Я полагал, что ты прежде всего беспокоишься об Огасто, а не обо мне, только и всего.

— Я... я... — тут я почувствовала, что совсем запуталась, и оттого разозлилась донельзя. — Уж не думаешь ли ты, что я настолько бесчестна, чтобы жертвовать друзьями ради своих желаний? Да, я хочу спасти Его Светлость, однако это вовсе не значит, что я не думаю ни о чем, кроме как о господине Огасто!..

— Но ведь раньше ты поступала именно так, Йель, — вкрадчиво заметил Хорвек, глядя на меня почти с таким же любопытством, что одолевало меня саму несколько минут назад.

— И за это мне очень стыдно! — я выкрикнула эти горькие слова так громко, что Харль,

все еще перебиравший комки грязи неподалеку, вздрогнул и выронил все, что успел отыскать. — Ты это хотел услышать?!

— Не совсем, — ответил бывший демон после небольшой заминки. — Однако, в тебе произошли любопытные перемены. Ты становишься более честным, но менее счастливым человеком, Йель...

— Кто бы говорил, — огрызнулась я, смерив Хорвека уничижающим, как мне казалось, взглядом. — Ты и сам далеко не всегда следуешь указаниям разума и чести! Да и счастья от судьбы тебе немного перепало. Но что об этом говорить... Все впустую, портрет безнадежно испорчен. А другого способа помочь Его Светлости и победить ведьму я не знаю...

Последние слова я произносила с упавшим сердцем, и собиралась было выбросить бесполезный холст, но Хорвек остановил меня.

— Не торопись, еще не все потеряно, — сказал он, забирая у меня жалкие остатки того, что я еще недавно считала ключом к тайне господина Огасто. — Быть может, это даже к лучшему. Что бы мы делали с холстом? Показывали случайным встречным? Шатались бы по мастерским художников, пока нас не стали бы гнать в шею, приняв за мошенников? На это у нас нет времени. А ведь мы даже не знаем, куда нам идти сейчас — на восход или на закат... Ну же, не плачь! Вечером, когда солнце начнет садиться, картина ответит нам, где искать художника. А до той поры нам нужно уйти как можно дальше от этого холма. Да, кстати! Что с моим кошельком? За ним, я полагаю, ты присматривала куда лучше, чем за картиной?

Я, покраснев, ответила, что оставила монеты при себе, после того, как расплатилась с крестьянами за провиант. Харль, заслышав краем уха о том, что речь зашла о деньгах, тут же выказал немалое присутствие духа и, подобравшись поближе, прошипел, косясь на Хорвека:

— Не отдавай ему деньги, Йель! У него же с головой нелады, разве можно ему доверить кошелек?

Я, еще сильнее побагровев, попыталась выдержать взгляд бывшего демона, который склонял голову то влево, то вправо, рассматривая нас с насмешливым любопытством, словно перед ним вдруг обнаружилась диковина вроде двухголового теленка. Мне было невыносимо стыдно, однако я не могла побороть истинно нищенскую жадность, происходящую из того, что никогда прежде я не имела при себе столько деньжищ. В серебряных и золотых монетах наверняка имелась своя собственная магия, особенно действенная с теми, кто всю жизнь добывал с превеликим трудом разве что медяки.

Наверняка эти нехитрые мысли читались на моем лице яснее, чем буквы в священном писании, и Хорвек, от души расхохотавшись, произнес:

— Стало быть, ты доверяешь мне в той мере, чтобы не бояться принять смерть от моей руки, но не настолько, чтобы отдать по доброй воле мне мой же кошелек! Силы небесные и подземные! Никогда еще не имел дела со столь забавным существом, сочетающим в себе и самые высокие, и самые низкие порывы души. Ладно, побудь пока что богатейкой, Йель, раз считаешь, что сумеешь распорядиться деньгами. Но на всякий случай помни: у тех, к кому богатство никогда ранее не приходило, почти никогда не достает умения его удержать.

— Хочешь сказать, что я глупо истрачу эдакое количество денег? — фыркнула я. — Уж сейчас ты излишне принижаешь мои умения! Да на что я их переведу в этой глуши?

— Готов побиться об заклад, что в следующий раз, когда ты полезешь в кошелек за монетами — ты оплатишь ими порцию отменных неприятностей, — ответил Хорвек уверенно, и я от досады окончательно передумала возвращать демону его деньги. «Вот увидишь, подлая бесовская душонка, я буду обращаться с этими монетами куда толковее, чем

королевский казначей!» — думала я, с обидой косясь на Хорвека, который, напротив, не выказывал никакого расстройств из-за потери денег.

Рассовав по изгвазданным дорожным сумкам остатки нашего имущества, мы принялись спускаться вниз, в узкую бесплодную долину, по обе стороны которой возвышались каменистые холмы, поросшие лишь вереском, мхом, да низкорослыми кустами. Казалось, ни один разумный человек не решился бы здесь поселиться, однако, взобравшись на один из холмов, мы увидели вдали дымок, свидетельствующий о том, что где-то там, меж гор, прячется какое-то жильё, или же, по меньшей мере, путешественники, затерявшиеся среди этих неприветливых просторов, скрашивают себе привал добрым костром.

— Я слышал об этой пустоши, — сказал Харль, растирая замерзшие руки. — Её называют Сольгеровым полем, и местность эта кишмя кишит разбойниками. Этой дорогой не так уж часто пользуются — она ведёт на северо-восток, где нет больших городов, однако сюда не желают забираться королевские слуги, и злодеи чувствуют себя привольно, выжидая случая, чтобы выбраться в земли доброго Таммельнского герцогства... Что за дьявол занес нас сюда? Наверняка это дым от разбойничьего костра!

Здесь, на вершине, разыгрался холодный ветер, и мы поторопились спуститься в низину, столь же неуютную, как и предыдущая. Вновь и вновь мы взбирались по валунам, которые становились все крупнее, и спускались по склонам, казавшимся мне все круче. Походило на то, что мы очутились в предгорье, но даже Харль не смог припомнить, что за края простираются за Сольгеровым полем, что уж говорить обо мне — ничего толком не знавшей даже о землях, входящих в Таммельнское герцогство. Оставалось надеяться, что нам не потребуется перебираться через какой-то хребет — горы испокон веков были прибежищем для множества хищных и злобных нелюдей, куда лучше приспособленных для жизни в ущельях и пещерах, чем наше человеческое племя. Мы устали, оголодали и измучились на холодном ветру, но Хорвек, самый слабый из нас, безжалостно подгонял меня и Харля, торопясь уйти от зловещего холма, где нас едва не заклевали вороны.

— Солнце еще не садится, — повторял он. — Мы остановимся ближе к вечеру.

— Ох, да что проку бежать со всех ног, если мы не знаем, куда идти? — возмутилась я вполголоса, но тут же получила суровую отповедь:

— Ты знаешь, кто тебя преследует — одного этого достаточно, чтобы бежать и день, и ночь до самого края света.

Обессиленный Харль тяжело дышал и помалкивал — одно это указывало на то, что он едва жив от усталости. В очередную долину мы скорее скатились, чем спустились, и замерли, переводя дух у небольшого ручья. В это время солнце скрылось за горой, нависающей над нами грозной серой громадиной, и Хорвек наконец-то объявил, что мы можем отдохнуть. Я вспомнила о том, что он говорил о картине, которой полагалось заговорить на закате, и со страхом уставилась на сумку бывшего демона, где лежал холст — меня терзало смутное опасение, что некий дух должен вот-вот появиться оттуда, стена и плача, как это полагается призраку.

Но бывший демон, казалось, позабыл о своих словах, и приказал нам развести костер из жалких ветвей местного кустарника. Сам он уселся у большого камня, и я, едва не разразившись гневной речью, прикусила язык, поняв, что Хорвек едва жив от слабости — просто в отличие от нас он не позволял себе ее выказывать в пути, чтобы мы не замедлили и без того небыстрый шаг.

Даже жар, идущий от костра, не вернул на его лицо краски, свойственные живому

человеку. «Ох, плохи его дела!» — подумалось мне. Я и сама была голодна, как нежить в полночный час, оттого сосредоточилась на том, чтобы состряпать какой-никакой ужин из тех небогатых остатков круп и сала, что у нас имелись.

— Не вздумай отказаться от еды, — грозно сказала я Хорвеку. — Если ты надумаешь отойти в мир иной, то только тогда, когда я буду знать, по меньшей мере, название местности, в которой мы очутились.

Бывший демон усмехнулся и покачал головой, показывая, что не собирается со мной спорить.

— Но тебе самой лучше ничего не есть, — сказал он, неотрывно глядя на угли.

— Ох, чтоб мне в гадючье гнездо ступить! — я едва не утопила ложку в котелке. — Никак это какое-то новое колдовство, еще гаже предыдущего? В прошлые разы от меня не требовалось урчать голодным брюхом! Эта магия мне не нравится еще больше, чем прежние трюки!

Харль, до сих пор безмятежно гревшийся у огня, походя при этом на бродячего щенка, задрожал всем телом, заслышав о чародействе. Я вспомнила, что еще недавно точно так же боялась любого упоминания магии, и вздохнула, испытывая одновременно и гордость из-за своей новообретенной храбрости, и сожаление — чем больше я узнавала о колдовстве, тем яснее понимала, отчего оно губительно и для тех, на кого оно направлено, и для тех, кто его использует.

— Если ты сейчас не спросишь у картины, куда подевался ее создатель, то вновь будешь идти наугад, и, возможно, удалишься от своей цели, вместо того, чтобы приблизиться к ней, — Хорвек, как всегда, был терпелив со мной, и объяснял то, что было и без того понятно.

— Страшно ли это колдовство? Кто отзовется на заклятия? — опасливо спросила я, невольно припоминая то острозубых водяных духов, то удар, расщепивший сосну, то ядовитую кровь оборотня, едва не выжегшую мне глаза. Ох, как же не хотелось вновь касаться темного запретного искусства — оно словно оставляло на мне невидимую грязную метку каждый раз, как я решалась к нему прибегнуть.

— Не бывает доброй магии, — ответил Хорвек, доставая из своей изодранной сумки остатки холста. — А эта... почти безобидна, поверь мне.

Не успели отзвучать последние слова, как он бросил в огонь испорченную картину, и едкий дым от сырой холстины заставил нас с Харлем закашляться. Мальчишка кубарем откатился в сторону и замер чуть поодаль, явно опасаясь не столько вони, сколько того разговора, что вели мы с бывшим демоном. Я же, вдоволь начихавшись и утерев слезы, напротив, бросилась к костру.

— Да ведь ты изничтожил картину! — вскричала я в немалой растерянности. Поплевав на пальцы, я попыталась вытащить обуглившийся сверток, но только обожглась лишний раз и зашипела от боли.

— Не беспокойся, я приберег кое-что, — Хорвек показал лоскут, на котором можно было рассмотреть руки и украшения на них. — Этого хватит для того, чтобы художник узнал свою работу. Но мастера еще нужно найти... Колдовство очень ревностно относится к дарам, которые ему приносят. Чем больше ты будешь скупиться — тем меньше оно тебе скажет. То, что я оставил клочок холста себе, непременно прогневает силу, к которой мы обращаемся, и она не даст прямого ответа. Придется довольствоваться лишь самыми общими указаниями — но даже это лучше, чем ничего.

— До чего же спесива и мелочна твоя магия, — недовольно заметила я, рассматривая свои испачканные копотью руки. — Обижаться из-за какого-то грязного лоскута!.. Ладно уж, буду надеяться, оно того стоит. Где искать те указания?

— Внутри твоей головы, — серьезно ответил бывший демон. — Сегодня тебе придется впустить в свой ум видения, которые пошлют духи огня. У твоего разума не получится принять их безо всякого над собой усилия, оттого придется немного ему помочь.

И в прежние времена я не слишком любила слушать о том, как неудачно устроен мой ум. Теперь же, услышав, что его нужно подвергать каким-то испытаниям, я и вовсе приуныла. Харль, настороженно прислушивавшийся к тихой речи Хорвека, подал голос:

— Он хочет тебя погубить, Йель! Помяни мое слово, его душевная хворь заразна, точно холера, и если ты его послушаешь — непременно лишишься остатков ума!

— Всего лишь на время, — Хорвек не стал отрицать, что в главном мальчишка прав. — Но иначе тебе не увидеть знаков. Подобный талант свойственен натурам впечатлительным, с живым воображением; тем, что способны безо всякого волшебства погружаться в размышления и мечты так глубоко, что другие миры начинают стучаться в их умы. Это не столь уж доброе умение, и тебе повезло, Йель, что голова у тебя устроена крепко и просто. Но... ясное мышление придется затуманить для сегодняшнего колдовства — иначе видения и знаки растают в нем, как ночные призраки тают в лучах солнца.

— Ясное мышление! — фыркнула я, без труда уловив запинку. — С чего это ты решил быть со мной вежливым? Скажи прямо, что для этого колдовства мой ум слишком груб! Я знаю, что делают с чересчур грубыми пальцами или пятками — их трут шершавым камнем, пока не выступит кровь! То же самое ты хочешь сделать и с моим разумом, раз уж он, по твоему мнению, не обладает достаточной деликатностью. Ладно, бес с тобой, я согласна. Другого выхода у меня все равно нет. Рассказывай, как провертеть в моей дубовой голове дыру, через которую туда попадут треклятые видения...

Хорвек выслушал меня с некоторым удивлением, словно не ждал, что я так быстро пойму, к чему он клонит. Временами в его взгляде мне виделось что-то вроде сожаления. Так, бывало, добросердечные люди смотрели на детей, которым рано пришлось повзрослеть, и я, признаться, до поры, до времени, не понимала причины этой грусти. Теперь же мне все чаще приходило в голову, что бывают горести, которые хоть и не убивают, однако же меняют человека, и изменениям этим подчиняется вся его дальнейшая жизнь... Мне думалось, что простецкое мое прошлое было наполнено радостью, которая нынче поблекла, однако я продолжала верить, что счастливые безмятежные дни когда-то вернуться.

Но что, если счастье ушло не из моей жизни, а из самой души, попорченной магией? Что если я никогда не смогу радоваться жизни так, как умела ранее?.. И все, чего я когда-то желала, вдруг утратит всякий смысл? Ведь случается, что тех, кому осталось поистратиться только на гробовую доску, не радует уже накопленное богатство... Ох, как страшно становилось мне от этих мыслей, но они возвращались снова и снова, стоило мне только встретиться взглядом с Хорвеком. Мне казалось, он сожалел о том, что делал со мной, но продолжал, не зная другого способа меня спасти.

— Есть несколько способов изменить сознание, — объяснял Хорвек, закрыв глаза и опершись головой о камень. — Иногда достаточно готовить свой ум понемногу, учась слышать другие миры, как учатся дети читать и писать. Но на это у нас не хватает времени — людям требуются годы, чтобы отточить это умение. В далеких горных странах дикие колдуны считают, что самый верный способ — упиться до беспамятства, однако чаще всего

забывают о том, что видели, и неверно трактуют даже самые простые указания... Более действенным, но неприятным способом является боль — душевная и физическая. Маги, которым недостает умений для работы с видениями, часто пользуются этой уловкой — вот только боль они предпочитают причинять отнюдь не себе. Судьба тех, кто добывает для них видения, очень печальна, и я не пожелал бы ее тебе...

— Не ходи вокруг да около, — нетерпеливо перебила я его, вконец разволновавшись после той части его рассказа, что касалась пыток. — Ты не рассказывал бы о негодных способах, если бы не желал внушить мне, что на мою долю достался отнюдь не худший род провидческой магии. Что мне нужно с собой сотворить? Говори прямо!

— Тебе нужно принять немного яду, — ответил он, открыв глаза, по всей видимости, для того, чтобы наблюдать за изменениями в моем лице. — Не так много, чтобы умереть, но достаточно для того, чтобы впасть в беспамятство. Оно быстро завершится, обещаю, и когда оно минует, ты будешь знать, куда идти.

— Нет, Йель! — вскричал Харль, бросившись ко мне и обняв, словно я собиралась сию же секунду прыгнуть в пропасть. — Он не может тебя убить, потому что ослабел, и оттого ищет способы, для которых не нужна сила рук или острый меч! Может, раньше он тебе и помогал, но сейчас ему нельзя верить. Он снова хочет твоей смерти! Не слушай его! Это все хитрость, обман...

Никогда еще мальчишка не умолял меня так жалобно, и на глаза у меня навернулись слезы. В его одиночестве и испуге была виновата только я одна, и у меня же он искал защиты, ведь иного друга у него сейчас не имелось. Кто бы не испугался на его месте, оказавшись на закате среди бесплодных пустошей, у крошечного костерка, по другую сторону которого горели желтые глаза безумца, который только недавно желал убивать?

— Мальчишка прав. Заставить тебя я не могу, сил у меня не хватит даже на то, чтобы подняться с места, — Хорвек дышал сипло и отрывисто, с трудом переводя дух после каждого слова. — Если ты думаешь, что я вновь подчинен темному желанию смерти, то можешь отказаться, но у меня не так уж много добрых советов в запасе. Не примешь этот — другой я не успею придумать, времени у меня немного.

— Хочешь сказать, у тебя есть нужный яд? — недоверчиво спросила я, присматриваясь к бывшему демону. — Когда ты успел его припасти? И как не потерял во всех этих передрыгах? Он не испортился?

— О нет, он не потеряется и не придет в негодность, — Хорвек покачал головой. — Если ты согласна, то приготовь остальное: нужно смешать немного пепла, который остался от картины, с водой. Ее придется выпить сразу после того, как яд начнет действовать.

— Хорошо, — отозвалась я, помедлив. — Я верю тебе.

— Йель... Фейн... — Харль, вконец испугавшись, вспомнил даже мое прежнее имя. — Я боюсь! Если с тобой что-то случится — с кем я останусь? Мы так далеко от дома... Не делай этого!

Я, мягко, но непреклонно освободившись от цепких рук мальчишка, быстро выполнила указания бывшего демона и поставила кружку с грязной водой на камень неподалеку от костра, а затем вновь повернулась к дрожащему Харлю.

— Послушай, — как можно сердечнее обратилась я к нему, понимая, что усталость и страх обрушились слишком тяжелой ношей на мальчишку, доселе не знавшего настоящих бед. — Все будет хорошо. Присядь здесь и погрейся, ты совсем озяб и оттого дрожишь. Если ты боишься магии — закрой глаза и отвернись. Вот, возьми мой плащ и накройся им с

головой. Не поворачивайся, что бы ты ни услышал. Колдовство и вправду мерзкая штука, я об этом хорошо знаю теперь. Когда все закончится — я скажу тебе, а пока — отдохни, ты выбился из сил и сам не знаешь, чего боишься...

Мои уговоры возымели действие, и взгляд Харля стал более осмысленным.

— Вот уж нет! — огрызнулся он, послушно принимая у меня плащ и заворачиваясь в него. — Я совершенно точно знаю, чего боюсь! Я боюсь этого сумасшедшего господина, который хочет убить сначала тебя, а затем добраться и до меня. И еще я боюсь колдовских штук, которым он тебя учит! А уж какой страх меня берет, когда я вижу, в каком дрянном месте мы очутились!..

— Мы уйдем отсюда, как только я узнаю, где тот художник, — я, присев, погладила Харля по растрепанным волосам. — Со мной не случится ничего дурного, и Хорвек ни за что не причинит тебе зла, как и мне — он обещал.

Бывший демон хрипло хохотнул, услышав эти слова, но тут же закашлялся, едва не повалившись на землю.

— Вот уж ни за что не куплюсь на его обещания, — пробормотал Харль, вздрогнув. — Скорее, я поверю, что он подохнет раньше, чем дотянется до моего горла, и, не скрою, меня это несказанно порадует.

Говоря это, он натянул плащ едва ли не до носа, и сгорбился, всей своей позой выражая обреченность и безразличие ко всему, что осталось за его спиной. Я же, глубоко вздохнув, поднялась на ноги и спросила у Хорвека с вызовом:

— Ну, где тот яд? Куда ты его спрятал?

— Подойди поближе, — слабым голосом ответил он. — Я скажу тебе.

Мне не нравилось то, как он говорил это, но иного выхода, кроме как послушаться, у меня не имелось. Я опасливо приблизилась к Хорвеку, а затем опустилась на колени рядом с ним, чтобы лучше слышать то, что он собирался мне сказать.

— Так где же яд? — нетерпеливо повторила я свой вопрос, чувствуя, как страх овладевает мной все сильнее.

— Ближе, — прошептал он.

И я наклонилась к самым его губам, ловя каждое их движение. Но тут случилось то, чего я никак не ожидала: подавшись вперед, Хорвек впился в мои губы, крепко придерживая меня за затылок, так что я не могла вырваться. Поцелуй этот длился всего несколько мгновений, но от ужаса мне показалось, что я не могла освободиться целую вечность. Когда его хватка ослабела, я повалилась назад, отпрянув, и принялась отплевываться: во рту у меня оказалось полно крови.

— Что за черт! — от пережитого голос мой осип, а язык не повиновался. — Да как ты посмел...

— Мертвая кровь — очень хороший яд, — прошептал он мне, улыбаясь, и я увидела, что его губа глубоко прокушена.

Вряд ли отравы могла подействовать сразу, но меня тут же замутило. Мне захотелось немедленно прополоскать рот, однако пришлось сделать усилие над собой и сглотнуть мерзость. Это стоило мне приступа кашля, походящего временами на рвотные приступы.

— Йель?.. — пропищал испуганный странными звуками Харль, но я отрывисто бросила:

— Не поворачивайся! Со мной все хорошо!

— Теперь выпей воду с золой, — приказал Хорвек, пристально следя за мной.

Грязная вода из кружки показалась мне не такой уж противной после кровавого

поцелуя, но горло словно свело судорогой, и я несколько раз подавилась, да так больно, что слезы брызнули из глаз. Приступы кашля становились все сильнее, и я в конце концов, упала на колени, не в силах разогнуться и вдохнуть свежего воздуха. Хорвек притянул меня к себе, с трудом приподнявшись, и некоторое время поддерживал мне голову, приговаривая что-то успокаивающее.

— Тебе придется встать, Йель, — услышала я. — Это продлится недолго, обещаю. Всего-то нужно встать и покружиться на месте. На закате — самое время. Когда стемнеет, духи станут слишком сильны и лучше с ними не связываться. Ты можешь не вернуться из мира видений обратно.

— Я увижу художника? — спросила я, желая услышать еще раз, что опасная затея того стоит.

— Ты увидишь место, где он сейчас находится. Надеюсь, он жив, иначе...

— Что — иначе? — несмотря на то, что мысли мои путались, меня охватил страх. — Что я увижу, если он мертв?

— Живым людям не стоит видеть царство мертвых, — мягко ответил демон. — Это навсегда отравит их существование тоской. Но, Йель, тебе придется пойти на этот риск. Вставай и кружись, пока солнце еще не село.

— Но я упаду! — прошептала я, чувствуя, как от тошноты темнеет в глазах. — Ноги меня не держат!

— Так и нужно, — неумолимо ответил Хорвек, и подтолкнул меня, помогая подняться, хоть на это, казалось, ушли его последние силы. Перед глазами все плыло, но я увидела, как он повалился на бок, ударившись головой о землю, и из уголка губ потекла темная струйка. Я едва не закричала, подумав, что вот теперь-то он точно умер, но тут же кровь вспузырилась на его серых губах, и бывший демон несколько раз хрипло вздохнул.

— Кружись, — прохрипел он. — Кружись, пока не упадешь. И спрашивай без остановки, где тот, кого ты ищешь! Забудь обо мне, у тебя есть дело куда важнее. Я не умру, пока ты не вернешься, обещаю!

И я, неловко переступая с ноги на ногу, принялась кружиться. Перед моими глазами мелькали попеременно то языки затухающего костра; то спина сторбившегося Харля, который казался совсем маленьким и потерянным среди голых камней; то бессильно лежащий на земле Хорвек. Затем мир покачнулся, и мне показалось, что Хорвек удивительным образом выпрямился — но нет, это всего лишь я сама упала, и тьма нахлынула на меня, словно вечерние сумерки сменились глухим полуночным часом.

Разум мой, напротив, прояснился. Я помнила все, что со мной произошло, и упорно бормотала свои вопросы, хотя, на первый взгляд, рядом не имелось никого, кто мог бы на них ответить. Только пыль лезла мне в нос, да стоял в ушах звон. С облегчением я отметила, что тошнота отступила, и тут же перед моими глазами запылали снопы искр. Их становилось все больше и больше, пока яркий свет не вынудил меня зажмуриться. А когда я решила вновь открыть глаза — вокруг меня все было залито ярким дневным светом, неуловимо отличавшимся от того, к которому я привыкла. Он был таким сияющим, искрящимся, словно в каждом его луче заключалась какая-то прекрасная магия. Звон в моей голове сменился ритмичным шумом, который не походил ни на что иное, что я слышала раньше. Я, стряхнув с себя оцепенение, начала осматриваться, приподнявшись на локтях.

Подо мной обнаружили серо-розовые камни, совсем не такие, как на пустоши — каждый из них был округл и отшлифован, и я недоверчиво погладила пальцем чуть

шершавую поверхность. Тут ног моих коснулось что-то прохладное, и я, повернувшись, увидела, что лежу на берегу, а позади меня расстилается бескрайний простор волнующейся, белопенной воды, переливающейся на солнце всеми оттенками зеленого и синего. Над волнами вдалеке белели паруса огромных кораблей, а в кружеве свежей листвы на другой стороне залива сверкал красной, нарядной черепицей крыш большой город. За бесконечными красными скатами виднелись пологие склоны гор, тонушие в голубоватой дымке. «Ах, духи, зачем вы показываете мне царство мертвых? — взмолилась я то ли вслух, то ли в мыслях. — В нашем мире не может существовать столь прекрасное место! Зачем я увидела всю эту красоту? Как бы я хотела остаться здесь навсегда, не зная прежних бед...».

Должно быть, речь моя была услышана, поскольку дивная картина подернулась рябью, а в глазах снова потемнело. «Астолано!» — прозвучало в моих ушах, и я очнулась, враз ощутив боль и тошноту, о которых уже успела позабыть. Должно быть, в бесспамятстве я находилась довольно долго — сумерки сгустились, а кострище выгорело до конца. Я с тревогой оглянулась — у того камня, где лежал Хорвек, было пусто. Но не успела я испугаться, как он склонился надо мной, помогая подняться. В сумраке я не видела его лица, но по его шумному и хриплому дыханию было понятно, что он очень слаб.

— Что ты помнишь? — спросил он быстро. — Говори, пока воспоминания не исчезли! Если ты забудешь то, что видела — вся эта затея окажется пустой.

— Ох, до чего ж плохо... — простонала я, складываясь пополам. — Меня сейчас стошнит!

— Стошнит, и не раз, — Хорвек тормозил меня безо всякой жалости. — Яд должен покинуть твоё тело. Но с этим можно поговорить. Что ты запомнила? Видения тают быстро как снег от огня!

Он был прав: как сон, который невозможно припомнить, увиденное в бесспамятстве кружилось в моей голове, не давая себя ухватить. Я помнила лишь то, что это было прекрасно.

— Должно быть, художник умер, — прошептала я. — Мне привиделось место, прекрасное, как рай... О, как я хотела там остаться,

— Потому-то я и торопил тебя, — вздохнул Хорвек. — Если бы солнце к тому времени село — духи могли выполнить твою опрометчивую просьбу. А ведь ты просила, чтобы тебя оставили в мире видений, не так ли?

— Ты не хотела к нам вернуться? — обиженно спросил где-то поблизости Харль. — Йель, неужто ты бы бросила меня одного?

Мне стало невыносимо стыдно: вновь я предала тех, кто верил мне. Хорвек, однако, верно истолковал то, что я зашмыгала носом, и сказал:

— Не вини себя. Почти все люди желают остаться в своих снах — слишком уж страшна и грустна их жизнь наяву. Лучше постарайся вспомнить, что ты видела. Художник, я полагаю, жив-здоров. Царство мертвых не из тех мест, куда кто-то желает попасть преждевременно. Ты видела что-то иное.

Мало-помалу я рассказала о своем коротком видении, и Хорвек согласно кивнул, заметив, что лежу я головой к югу, и, стало быть, привиделось мне большое Южное море, а вовсе не обиталище усопших.

— До чего же ты страшно вертелась, когда упала! — вставил Харль. — Как будто злые духи таскали тебя за ноги по кругу!

— То-то у меня спину так саднит, — проворчала я, кое-как поднявшись. Почему-то

меня разочаровало то, что прекрасный город из моего видения не был раем. Опять выходило, что я способна принять медный грош за золото из-за своей недалекости.

Хорвек, стоявший на ногах ненамного тверже моего, провел меня к ручью, где я долго умывалась и жадно пила чистую холодную воду. Вскоре после этого меня пару раз стошнило, но, по словам моего приятеля, это было к добру. И вправду, не прошло и получаса, как я уже дышала свободно, а жжение в животе унялось, сменившись чувством голода, который пришлось утолять остывшей подгоревшей кашей у слабого костерка. Тогда же мне припомнилось главное.

— Астолано! — произнесла я, жадно жуя. — Духи сказали — Астолано! Что бы это могло быть такое?

Хорвек, который ел медленно и по чуть-чуть, словно опасаясь, что негодная каша для него окажется ядом куда более страшным, чем его порченная кровь — для меня, замер. Точно так же остановился и Харль, ничего не понявший, но опасавшийся любых перемен в поведении нашего спутника.

— Круг замкнулся, — промолвил бывший демон задумчиво. — Этого следовало ожидать...

— Что это значит? — я нахмурилась.

— Когда-то, очень давно я бывал в Астолано, — ответил он неохотно, и я догадалась, что речь идет о тех временах, когда демон Рекхе еще не поклялся в верности Темнейшему дому. — Это старый южный город, славящийся богатством и красотой. Видимо, в некоторые реки нужно входить дважды...

— Тебе опасно туда возвращаться? — беспокойно спросила я.

— Отчего же? — пожал плечами Хорвек, и выражение лица его стало отрешенным. — Говорю же — это было давно, да и я был совсем другим в ту пору. Судьбе угодно, чтобы мне пришлось еще раз прогуляться по мостовым, где когда-то пролилось немало моей крови. С некоторых пор я перестал угадывать, зачем высшим силам угодно играть со мной, и просто повинуюсь случаю... Не стоит говорить об этом. Нужно идти дальше, пока мы хоть что-то различаем в сумерках. Тебе опасно сегодня ночевать под открытым небом. Ты дважды использовала яд с прошлой полуночи, и не раз колдовала. Это ослабило тебя куда больше, чем может показаться. Такую слабость учует множество ночных существ, которые чувствуют себя привольно вдали от стен людского жилья. Защищаться от них ты научишься очень нескоро. Загноившаяся открытая рана притягивает мух со всех сторон, а у тебя в душе таких ран сегодня несколько, и нужно несколько дней для того, чтобы они затянулись.

От слов этих сердце мое зашло щемящей болью, и я обхватила себя враз озябшими руками.

— Я боюсь, — пролепетал Харль, придвигаясь поближе и напрочь позабыв о том, как всегда хорохорился передо мной в былые времена.

— Мы поднимемся на эту гору и посмотрим, не видно ли огня, — Хорвек поднялся, шатаясь так явно, что я тут же бросилась его поддержать. — Здесь есть какое-то жилье, дым от которого мы замечали днем. Попросимся на ночлег, а если нас не впустят — заночуем поблизости. Человеческое обиталище само по себе противно многим ночным охотникам, жадным до чужих душ. Оно отпугнет хотя бы часть из них.

— Но разве ты сможешь дойти туда? — в отчаянии спросила я.

— Я обещал тебе, что не подохну, пока ты колдуешь — и, как видишь, сдержал обещание, — ответил он. — Теперь я даю слово, что не умру, пока мы не окажемся у порога

человеческого дома. Эй, мальчишка! Ты думаешь, что только Йель покажется лакомым кусочком тем, кто рыщет ночами по этой пустоши? Пошевеливайся!..

— Ведь ты мне лжешь, Хорвек, — негромко пропыхтела я, помогая ему идти. — Ничегошеньки ты не знаешь о том, когда придет твое время умирать. Просто хочешь, чтобы я не останавливалась.

— Может и так, — согласился он, высвобождаясь, несмотря на очевидную слабость. — Но если я могу помочь тебе, обманув, то что плохого в таком обмане? Моя жизнь ничего не стоит, ведь ее, по сути, вовсе нет. Это фальшивка, колдовская уловка — а ведь ты их терпеть не можешь, не так ли? Глупо губить себя, пытаясь сохранить то, что существовать не должно.

— Прекрати так говорить! — рассердилась я. — Если хоть кому-то ты нужен живым, то твоя жизнь уже не пустяк! А мне ты нужен, Хорвек, — тут он хотел что-то вставить, но я не дала ему произнести ни слова. — И вовсе не потому, что без твоих советов я пропаду. Говори сколько угодно, что я глупа, но я считаю тебя своим другом. Опирайся на меня, и не делай вид, что обойдешься без помощи. Харль потащит наши пожитки... Слышал, лентяй? Ты не колдовал, да и хвори тебя не одолевают, так что из нас ты сейчас самый сильный!

Разумеется, это было преувеличением — мальчишка с трудом волок сумки, неуклюже застревая со всем этим сомнительным добром между камнями, по которым мы карабкались. Иногда ему удавалось опередить нас, но, бывало, что и мы отрывались от него, удачно перевалившись через очередное препятствие, и кулем скатившись вниз. Некоторое время мы лежали рядом, переводя дух, и, как-то раз, воспользовавшись тем, что Харль не расслышал бы наших с Хорвеком голосов, я вполголоса спросила бывшего демона о том, что тягостно изводило меня.

— Скажи, отчего тебе так противна человеческая жизнь? Неужто нелюди живут веселее и легче, чем мы?

Хорвек негромко засмеялся, и я поняла, что он вновь считает меня слишком недалекой для того, чтобы понять ответ на свой же вопрос.

— Суета... — наконец, промолвил он. — Человеческое время так быстро уходит, что его и жизнью-то не назовешь. Оно — как течение горной реки, куда человека безжалостно швырнули, едва он впервые открыл глаза. Успеешь ли ты пару-тройку раз вдохнуть воздух, прежде чем пойти ко дну?.. Возможно. Вот эти несколько плотков воздуха и есть счастье, которое выпадает человеку за всю его жизнь, наполненную несчастьями, опасностью и потерями... Ты этого не заметишь, ведь все силы уйдут на то, чтобы суметь хоть раз показаться над водой. То счастье, которого ты желаешь в своих самых смелых мечтах — ничтожная пылинка, сор, но даже его, возможно, ты не достигнешь.

— А у демонов... — начала я нерешительно, и он, вздохнув, продолжил:

— У высших созданий есть право замедлять бег времени, созерцать движение жизни со стороны, ждать своего часа. Попробовав хотя бы однажды им воспользоваться, ты никогда уже не сможешь без горечи смотреть на людей — жалких рабов времени.

— Вот и не надо, стало быть, нам такого счастья, — пробурчала я, пытаюсь изгнать из души странный холод, который привнесли туда слова Хорвека. — Да, в жизни нашей маловато радостных минут, но не тебе судить, ничтожны они или же нет. У тебя, как я посмотрю, и такой радости не случалось. Не говори мне больше о прежней жизни, я и вправду зря начала эти расспросы. Мне достаточно того, что ты нравишься мне нынешним. Если ты не ценишь свою жизнь, тогда я буду ценить ее за нас двоих.

От усталости мы растянулись на земле, глядя в небо, где уже появились первые звезды. Хорвек ничего не ответил на мои последние слова: быть может, он так измучился, что не нашел сил высмеять их в своей обычной манере, но я предпочла думать, что в молчании сокрыта странная нелюдская благодарность, природу которой я так и не сумела понять как следует.

Тут на головы нам посыпался мелкий гравий, а следом за ними свалился и Харль, наконец-то покоривший каменистый косогор.

— Ишь, разлеглись, — ворчал он, — Я едва шею себе не сломал, темнотища — хоть глаз выколи. Ничего мы здесь не найдем, кроме своей смерти. Какому человеку в радость жить среди такого безобразия? Повсюду одни колючки да камни... Тролли места, не иначе!

Однако ему вскоре пришлось признать свою неправоту: поднявшись чуть выше, на взгорье, мы увидели внизу огоньки, в свете которых любой путешественник угадал бы тепло и уют — то были окна какого-то жилья, чудом втиснувшегося между скалистых обрывов. Пришел черед спуска, и немного погодя мы очутились на узкой дороге, более похожей на тропу. Она определенно вела к дому, и вскоре мы почуяли запахи, милые сердцу любого озябшего и уставшего странника: дым от очага, перемешивающийся с ароматом жареного мяса. Крестьяне и прочий простой люд, как известно, отходили ко сну с закатом солнца, а богатому дому, обитатели которого засиживаются допоздна, на дикой пустоши было не место.

— Постоялый двор! — сказал Харль, поведя носом. — Боги, никак, смилостивились над нами.

Мысль об сытном ужине перед очагом затуманили мне рассудок, и даже равнодушный к требованиям грешной плоти Хорвек, казалось, прибавил шагу. Хоть выглядели мы так, словно бродили по пустошам несколько недель кряду, совершенно одичав, но при мне имелся отличный кошель с монетами, и я полагала, что любой хозяин захолустной гостиницы, увидев его, почтет за честь принять таких гостей.

Из-за позднего часа нам долго не открывали, выпрашивая из-за дверей, что мы за люди и куда держим путь. К несчастью, ответить на эти вопросы мы затруднились, и оттого на пороге нас продержали немилосердно долго.

— Ничего-ничего, увидят, что мы при деньгах — засуетятся! — пробормотала я, слушая, как отодвигаются многочисленные засовы: в этих диких краях двери запирали на совесть.

Мне, в самом деле, не терпелось показать хозяину, что к нему заявили вовсе не голодранцы, и причиной тому, честно признаться, была не только наша нынешняя усталость. В ту пору, когда мы с дядюшкой бродяжничали, из-за недостатка средств нам не раз приходилось полагаться на милость владельцев постоялых дворов, и оттого мы оказывались в весьма униженном положении, как это всегда бывает с попрошайками и нищими. Затаившись в каком-нибудь грязном углу у самой двери, где сквозняки ворошили старый сор, я всегда мечтала, что когда-нибудь переступлю через порог гостиницы как полноправный постоялец, которому нет нужды драться за теплое место с песьим выводком, ждущим объедков со столов.

Сейчас, когда в кои-то веки при мне имелся кошелек, набитый деньгами, я изнывала от желания впервые в своей жизни заплатить за лучший ужин, который только возможен в этих стенах.

— Остерегайся необдуманных трат, Йель, — шепнул мне Хорвек, заметив, как я потянулась к кошельку.

— Хороший ужин может показаться необдуманной тратой разве что тебе, — огрызнулась я, и бросила хозяину полукрону, как мне показалось — с истинно королевским величием.

Юркий старичок в долгополой старой накидке выглядел подслеповатым, однако поймал монету на лету. Тут же он отдал приказание толстой растрепанной служанке, и провел нас к столу, который сам же и протер. Никогда еще мне не оказывали такого уважения!

Постоялый двор был из тех бедных уголков, где не имелось отдельных комнат даже для самых почетных гостей. Путники проводили ночь там же, где ужинали, растянувшись на полу перед большим очагом, сложенным из грубых камней. Вряд ли стоило ждать от подобного ночлега особого удобства, но мне было не привыкать и к худшему. Перед огнем сидела неприветливая старуха в черном — должно быть, жена хозяина. Служанка подала нам знак и провела в закуток, где имелся рукомойник, который ради нас наполнили горячей водой. По очереди мы смыли с себя подсохшую кровь и грязь, и я в который раз заметила, что смуглое лицо Хорвека посерело от нездоровой бледности.

Нынешний поздний вечер, казалось, выдался не слишком удачным для заведения — за столом в общем зале сидел только один гость: пожилой крепкий мужчина в темно-зеленом бархатном кафтане. Я немедля решила, что он слишком пристально рассматривает нас. Во взгляде этом мне почуялась немалая толика презрения — одежда что у меня, что у моих приятелей была грязна и изодрана, как у нищих бродяг. Разумеется, едва подумав об этом, я тут же с нескрываемым вызовом бросила серебряную монету служанке, поднесшей нам еду. Хорвек отчего-то вновь с осуждением покачал головой, но ничего не сказал. Харль же, завидев дымящиеся тарелки, забыл обо всем на свете, и накинулся на жирную похлебку, словно ничего вкуснее отродясь не едал.

Бывший демон ел медленно, сдерживая себя — наверняка, голод мучил его не меньше нашего, но он сдерживал себя, помня, что поддаваясь человеческим желаниям, становится чуть более человеком, чем раньше. Мне было не по себе от мысли, как опасно сейчас находиться рядом с этим существом, но жалость возобладала, и я пододвинула к нему еще одну тарелку, сердито приговаривая: «Не вздумай отказаться!».

В окно, покрытое давней копотью, ударилось какое-то ночное существо, и я услышала, как старик-хозяин кричит служанке: «Акка, отчего ты не затворила ставни, дура набитая?! Нечисть нынче разбушевалась!». Вспомнив, как Хорвек говорил о том, что ослабленные колдовством люди для горных духов и нелюдей — славная добыча, я вздрогнула, и подумала, что уж точно носа не высуну на улицу до самого утра. Однако толстая Акка была не из пугливых, и, даже не подумав спорить, вышла за дверь, прихватив фонарь. Где-то неподалеку тонко и тоскливо выли твари с пустоши, а в трубе что-то шуршало, тщетно пытаясь пробраться внутрь. Никогда еще мне не доводилось бывать в столь диких местах — мы с дядюшкой Абсаломом старались держаться ближе к оживленным трактам — и я подивилась, как достаёт храбрости у старика держать здесь постоялый двор.

— Наверняка тут полно разбойников! — громко прошептал Харль, одновременно с тем жуя и икая от жадности.

Я мысленно согласилась с ним и невольно погладила кошелек, благодаря богов за то, что мы ночуем не под открытым небом у костра.

— Судари мои, — закричал хозяин, подошедший к нашему столу. — Время позднее, а в наших краях не принято встречать полночь на ногах. Сами слышите, как разошлось нынче бесово племя!.. Добрым людям лучше не слышать, как хохочет и воет треклятая нечисть —

от того, говорят, случаются всякие хвори. Ложитесь-ка спать, Акка уже пошла за одеялами, а тюфяков с чистой соломой вон в том углу хватает...

Постоялец в зеленом кафтане, слышав эти слова, отрывисто пожелал нам доброй ночи, и первым последовал совету хозяина, заняв место чуть поодаль, у стены. Старуха с оханьями и стонами поднялась со своего места, и мы с Харлем, сдвинув ее кресло в сторону, расположились аккуратно перед очагом, посчитав что уж за свои-то деньги имеем право на лучшее место в доме. Хоть вина за ужином мы выпили совсем немного, но усталость брала свое: мальчишка заснул, казалось, еще до того, как его голова коснулась тюфяка. Хорвек же, встав из-за стола, замер на мгновение, словно сомневаясь, как именно поступить.

— Уж если ты надумаешь нас удавить ночью, то какая разница, будем ли мы дрыхнуть вповалку или же в разных углах? — преувеличенно сварливо прошептала я, подвигаясь так, чтобы ему хватило места лечь рядом со мной.

Догорали последние плохонькие огарки на столах, жар в очаге бросал красноватые отблески на стены, а странные звуки пустошей, смутно слышимые в ночной тьме, невольно заставляли прятаться поглубже под толстое шерстяное одеяло. Согревшись, я окончательно обессилела, и уснула, уткнувшись носом в спину Хорвека.

Сон мой был настолько крепок, что громкие голоса и хохот сначала показались мне продолжением какого-то тревожного сновидения. Я приподнялась, сонно моргая и не понимая, отчего вдруг комната так ярко осветилась среди ночи, и кто все те люди, чьи тяжелые сапоги оглушительно топают по дощатому полу.

Хорвек, в отличие от меня, спросонья соображал куда быстрее, и потому сразу вполголоса выругался, заведя меховые плащи, грубые сапоги и многочисленное оружие ночных гостей.

«Разбойничье гнездо! Самое место для того, чтобы похвалиться своим кошельком, Йель!» — мысленно взывала я, толкая Харля, которого не сумели разбудить гам и топот.

— Ну, что за богатеи решили сегодня заглянуть к нам на огонек? — насмешливо пробасил кто-то, вызвав дружный хохот у остальных разбойников, и я признала в говорившем того самого постояльца в зеленом бархате. Теперь я ясно видела в его лице признаки злодейской натуры — черные глаза так и сверкали из-под низких бровей, подкрученные усы воинственно топорщились, а ухмылялся он точь-в-точь будто злой пес скалит зубы. Однако вовсе дурным человеком он не был — мне пришлось в этом убедиться почти сразу.

— Деньги у девчонки, мастер Глаас! — услышала я знакомый голос старика-хозяина: старый мошенник угодливо согнулся перед предводителем разбойников, торопясь услужить.

— Девка! — немедленно загалдели остальные злодеи, тыча в мою сторону пальцами, и от их перемигиваний щеки у меня тут же запыхали, а лоб, напротив, покрылся холодной испариной. Но господин Глаас, важно усевшийся на лавку посреди комнаты, тут же резким криком заставил притихнуть своих ребят.

— Угломоните! Девчонку без моего разрешения чтоб пальцем никто не трогал! А ну-ка, иди сюда, — поманил он меня, широко улыбаясь, словно при виде диковинной зверушки из бродячего балагана.

Я, затравленно оглянувшись на Хорвека, но тот со вздохом промолвил:

— Говорил я, что на первую же потраченную из этого кошелька монету ты купишь отменную неприятность. Отдай ему деньги, ничего не поделаешь.

Неловко поднявшись, я подошла к главарю поближе. Хоть он обращался ко мне безо

всякого уважения, однако злобы в его голосе я не расслышала, и оттого таращилась на господина Глааса с робкой надеждой. «Что, если он отпустит нас? — думала я, мысленно уже попрощавшись с кошельком. — Зачем мы разбойникам? Быть может, они не убьют нас... И мы пойдем своим путем, а они — своим».

Покорно протянув старому разбойнику кошелек, я вжала голову в плечи, не зная, чего ожидать. Тот знаком указал мне вернуться на прежнее место, а затем заглянул внутрь кошелька, присвистнул, подбрасывая монеты на ладони, и объявил:

— Что ж, нам свезло напоследок, братцы! Тут полно золотых полновесных крон! Клянусь кровью и пеплом, в наши лапы попались королевские родственнички, не иначе!

Последнее предположение изрядно повеселило разбойников: мы были оборваны как худшие из нищих, а исцарапанные лица и подавно не добавляли нам сходства с благородными людьми. Но не успела я подумать, что разбойники смилостивятся над теми, кто ушел по дороге жизненного везения недалеко от них самих, как господин Глаас, позволив своим людям насмеяться вволю, снова заговорил.

— Никак судьба подает нам знак и желает счастливого пути. Только вчера я говорил, что нужно податься на зимовье как можно раньше... Кругом недобрые знамения, кругом черные дела. Отправимся в дорогу завтра же утром!

Эти слова заметно обрадовали злодеев, а вот старик-хозяин, напротив, в беспокойстве забормотал:

— До настоящей зимы еще луна успеет смениться! Куда вам торопиться, братцы? Никогда вы еще не уходили на зимовье раньше Волчьего дня!

— Эй, Торок, какие мы тебе братцы?! — посуровел мастер Глаас. — Говори-говори, да не заговаривайся! Мы — вольный люд из славного края, и к пустоши этой треклятой гвоздями не прибиты. Это тебе судьба истлеть под здешним камнем, под безбожные завывания ночных духов, а наши кости будут лежать в доброй освященной земле. Получаешь пару серебряных монет за то, что посылаешь нам вести о новых гостях — и радуйся им, да скажи спасибо, что до сих пор твой дом не превратился в головешки.

Из презрительной речи этой я поняла, что хозяин постоянного двора не раз отдавал своих постояльцев на поживу пришлым грабителям, за то получая скромную награду. Однако ровней его себе лихие люди не считали, и по гримасе, которая исказила сморщенное лицо Торока, было видно, что на душе у него давно копится обида на зазнавшихся подельников.

— Ладно-ладно, — забормотал он, улыбаясь одновременно заискивающе и недобро. — В братья я вам не гожусь, однако если по ваши души сюда придут люди короля, то я буду болтаться в петле рядом с вами, мастер Глаас, нравится вам это или нет.

— Люди короля! — воскликнул Глаас, хлопнув ладонью себя по колену. — И в былые времена никто из людей вашего короля не совался на Сольгерово поле, а следующей весной, помяни мое слово, Торок, я со своими людьми пойду в земли герцога Таммельнского и соберу там столько оброка, сколько выдержат наши повозки! Если переживешь эту зиму, то непременно узнаешь, как славно я пощипал перышки Его Светлости. В эти земли пришел упадок, а там, где вода замутилась — ловить рыбу проще всего.

— Так отчего же вы уходите так скоро, мастер Глаас? — не удержался старый Торок. — Сами говорите, что пустоши наши надежно прячут вас от королевских слуг и от воли герцога Таммельнского. Отчего бы вам не относиться с почтением к здешним камням, столько раз укрывавшим вас в плохие времена? Право слово, лежать под одним из них — ничуть не хуже, чем гнить где-то на тесном городском кладбище, а вой духов для покойника ничем не

отличается от звона храмового колокола...

Нахальство старика заставило заворчать разбойников, вольготно расположившихся по лавкам, и в Торока полетело сразу несколько кружек. Я от страха зажмурилась и прижалась к Хорвеку, который словно окаменел — за все это время он не издал ни звука, с мрачным достоинством приняв происходящее как данность. С другой стороны к нему приник Харль, от страха сопящий с громким присвистом.

— Проклятый старик, научился от здешней нечисти предвещать смерть! — раздавались грубые выкрики. — Укоротить ему язык! А до того — пусть скажет, где припрятал горшок с монетами! Наверняка делился с нами не всем, что находил при своих постояльцах!

Старый Торок, поняв, что рассердил грабителей всерьез, согнулся в три погибели и приник к ногам главаря, визгливо прося прощения. Господин Глаас, выждав пару минут, приказал своим ребятам утихнуть.

— Если я до сих пор жив, Торок, — произнес он веско, — то только потому, что жадность никогда не застит мне глаза, в отличие от тебя. Ты так желаешь получить от меня до зимы хотя бы еще пару-тройку монет, что не чуешь беды, стоящей у порога.

— О какой беде вы толкуете, мастер Глаас? — заискивающе спросил Торок. — Духи нынче беснуются, и ночные плакальщицы воют громче обычного, но мало ли что взбредет в ум нечистой силе?..

— Нечистая сила не тревожится попусту, — ответил на это Глаас, помрачнев из-за какого-то воспоминания. — Ты видел, какая туча стояла сегодня днем над Урраским холмом, где Троепалая сосна? Это было колдовство — уж мне ли не догадаться... В наших местах еще свежа память о проделках королевы-ведьмы. Дед рассказывал мне, как она насылала страшные грозы на врага, и, провалиться мне на этом самом месте, сегодня кто-то вновь наколдовал такую грозу!

— Мало ли какая непогода случается, мастер Глаас... — опасливо, но упрямо возразил старик. — В наших краях иной раз дождь сменяется солнцем по три раза на день...

— Твои кости еще крепки, хоть ты и кряхтишь, точно вот-вот помрешь, — еще более мрачно ответил Глаас. — Отправляйся завтра с утра к Лигарскому ущелью и посмотри на южный склон! Нынче там прошел дождь, но, пожалуй, такого дождя ты еще не видал. Все усеяно мертвым вороньем. И не говори мне, что это случайность. Столько падали с неба без колдовства нипочем не просыплется!

Его рассказ был подтвержден возгласами разбойников, в которых за напускной бравадой слышалась тревога: хоть они и привыкли к здешним диким краям, однако обострившееся чутье верно подсказало им, что нынешние страшные чудеса предвещают наступление темных времен.

— Таммельн — порченное проклятое место, — громко произнес кто-то из грабителей, и слова эти вызвали ропот одобрения. — Правитель города сошел с ума, а король, отдавший за него свою дочку, никак тоже разума лишился. Слабые господа — слабая власть!.. А там, где нет человеческих законов — устанавливаются нечистые порядки, и скоро границы между пустошами и людскими землями никто не различит...

— Вот и посмотрим, чем будут жить эти края после зимы, — сказал на это мастер Глаас. — Долгими зимними ночами чего только не случается... Повозки готовы? С рассветом отправляемся в путь, нас заждались жены!.. Торок, накрывай столы, что стоишь, как пень? Или не желаешь с нами попрощаться по-доброму?..

Хоть от страха я боялась глаза поднять на старого разбойника, однако не упустила ни

одного слова из того, что он говорил. Услышав про мертвое воронье, я вздрогнула, и Хорвек легонько сжал мои ледяные пальцы — разбойникам не стоило знать, что сегодняшнее колдовство было делом моих рук, а наблюдательности и подозрительности у одного только мастера Глааса хватило бы на десяток людей попроще. Из его речей я уяснила, что в эти края грабители приходят издалека, чтобы попытать счастья на окраинах Лаэгрии. Пустошь надежно скрывала их от королевского гнева, а с наступлением холодов разбойники возвращались в родные дома, где, должно быть, местный люд и не подозревал, что живет бок-о-бок с душегубами. «Наверняка говорят всем, что подались на заработки, — невольно размышляла я, припоминая, что и в Олораке встречала парней, пропивающих всю зиму напролет монеты с чужеземной чеканкой. — Ох, хоть бы рассвет наступил поскорее, чтоб их и след простыл вместе с награбленным добром! Без денег нам придется туго, однако Хорвек и сам раздобыл их нечестным путем... Ворованное добро всегда проклято — переходит из рук в руки быстрее, чем ветер носит сухие листья!»

Однако следующие слова господина Глааса заставили мое сердце замереть:

— Этих ребят, пожалуй, прихватим с собой — продадим на рынке в Ликандрике, — сказал он, махнув рукой в нашу сторону. — Невелика прибыль, но и в пути от них убытка немного, к голоду они привычны — вон какие тощие!..

— П-п-родать? Нас? — проблеял Харль, от очередного потрясения обретший дар речи, в отличие от меня, напрочь его утратившей. — Да разве ж мы скот какой?

— В наших краях такие, как вы, ценятся меньше, чем скот, — добродушно ответил господин Глаас, не пожелавший присоединиться к общему застолью и оставшийся вести с нами беседу. — Я слыхал, что здесь у вас рабов нет, но в наших землях все устроено куда разумнее.

— Но мы подданные герцога Таммельнского! — вскричал бедный Харль, всплескивая руками. — И уродились свободными людьми!

— Оборванцы, карманы которых набиты золотом? — прищурился старый разбойник, которого явно забавляло то, как мы с Харлем переполошились. — Сдается мне, если вернуть вас вашему господину, то он тут же присудит каждому по петле. Откуда у таких, как вы, деньжата? Ну, что, может и вправду отвезти вас в Таммельн и спрашивать, не ищет ли герцог пару-тройку запропавших подданных?

Издевательский вопрос этот пришелся не в бровь, а в глаз, и мастер Глаас расхохотался во все горло, увидев, как мы с Харлем испуганно переглянулись. Хорвека он по какой-то странной причине во внимание не принимал, точно в упор не видел.

— Стало быть, угадал, — произнес он, отсмеявшись. — Ну и на кой ляд вам свобода, если там ждет разве что виселица? А у хорошего хозяина вы будете жить, как у богов за пазухой. Говорю я это не для красного словца. Дорога будет длинной, нелегкой, и следить за тем, чтобы вы не сбежали при первой же возможности — лишние хлопоты. Потому и объясняю: вам, бродягам, лучшей судьбы все равно не сыскать. Таких, как вы, в услужение никто в своем уме не возьмет, а даже если и возьмет — то только и будет искать возможность, чтобы прогнать восвояси, не заплатив, потому как за голодранцев заступиться некому. А если уж за вас какой-то господин заплатит из своего кошелька, то не позволит, чтоб трата эта оказалась пустой: всегда накормит и обогреет, хорошему работнику преждевременно протянуть никак ноги не годится...

— А если работники из нас не ахти? — с вызовом спросила я, несколько осмелев. — И все равно сбежим, как только представится случай?

— Тогда придется вас прирезать, да и выкинуть в ущелье, — добродушно ответил Глаас. — Разнесете весть, что старый Торок привечает разбойников, принесете убыток старику, а нам от того одно неудобство — негде и голову преклонить, когда погода совсем уж собачья. А возиться с вами — много чести. Со связанными руками-ногами своим ходом далеко не уйдете, придется в повозку пустить, да сторожа к вам приставить... Нет, вы того не стоите!

— Ох, Йель, помалкивай! — прошипел Харль, едва слышав об ущелье, и трижды сплюнул за плечо. — Сударь разбойник, смилуйтесь! Мы никому ничего не расскажем! Сами видите, что мы такой же незаконной породы, что и вы. Отчего же лишать нас свободы, чем мы от вас отличаемся? Быть может, мы и сами подались бы в разбойники... Славная работенка — всегда так думал, клянусь своим здоровьем!..

— Разбойнику прежде всего нужно быть везучим и пользоваться покровительством высших сил, иначе недолго ему ходить под божьими небесами, — рассудительно ответил мастер Глаас. — А что у вас за везение, если сидите сейчас передо мной, как мокрые куры? У богов вы, ребяташки, в немилости, можете не сомневаться. Прикончат вас — и то будет милостью, доброй смертью вам все равно не помереть.

Возразить на это было нечего: везением в последнее время мы похвастаться не могли.

— Сударь, помилосердствуйте... — вновь заныл Харль.

— Я и так к вам добрее родного батюшки, — отвечал Глаас. — Вот что, скажи на милость, ты умеешь делать, сопляк?

— Я? — Харль вздернул нос. — Да никто не знает больше историй, чем я! От короля Одерика до феи Мараны — обо всех я знаю добрый десяток сказок, а если надо — могу и спеть...

— Ой, не в добрый час ты расхвастался, Харль, — пробормотала я, и пронзительный взгляд черных глаз господина Глааса тут же остановился на мне.

— А ты чем ценна, кроме того, что уродилась девкой? — спросил он, посмеиваясь, и я тут же решила, что мне нужно перещеголять Харля во что бы то ни стало, ибо вопрос главаря вновь заставил остальных разбойников разразиться хохотом, от которого у меня враз отнялись ноги.

— Я... я умею врачевать, — торопливо принялась перечислять я все свои неоспоримые достоинства. — Знаю травы, умею выводить вшей, чесотку и прочую заразу, да и зуб порченный выдерну, ежели мне перед тем поклянутся, что не свернут шею опосля этого дела, а то ведь от боли чего только в ум человеку не взбретет...

— Стало быть, пару медяков сверх обычной цены накинуть можно, — расхохотался мастер Глаас, и, наконец, соизволил обратить свое внимание на Хорвека, тут же потемнев лицом.

— Тебя я даже спрашивать не буду, — сказал он. — Вижу, что человек ты — хуже меня самого. Да еще и хворый. Тебя с собой не возьму. Эй, Торок! Осталось за подворьем место для еще одной могилы?

Хорвек, услышав это, только улыбнулся, и я поняла, что такой исход ему и вправду кажется добрым: бывший демон более всего опасался не смерти, а дожить до тех времен, как сознание его окончательно помутится.

— Ох, сударь! — я, позабыв о былом страхе, бросилась перед Глаасом на колени. — Не убивайте его! Прошу вас!..

Нужные слова не шли на ум, да и какими доводами можно было пронять старого

разбойника? Хорвек и в самом деле выглядел совершенно больным. Я ничего не смыслила в работорговле, однако не сомневалась, что устроено это дело точно так же, как и продажа домашнего скота: больных животных на дальний торг не ведут, а режут где-то за двором. Харль дергал меня за руку, видимо, опасаясь, что мои просьбы разгневают мастера Глааса, отличавшегося, по-видимому, тяжелым характером, а я отчаянно повторяла раз за разом: «Не убивайте!..»

Однако главарь разбойников отчего-то лишь криво усмехался, слушая меня, и не выказывал ни гнева, ни милосердия.

— Девочка, — сказал он, ухватив меня крепкими пальцами за подбородок. — Там, далеко, у меня есть дом и семья. Дочки, похожие на тебя — такие же пустоголовые дурехи. Одни беды от девок в семье... Приданое, женихи... Другие в наших краях, узнав, что у жены родилась очередная девчонка, просто зовут знахарку и младенец после ее зелий не доживает до третьего дня своей жизни. Но я своих девчонок всегда любил не меньше, чем другие любят сыновей. Вот только в бабскую голову ума все равно не вложишь — ни добром, ни силой. Одна из моих дочек в минувшем году сбежала с каким-то мошенником, напевшим ей про богатый дом в далеких краях. Ох, как я был зол! Клялся, что удавлю мерзавку собственными руками, когда найду, хоть и знал, что рука не подыметься. Но не успел — тот прохвост сам прикончил ее, когда она ему надоела, и отправился дальше. Даже могилы порядочной моей Вилле не досталось — таких бродяжек без роду, без племени бросают в общую яму где-то на окраине кладбища. Ну, скажи-ка, кем приходится тебе этот разукрашенный красавчик?

— Б-братом, — выдавила я неуверенно, и Глаас развел руками, словно получив подтверждение своих нелестных догадок.

— Если он тебе брат, то матушка ваша приживала вас от разных отцов, — тут он всхрикнул. — Этот мошенник заморочил тебе голову, поманил за собой, вот ты и сбежала из дому, да еще и недоросля этого с собой потащила. Хоть твои руки и исцарапаны — это не руки крестьянки. И у мальчишки руки нежные — меня не проведешь. Вы хорошо жили до того, как подались вслед за негодяем, захотев приключений. Что, понравился грабительский промысел? Золота в кошельке было много — значит, крови на его руках еще больше. Думала, поди, что с этим золотишком вы славно обустроитесь на новом месте? Да он подох бы, не дойдя даже до середины Сольгерова поля. А если бы не подох — продал бы тебя с братцем точно так же, как это сделаю я. Вот только у меня есть какая-никакая совесть и я найду для тебя хозяев получше, а не отдам в портовый бордель...

Ах, как мне хотелось сказать, что старый Глаас ошибается!.. Что за я просила за Хорвека вовсе не из-за того, что влюбившись, сбежала с ним из отчего дома!.. Но рассказать правду разбойнику никак не получилось бы, и я лишь промолвила, опустив голову:

— Он хороший человек!..

— Хорошие люди не таскают за собой девчонок, обряженных в мужское платье, — сурово отрезал мастер Глаас. — И у хороших людей не водится золото. Слишком честны они для того, чтобы разбогатеть! Что молчишь, северянин? Разве я не прав?

Хорвек пожал плечами, даже не подумав спорить. Он все так же сидел, привалившись к стене и безучастно глядя перед собой. Я не знала, верно ли угадываю его мысли, но мне казалось, что он разделяет мнение разбойника и считает, что лучшего будущего мне все равно не выпадет. Разбойники увезли бы меня далеко от колдуньи, и где-то в чужих краях я бы стала служанкой-рабыней в хорошем доме, получив кров и стол. Человеческая жизнь

была для демона ничтожной по определению, и он наверняка не видел различий между рабством и свободой, когда речь шла о людях... да еще таких низкородных, как я. Однако какая-то мысль заставляла его губы едва заметно кривиться: Хорвек отгонял ее, но она возвращалась — к этому времени я достаточно хорошо изучила его, чтобы понимать: не таким уж хорошим кажется ему этот исход.

— Он не болен, — продолжила я свои бессмысленные объяснения, повернувшись к сердитому Глаасу. — Просто долго не ел, оттого ослабел. И он не убивал людей! Золото мы украли, но у таких же воров!..

— Помолчи! — старый разбойник устал от моего нытья, и прикрикнул на меня. — Все это не имеет никакого значения, если разобраться. Он слаб и брать его с собой я не собираюсь. Был бы силен — тем более не взял бы. Слишком опасный это человек, уж это-то я всегда верно чую. Думал дождаться рассвета, но зачем?.. Может, треклятые духи налижутя крови и немного притихнут — голова трещит от их вытья!.. Пошли, северянин. Умрешь не в петле, хорошей быстрой смертью!..

— Нет! — закричала я, цепляясь за сапоги Глааса, но тот поднялся, не обращая никакого внимания на мои вопли. Хорвек, опираясь на стену, тоже встал, так и не проронив ни слова.

Мои крики привлекли внимание разбойников, торопящихся набить брюхо перед дальней дорогой. Сценка эта показалась им довольно забавной — раздался смех, кто-то воскликнул: «Моя девчонка больше убивалась бы по кошельку, чем по мне!». Один из разбойников отчего-то задержал взгляд на Хорвеке, а затем, хлопнув себя по лбу, вскочил с места и спустя мгновение взволнованно что-то говорил главарю на незнакомом мне наречии. Тот внимательно слушал, поглаживая усы, а затем разразился довольным смехом.

— Говоришь, хороший человек? — сказал он, повернувшись ко мне. — А вот Скилум-Вороненок говорит, что за голову твоего приятеля в Ликандрике готовы заплатить пятьдесят золотых, если не больше. Да и в других портовых городах его помнят не по-доброму. Что, бродяга, славно ты там покуролесил? Теперь я знаю твое имя. Ты Ирну-северянин, одинокий грабитель, и я верно угадал — ты порешил немало людей. Мы идем за добычей на север, а ты, чужак, пришел пытаться удачи на юг, но даже нашему брату разбойнику не стоит лить столько крови зазря. Твоя голова стоит в десять раз дороже, чем эти детишки. Эй, Скилум! Живого или мертвого Ирну просят власти?

— Да как получится, мастер Глаас, — отозвался Скилум из-за стола, за который успел вернуться. — Все знают, что живым такого человека взять не так уж легко, оттого сойдет и мертвый.

— Везти с собой мертвеца... — задумчиво молвил Глаас, знаком показывая Хорвеку, чтоб тот вновь сел у стены. — Дурной знак. Можно бросить твою голову в бочонок с солью, но здешняя нечисть обгрызет нам пятки, почуяв мертвечину. Ладно, черт с тобой, Ирну-северянин. Поживешь еще немного. Пусть с тобой возится ликандрийский палач.

По лицу Хорвека нельзя было сказать, огорчил ли его этот каприз судьбы или же обрадовал, а вот я не смогла сдержать радостного вскрика, и принялась благодарить мастера Глааса, едва ли не ударяясь лбом в пол.

— Неразумная твоя радость, — бросил разбойник, отпихивая меня ногой. — Там его колесуют, не иначе. Ирну сотворил много беспричинного зла. Я слышал о нем и всегда говорил, что таких людей нужно убивать, как бешеных собак. Не стоило тебе связываться с ним. С другой стороны — и то ладно: ты не сбежишь, бросив его, это на лбу у тебя написано.

А мальчишка не решится сбежать без тебя, не так ли?.. Эй, малец! Перестань трястись словно студень! Если ты поумнее своей сестрицы, то должен понимать, что вам сегодня чертовски свезло...

Я поняла, что мимолетная симпатия разбойника ко мне может улетучиться, если я продолжу заступаться за Хорвека, который очевидно вызывал у мастера Глааса неприязнь. Но рассказать о том, что Ирну-северянин, так ненавидимый в родных краях разбойников, погиб в какой-то пьяной потасовке на улицах Таммельна (отчего-то в этом я была уверена) означало подписать смертный приговор всем нам. Бродягу, в тело которого вселился злой дух, непременно бы прикончили, как и тех, кто свел с ним знакомство — случайно или намеренно. Стоило разбойникам только заподозрить, что это из-за нашего колдовства пустошь усеяна дохлым вороньем — и наши тела вышвырнули бы в ближайшее ущелье: противоестественное человеческое колдовство было одинаково ненавистно и нелюдям, и людям.

Откуда-то разбойники притащили цепи, в которые заковали руки Хорвека, и мне показалось, что бывший демон удовлетворенно улыбнулся, рассматривая кандалы. Именно об этом он просил меня недавно, и по приказу Глааса с ним сделали то, на что я тогда не согласилась. Со стороны могло показаться, что Хорвек сошел с ума — так покорно и отрешенно он принимал происходящее, но я поняла: демона не интересует ни его собственная судьба, ни насмешки грабителей, ни что-либо иное. Я была единственным, ради чего он мог вызвать в себе подобие чувств — и в разговорах со мной его лицо оживало. Сейчас же он выглядел именно тем, кем являлся: вставшим из могилы покойником. Не имея возможности помочь мне, он не желал помогать и себе.

Харль, узнав, что наш приятель известен какими-то исключительными злодеяниями, старался держаться подальше от Хорвека, и с недоумением смотрел на меня, вернувшуюся под бок демону. Мастер Глаас, кликнув старого Торока, вышел на подворье — должно быть, чтобы посмотреть, готовы ли повозки и хватает ли лошадей. Его отсутствием стоило воспользоваться, и я зашептала на ухо Хорвеку:

— Ох, что же делать? Неужели ты не знаешь способа, чтобы спастись?

— Зачем? — безразлично ответил Хорвек вопросом на вопрос. — Старый разбойник прав: тебе сегодня повезло. Они направляются в Ликандрик, на Юг. С ними перейти пустоши куда проще, чем в одиночку. Кому как не им знать, чего здесь опасаться, и где лучше заночевать. Колдунья, быть может, окончательно потеряет твой след, а мои руки скованы. В большей безопасности ты не бывала уж много дней, Йель — так цени это.

— Ты что же — не слышал? Меня продадут в рабство! — прошипела я. — Чему здесь радоваться?

Бывший демон взглянул на меня как-то протяжно, с досадой, и я поняла, что правильно угадала тогда: лучшей участи в его глазах я не заслуживала. Точнее говоря, так говорил его разум, а остальное... его Хорвек не желал принимать во внимание.

— Вот, значит, что ты обо мне думаешь! — прошептала я, вспыхнув. — Ты считаешь, что венец всему, счастливейший из исходов моей судьбы — миска с едой и цепь! На что большее я смею рассчитывать, простолюдинка, глупая темная деревенщина?! И ради этого ты готов расстаться с жизнью? Тьфу! Неужто королей вашего бесовского племени учат довольствоваться столь малыми подачками судьбы? Ну уж нет, я желаю лучшего будущего и для себя, и для тебя! Слышишь, демон? Я убью для тебя ту ведьму, клянусь! Или погибну, пытаюсь ее убить, ведь то зло, что она причинила тебе, прощать нельзя! Но уж точно не

забьюсь в первый попавшийся угол, выбросив из головы прошлое.

Хорвек помедлил с ответом, а затем усмехнулся — совсем не так, как при виде цепей, и мне отчего-то стало легче дышать, словно смерть перестала мне подмигивать из-за его спины.

— Ладно, о убийца ведъм, я согласен, что ты заслуживаешь лучшего будущего, — промолвил он. — Но, согласись, судьба к тебе не так уж несправедлива. Ты не сходишь с выбранного пути и идешь на юг — чего же еще желать? До Ликандрика далеко, и твоя рабская участь успеет еще перемениться, к худу или к добру.

— То-то же, — проворчала я. — Впредь рассуждай обо мне с большим почтением, бесов сын. И о себе — тоже. Не желаю видеть на твоём лице это покойническое выражение, — тут я перевела взгляд на Харля, затравленно зыркающего на нас из соседнего угла. — А ты, трусливый заяц, с чего побелел, точно привидение увидел? Тот разбойник обознался, Хорвек вовсе не треклятый Ирну-душегуб. Стал бы он с нами возиться, если бы всей его заботой было то, как раздобыть денег и прокутить побыстрее? Уж большего убытка, чем ты, во всем герцогстве не найти, не считая меня самой.

— А мне сдается, что все верно было сказано, — опасливо ответил Харль, но придвинулся чуть-чуть поближе. — И с чего ты так веришь этому проходимцу — мне вовек не понять. Не с рождения же ты его знаешь!

«В какой-то мере — с рождения, — подумала я, вслух еще немного для порядка поругав упрямого Харля. — Хорвека-человека в этот мир привела я, и остался он здесь из-за меня. Кому еще я могу доверять более и о ком мне еще беспокоиться? Нет, я не брошу его — мастер Глаас оказался прав почти во всем». Усталость победила тревогу, и, несмотря на шумное застолье, я задремала на пару часов, привалившись к стене. Едва начало светать, как нас грубо подняли по приказанию мастера Глааса. Главварь разбойничьей шайки вновь проявил своеобразную заботу о нас с Харлем и по его приказу старый Торок нашел для нас кое-какую одежду.

— Глаза б мои не видели эдакого позора!.. — сплюнул Глаас, показывая на мои штаны. Видимо, в родных местах разбойников женщины жили в куда большей строгости нравов, и даже ради удобства в пути главварь не согласился бы терпеть рядом с собой девчонку в портках. Благоволение Глааса ко мне было сущей причудой и я боялась лишним словом или взглядом порушить установившиеся между нами отношения, оттого торопливо натянула старые юбки — шерстяную поверх полотняной, и повязала куцую голову платком. Харлю достался наряд поновее, однако не по размеру, и мешковатые штанины пришлось подвернуть едва ли не вдвое. Хорвеку, конечно же, никакой одежды с разбойничьего плеча не перепало — его безо всякой деликатности зашвырнули в одну из повозок, приказав помалкивать до самого Ликандрика.

— Ты сгодишься там и живым, и мертвым, — сказал при этом Глаас. — Если неприятностей в дороге от тебя будет не больше, чем от мертвого — проживешь еще немного. Но стоит только мне разок-другой подумать, что голову везти все-таки сподручнее, чем целого Ирну — тебе конец, так и знай. Говорить, что детишкам не поздоровится, если ты уйдешь из моих рук, смысла не вижу — хоть это чистая правда, головы им не сносить. Но я не верю, что тебе есть до них дело. А ты, девочка, запомни: сбежишь — тут же прикончу его, и смерть твоего приятеля легкой не будет. Не заслужил он легкой смерти, — тут он повернулся к Харлю. — Что до тебя, дружок... Девке что-то лишний раз объяснять — что по пню лесному кулаком стучать, никакого толку. А вот ты, быть может, и возьмешь в ум мои

слова. Если кто из вас поможет Ирну сбежать — сестрицу твою отдам ребятам на забаву, не сомневайся. Тебе же отрежу уши вместе с носом и продам гильдии нищих — им всегда нужны калеки с длинными языками, чтоб умели выпрашивать милостыню на все лады. Сам сделаешь ноги — до утра не доживешь, ночью на пустошах лютует нечисть, которой ты на один зуб. Так что следи в оба — как увидишь, что девчонка надумала сговориться со своим хахалем о побеге, тут же говори мне, иначе пожалеешь. С нее что взять — головой думать не сможет, хоть плеткой отходи, хоть на цепь посади. Стало быть, придется тебе думать за вас двоих.

Приходилось признать: старый Глаас ловко разделил нас, и теперь я не могла доверять Харлю, в одночасье ставшему самым дотошным соглядатаем, трясущимся за свою шкуру. Хорвек же вновь впал в сонное оцепенение, немало удивляя разбойников, которые вспоминали, что раньше Ирну-северянин славился вспыльчивым лютым нравом, и скорее руки себе бы отгрыз, чем согласился носить кандалы.

В суматохе я успела припрятать немного объедков, оставшихся на столе. Ими мы с Харлем и позавтракали перед тем, как отправиться в дорогу. Если кто и заметил, как мы торопливо жуем на ходу, то не сказал ни слова, и я подумала, что с нами будут обращаться не так уж дурно. Сумку мою разбойники осмотрели, но, не найдя там ничего ценного, вернули обратно. Я как можно незаметнее проверила, не потерялся ли огарок ведьминской свечи и перевела дух: колдовская вещица осталась при мне. Чем она могла пригодиться — я не знала, однако отчего-то верила в ее ценность.

Торок пожелал своим подельникам доброго пути сквозь зубы, его старуха, и вовсе не таясь, плюнула под ноги коню мастера Глааса, и повозки, груженные награбленным добром, тяжело тронулись по дороге, которая серой извивистой лентой виднелась в предрассветной мгле. Мы с Харлем шли пешком, с испугом косясь на наших спутников, еще не обвыкнувшись в их компании. Кто-то из разбойников ехал верхом, кто-то — правил повозками, но были и такие, кто шел рядом с нами, отмеряя дорогу широкими шагами. Вокруг них вертелись крупные безухие псы весьма злобного вида — должно быть, постоянные спутники разбойников. Многие из людей мастера Глааса сменили меховые накидки на обычные шерстяные плащи; мечи и прочее оружие были припрятаны, и теперь шайка походила на обычное кочевое племя, каких немало бродило по землям королевств. Разве что женщин, кроме меня, в нем не имелось, но и такое случалось, когда бедность гнала мужчин на заработки.

Наше с Харлем положение, боюсь, мало кто счел бы завидным — в рабство мы угодили с той самой минуты, как Глаас решил, что прихватит пленников с собой, и теперь нам предстояло выполнять всю работу, которая, по мнению разбойников, была нам по плечу. На привалах мы собирали ветки для костра и готовили похлебку, а затем чистили и мыли всю грязную посуду. Не успевала я присесть, как мне швыряли несколько рваных курток, которые нужно было заштопать, или же приказывали чинить истрепающуюся обувь. Кормиться нам полагалось объедками — Глаас объявил, что не потратит на нас ни одной лишней краюхи хлеба, иначе ему нипочем не продать таких рабов с выгодой для себя. Но, несмотря на эти грозные заявления, после обеденного привала он сам бросил передо мной миску с почти нетронутым куском мяса якобы для того, чтобы я побыстрее ее вымыла. Главарию было не с руки явно выказывать доброе отношение к пленникам, но при всем том он испытывал жалость к нам, глупым детишкам, пустившимся на поиск приключений — именно так он думал обо мне и Харле. Поразмыслив, я решила, что не так уж сильно это отличается от тех

времен, когда я бродяжничала с дядюшкой Абсаломом, и начала находить в старом Глаасе несомненное сходство с моим ворчливым родственником.

Всего разбойников в шайке Глааса было шестнадцать человек. Все они не первый год выходили на промысел в здешние края и потому успели хорошо притереться друг к другу. Мастера Глааса они уважали и подчинялись его воле беспрекословно, но даже его приказ не мог полностью оградить меня от их назойливого внимания — женщин на пустоши лихие люди видели не так уж часто. Те, кто помладше, не упускали случая в шутку натравить на меня пса, чтобы посмеяться потом над моим визгом и поглазеть на мои ноги, виднеющиеся из-под подобранных юбок, а разбойники в возрасте вполголоса бранились, мол, взвалили на себя обузу — прибыли с грош, а возни не оберешься. Повозки то и дело застревали на старой дороге, двигались мы медленно — уж точно не из-за нас с Харлем! — однако неприязнь на то и нужна, чтобы отвешивать кому-то зуботычины и пинки безо всяких разумных на то причин.

Чем дальше мы уходили от постоянного двора, тем мрачнее и суровее выглядели просторы Сольгерова поля: каменистые склоны, поросшие вереском и красноватым лишайником были открыты всем холодным ветрам. Только в низинах, походивших на ущелья, росли кривые сосны и колючие кусты, дающие укрытие от непогоды. На ходу я успевала собрать пригоршню-другую кислых ягод шиповника, от которых голод потом одолевал меня вдвое сильнее. Но Хорвеку еды и вовсе не доставалось, я все время помнила об этом и при любой возможности старалась уворовать для него какой-нибудь кусок. Бывшего демона выпустили из повозки лишь вечером, когда мастер Глаас выбрал место для ночлега. Хорвек безразлично уселся на землю, опершись спиной на грязное колесо, и замер, закрыв глаза — сейчас он напоминал дикое животное, страдающее от глубокой раны, но не знающее другого способа исцеления кроме покоя и неподвижности.

Мы остановились в ложбине рядом с небольшим озерцом, наполненным темной стоячей водой — разбойники называли его Гнилым Оком. Здесь были видны следы предыдущих стоянок — очаг, выложенный из камней, лежанки из сухой травы под защитой нескольких больших нависших камней. С трудом мы с Харлем собрали хвороста для костра, от которого нас тут же оттеснили, и Глаас приказал всем готовиться к ночной стоянке. Это означало, что повозки следовало расположить полукругом, защищающим людей и лошадей от непрошенных ночных гостей, начавших подавать голос из темных расселин. Но разбойники привыкли к такому соседству и весело переговаривались, не обращая никакого внимания на тоскливые стоны, звучавшие отовсюду.

Я видела, как задерживаются на мне взгляды — все чаще и чаще, и поняла, что это значит: в ночи, когда все спят вповалку, приказ Глааса было легко нарушить — стоило только тихонько зажать мне рот, да приставить к горлу нож, и никому не было бы дела до этой забавы, а жаловаться потом я могла сколько угодно — вряд ли главарь стал бы сурово наказывать своих людей за подобную шалость. Мысли эти легко читались на лицах ребят помоложе, да и остальные, казалось, начали коситься на меня с особым блеском в глазах, и я почувствовала, как от страха у меня заломило ноги.

Ни на что не надеясь, я придвинулась к старому разбойнику и жалобно спросила, не разрешит ли он мне спать в повозке, рядом с Хорвеком. Разумеется, эта просьба не понравилась мастеру Глаасу, хоть он не мог не понимать причину, по которой я решилась обратиться к нему. Его неприязнь к пленнику и к тем отношениям, которые он нам приписывал, была слишком велика для того, чтобы согласиться. Он нахмурился, и уже было

открыл рот, чтобы гневно отказать, но при этом мы одновременно оглянулись на Хорвека, который все так же сидел в отдалении. Глаза бывшего демона были открыты, он пристально смотрел на Глааса, словно ожидая его ответа, и я готова была поклясться, что в тот миг, когда главарь хотел обругать меня, зрачки Хорвека загорелись красным — два крошечных кровавых огонька в ночи.

Глаас совершенно точно увидел то же, что и я, поскольку осекся, и, помолчав с минуту, нехотя произнес:

— Ладно, спи в повозке.

Я торопливо поблагодарила его, и вскоре уже забиралась в повозку вслед за Хорвеком. Харль, поразмыслив, последовал за мной, но забился в дальний угол, между каких-то пыльных мешков. Я же устроилась под рукой у бывшего демона, потяжелевшей от цепей, и прижалась к его боку. Когда шум снаружи начал утихать — уставшие разбойники улеглись спать вокруг костра, оставив пару дозорных — я тихонько подсунула Хорвеку сверток с объедками, которые успела собрать за день.

— Тебе нужно поесть, — шепнула я, и он, вздохнув, принял мой скудный дар.

За день мы не успели перемолвиться с ним и парой слов, и я внезапно поняла, что соскучилась по разговорам с Хорвеком. От усталости ныли ноги и слипались глаза, но я не удержалась от вопроса, вертевшегося у меня на языке с прошлой ночи.

— Скажи, ты помнишь что-то из жизни Ирну-северянина? О нем рассказывают страшные истории... Он убил немало людей на Юге, не жалел ни женщин, ни детей...

— Иногда я слышу во сне северные напевы, — неохотно отозвался демон. — Крики, кровь... да, этого было немало при жизни того, чье тело я занял. Но какое мне дело до этого? Ты ведь не раздумываешь, кто носил до тебя это тряпье — просто морщишь нос от его вони.

— Как он умер? — не унималась я. — Это ты убил его?

— Мог бы я кого-то убить в ту пору, то выбрал бы тело получше, — с презрением хмыкнул Хорвек. — Покойника зарыли неглубоко — вот все, что я знаю. Кто-то прирезал его, напав со спины. В его памяти нет ничего такого, что стоило бы сбересть, да и что проку хранить чужие воспоминания? Мне бы порой хотелось избавиться и от большей части своих собственных. Не приноси мне больше еды, Йель. Что бы ты не воображала обо мне — я не смогу тебя защитить, и лучше тебе не злить старого разбойника.

— Но он разрешил мне ночевать здесь, когда ты посмотрел на него, — я прижалась покрепче к демону, чтобы согреться. — Почему твои глаза загорелись так страшно? Ты говорил, что стал обычным человеком...

— Я и сам так думал, — ответил Хорвек, вздрогнув. — Но иные чувства творят чудеса.

— Чувства?

— Ненависть, — ответил он задумчиво. — При мысли о том, что тебе навредят, я испытал сильнейшую ненависть, и на мгновение мне показалось, что я вновь изменил свою природу. Ты зря думаешь, что я знаю обо всем на свете. Оказывается о такой ненависти я до сих пор не знал ничего... Спи, Йель. Завтра будет такой же тяжелый день, как и сегодня. Твой маленький приятель уже давно похрапывает.

Харль и вправду крепко спал, свернувшись в клубок. Спали и разбойники — только двое дозорных устало тянули какую-то песню, время от времени прерываясь на негромкий разговор. В моей душе не было ни мира, ни покоя — только страх и тоска, оттого сон, в который я провалилась, был тяжким, удушливым, точно при лихорадке.

Проснуться мне довелось после полуночи от странных звуков: негромкое рычание

перемежалось хрипом. Хорвек подергивался, и я вначале решила, что его одолевает очередной приступ, но затем поняла, что все куда хуже: цепью от кандалов он душил кого-то, пробравшегося к нам в повозку.

— Тише, тише, — я узнала задыхающийся голос Глааса. — Прикончишь меня, и твоей девчонке конец.

Хорвек, видимо, ослабил хватку, потому что главарь, все еще сипя и хватая воздух, продолжил:

— Всех тебе не перебить, из моей смерти тебе не выгадать пользы. Я пришел сюда тайно и лучше бы никому не знать, что сейчас здесь происходит. Отпусти меня и поговорим мирно.

— Что тебе нужно? — бывший демон подался назад, видимо, отпустив мастера Глааса.

— Хотел кое-что проверить, — ответил старый разбойник, все еще тяжело дыша, но уже с обычной своей грубоватой насмешливостью. Мои глаза привыкли к темноте и я увидела, что в руке у Глааса красновато светится головешка из костра. Он поднес к ней что-то темное, и в нос мне ударило зловоние: паленый волос смешался с запахом падали.

— Мертвечина! — промолвил Глаас с недобрый удовлетворением, свойственным человеку, чьи самые худшие догадки подтвердились. — Так я и знал! Ирну давно уж покойник, а ты — темная тварь, забравшая его тело...

Я, проснувшись окончательно, сообразила что главарь успел срезать с головы Хорвека прядь волос, за которой и явился сюда среди ночи тайком от своих людей.

— Что молчишь, бес? — спросил с вызовом Глаас. — Разве я не самым верным способом определил, что ты украл тело покойника Ирну? Об том я лишней раз не болтаю, но мой дед был в услужении у Белой Ведьмы Юга, и рассказал мне немало о том, как распознать колдовскую опасность в человеке. Не раз мне пригождались его советы, но вот одержимого демоном я встретил впервые. Видать, совсем поганью был Ирну, раз ему не выпало полежать спокойно в могиле.

— Белая Ведьма Юга? — только и переспросил Хорвек.

— Да, она, — мастер Глаас негромко откашливался, растирая горло. — Слыхал о ней? Когда-то она сравнялась в силе с королями, да вот только недолго продлилось ее владычество, и магия не спасла ее от костра. Да что я с тобой говорю — вам, поганым бесам, положено лучше всех знать о Белой Ведьме. С вашим проклятым племенем она всегда водила дружбу. Что же делать с тобой, одержимый?..

Последние слова мастер Глаас произнес с неподдельной озабоченностью, и я поняла, что жадность в нем сейчас борется со страхом. Он мог убить Хорвека, объявив своим людям об истинной сущности того, кого они знали как Ирну-северянина. Но после этого пришлось бы прикончить и меня с Харлем — никто бы не поверил, что спутники дьявольского создания не тронуты бесовской или колдовской порчей. Вместо двух рабов и одного пленника, чья голова стоила полсотни золотых, старый разбойник получал трех покойников, которые представляли какую-либо ценность разве что в глазах голодной нечисти с пустошей. Даже голову Ирну не вышло бы прихватить с собой — слишком силен был ужас людей перед темным колдовством, которым, несомненно, был отмечен одержимый.

— Не в добрый час вы попались мне, — бормотал мастер Глаас. — Недаром духи накануне выли, как оглашенные... Ты ведь вскоре начнешь убивать — все одержимые убивают, словно взбесившись. Ну, говори, какой срок тебе отмерен? Не знаешь? Или не хочешь признаваться? Выдержат ли цепи?.. Но если я успею отдать тебя в руки палачу до

того, как придет время безумия — никто не узнает, что ты не Ирну, мало кто умеет в наше время распознавать бесов...

Хорвек ничего не отвечал, спокойно ожидая, к какому же решению склонится старый разбойник. Тот кряхтел и ругался сквозь зубы, проклиная и людей, и демонов, и собственное невезение, но в итоге хлопнул себя руками по коленям и воскликнул:

— С нечистью Сольгерова поля который год уживаюсь, и с тобой, демон, совладаю. Ты, темная тварь, украл у меня голову Ирну, но я своей выгоды не упущу. Прирезать тебя я всегда успею, не так уж ты силен, раз позволил заковать себя. Ничего не меняется в нашем уговоре — я везу тебя в Ликандрик, и только попробуй выкинуть какой-нибудь фокус! Не жить тогда твоей девке!

— Я согласен, — ответил Хорвек все так же спокойно и мирно. — Мне все равно, куда и зачем ты меня везешь. Но с головы Йель не должен упасть даже волос, запомни это.

— Не в твоём положении грозить мне! — огрызнулся Глаас, однако в голове его послышались нотки неуверенности.

— Лучше тебе не проверять на деле, пусты ли мои угрозы или нет, — негромко ответил Хорвек, и, хоть глаза его на этот раз не загорелись красным огнем, Глаас невольно подался назад, натолкнувшись при этом спиной на какой-то мешок. Что-то упало, и шум привлек внимание дозорного — я услышала обрывки проклятий и недовольное кряхтение.

Мастер Глаас, разумеется, не желал, чтобы его застали рядом с пленниками, поэтому тоже выругался, завертевшись на месте. Но судьба решила выказать сегодня благоволение к старому разбойнику — да и к нам, его пленникам. Ночь прорезал многоголосый вой, переходящий в знакомый мне злоедающий хохот: где-то неподалеку подавали голос псы-оборотни, вышедшие на ночную охоту.

— Это что еще за погань? — пробормотал Глаас, насторожившись. Должно быть, он обучился узнавать местную нечисть по песням, которые она заводила ночью, и этот мотив оказался ему незнаком.

Вой испугал лошадей, раздалось громкое ржание, топот — кони переступали с ноги на ногу, всхрапывали, били копытами по каменистой земле. Послышались недовольные возгласы разбуженных шумом разбойников, а еще спустя пару мгновений свою лепту в суматоху внесли и собаки, отзывавшиеся на вой далеких собратьев громким скулежом и рычанием.

— Непокойной будет эта ночь, — мастер Глаас выглянул из повозки, выжидая случай, чтобы покинуть ее как можно незаметнее. — Что за твари решили сегодня к нам наведаться, а, проклятый? Не твои ли приятели?

— Вряд ли их можно так назвать, — ответил Хорвек, также внимательно прислушивавшийся.

— Отродье лживых бесов, — фыркнул старый разбойник, ничуть не поверивший своему пленнику. — Можешь не сомневаться, мои ребята подпалят шкуру твоим дружкам, а до того — славно продырявят ее. Тебе не уйти от меня, пока я не получу свое золото.

— Да, им вряд ли справиться с твоей шайкой, — спокойно согласился бывший демон. — Но, все же, прими один добрый совет от меня. Следи в оба за своей псарней. Те существа, что воют там, вдалеке — дальние родичи твоих собак, и имеют власть над любым из песьего племени.

— Эти псы не первый год с нами! — раздраженно бросил Глаас, выбираясь наружу. — Вернее любого человека!..

— Дело твое, — ответил Хорвек в обычной своей манере, то есть — с безразличием, и Глаас, еще раз выругавшись, громко приказал, теперь уже не таясь, чтобы мы тоже покинули повозку. Харль единственный изо всех продолжал крепко спать, и я вытащила его наружу, как тряпичную куклу, приговаривая: «Не бойся, не бойся, дружок!».

Вой, переполошивший и людей, и животных, приближался. Нас, пленников, оттеснили к почти затухшему костру, где нам не отсавалось ничего другого, как сесть на голую землю, сбившись в кучку. Люди Глааса, уже вооружившись, ждали атаки и по их умелым действиям было ясно, что это не первая подобная ночь в их жизни. Пустоши и впрямь были суровым местом, где выживали только те, кто знал толк не только в нападении, но и в защите. Я заметила, что Хорвек не отводит глаз от собак, беспокойно бегающих у повозок, и увидела, как он покрепче перехватывает цепь, словно готовясь вновь кого-то ею душиТЬ.

Но мастер Глаас тоже был человеком внимательным, и, несмотря на естественное недоверие к бывшему демону, умел ценить советы.

— Кируу, Сильтус! — крикнул он, деловито указывая рукой в сторону повозок. — Привяжите собак, да покрепче!

— Зачем же это, мастер Глаас? — недоуменно спросил кто-то из названных, невысокий и кривоногий разбойник, которого я успела невзлюбить за то, что он несколько раз за сегодня толкал меня, якобы невзначай.

— Затем, что я так сказал! — гаркнул главарь, вглядывающийся в ночную тьму, которая исходила сатанинским оглушающим хохотом.

— Да разве ж помешают собаки, если кто попробует пробраться под повозками? — продолжал пререкаться кривоногий. — Никогда от них еще вреда не было!

— Кируу, сказано тебе — привяжи чертовых собак! — по-медвежьи зарычал Глаас, враз отбив у кривоногого всякую охоту спорить. Вместе со своим товарищем зловредный Кируу, чье имя я наказала себе запомнить, принялся ловить псов, шерсть на загривках у которых стояла дыбом.

— Что за существа воют там, мастер? — негромко спросил у Глааса молодой парень, которого прочие дразнили Солью из-за лица, усеянного мелкими светлыми оспинами.

— Не знаю, однако какие бы демоны их не подослали — в их шкуре все равно можно проделать дыру, железом, серебром или огнем! — Глаас ухмыльнулся, и метнул взгляд на Хорвека, словно проверяя, услышал ли пленник его слова.

Громкое рычание и крик заставили всех повернуться — один из псов, которых Кируу тащил за ошейник, набросился на разбойника и принялся рвать его куртку, пытаясь добраться до горла. Руки у кривоногого были залиты кровью — он потерял нож, который успел выхватить, и он мог разве что загоразивать шею да отталкивать взбесившегося пса. Происходящее стало неожиданностью для разбойников, привыкших доверять своим собакам едва ли не больше, чем друг другу. Первым пришел в себя мастер Глаас, лучше других понимавший, что за бешенство овладело псом. Подскочив к Кируу, лежавшему на земле, он одним сильным ударом меча перебил хребет псу, и тут же добил его, отрубив голову.

— Убивайте собак, — закричал он, повернувшись к своим людям. — Иначе собаки прикончат вас!

Страшная эта картина произвела впечатление не только на меня, но псы, сбившись в стаю, и впрямь глухо ворчали, светя алыми глазами, и разбойники поняли, что мастер Глаас знает о какой-то опасности, другим пока еще неведомой. Хоть разбойничьи собаки и изодрали мне сегодня юбки, а ноги мои до колен были изукрашены кровоподтеками из-за их

зубов, мне было жаль неразумных животных, ответивших на зов крови. Я уткнулась в плечо Хорвека, чтобы не видеть расправы, прижимая к себе одной рукой дрожащего Харля, и подняла голову лишь тогда, когда кто-то из разбойников взволнованно закричал:

— Мастер! Я видел за повозками человека! Женщину!

— Это не человек, Альтир! — отозвался Глаас рыком. — Поганые оборотни хотят добраться до нашего добра! Стреляйте в тварей, не жалейте! Здесь нет других людей, кроме нас!

Тут он, разгоряченный, яростный, повернулся к нам и крикнул:

— Стоит мне только увидеть, что ты сдвинулся с места, Ирну! Стоит мне только увидеть!.. Не отпускай свою девку ни на шаг! Если она тебе дорога — тебе ее и защищать этой ночью!

Я поняла, что у него вертелось на языке невысказанное обвинение — Глаас угадал, что оборотни пришли за нами, но не желал, чтобы об этом догадался кто-то еще. Хорвек, видимо, посчитав, что требования главаря разбойников вполне разумны, притянул меня к себе вместе с Харлем, и я замерла, вновь спрятав лицо у него на груди. Засвистели в воздухе стрелы, затрещал огонь, и даже с закрытыми веками я видела его красноватые отблески. Хохот оборотней сменился рычанием, но, хоть Хорвек и говорил, что псы колдуньи глупы, у них достало ума понять, что стоянку бывалых разбойников, увешанных оружием с ног до головы, им приступом не взять.

Захлебнувшись яростным воем, перешедшим в злобный лай, псы ведьмы отступили. За повозками уже тлели сухая трава и кустарник, подожженные горящими стрелами, и в красноватом мареве напоследок одна за другой мелькнули черные приземистые тени — числом то ли пять, то ли шесть.

— Проваливайте! Здесь будет погорячее, чем в вашей треклятой преисподней! — горланили разбойники, в запале пуская вслед им стрелы, но Глаас, сохранявший хладнокровие, приказал им остановиться.

— Ушли! — объявил он, довольно хлопнув в ладони, испачканные в собачьей крови. — Пусть знают, что вольный люд с пустошей не боится ни королевских слуг, ни бесовских порождений! Даже самые острые зубы можно выбить, а самую толстую шкуру — пустить на подстилку!

— Верно, ушли... — сказал кто-то из его людей, прислушиваясь к удаляющемуся вою. — Вот только псов наших жаль, испортила их бесовщина. Что ж это за твари такие? Раньше в этих местах таких не было. Откуда явились? Оборотни, да еще и стая...

— Что толку гадать? — перебил его мастер Глаас, не желая, чтобы рассуждения эти навели кого-нибудь на иные дурные мысли. — Как пришли, так и убрались, несолоно хлебавши. Псов найдем других, натаскаем. Что там с Кируу? Сильно ли его порвали?.. Эй Соль! Успокой лошадей, не то завтра эти клячи подохнут от усталости еще до полудня!

Воинственная суэта сменилась иной: все нуждались в передышке и люди Глааса торопливо устраняли беспорядок — кто-то оттаскивал мертвых псов подальше, кто-то умирал лошадей, другие притаптывали тлеющую от искр траву, чтобы огонь не добрался до повозок.

Из разрозненных ответов можно было понять, что Кируу получил серьезные раны, но кровью не истек. Еще несколько человек пострадали от укусов, хоть и не настолько серьезно. Мастер Глаас, выслушав жалобы, перемежаемые проклятиями, повернулся в нашу сторону, и крикнул:

— Ну, девка, ты хвалилась, что знаешь лекарское ремесло! Посмотри-ка, что там с руками Кирру! Ирну, забирай мальчишку в повозку. От вас все равно никакой пользы, так хоть глаза мозолить не будете...

Вскоре костер, в который подбросили дров, разгорелся пуще прежнего. На этот раз меня подпустили к огню ближе остальных — я осматривала раны разбойников, лихорадочно вспоминая все то, чему научил меня дядюшка Абсалом. Раны Кирру следовало зашить — чтобы понять это, не требовалось особых лекарственных знаний. Робко сообщив об этом, я втянула голову в плечи, опасаясь подзатыльников, но, к моему удивлению, нашлись и игла, и чистые нитки. Разбойничье ремесло никогда не было делом спокойным, и, наверняка, им не раз приходилось штопать друг другу шкуры. Но вот в то, что этому делу обучена я, глупая девчонка, им не верилось — это без труда читалось на грубых лицах. Наверняка они считали, что я, рассказывая о своих умениях, просто набивала себе цену в глазах главаря, и поэтому, не таясь, посмеивались, глядя на то, как я нерешительно подступаю к ранам.

Однако уроки дяди не прошли для меня даром. Если я чего и боялась всерьез, так это того, что от боли Кирру в ярости так изобьет меня, что не поможет и заступничество мастера Глааса. Дядюшка не раз говаривал, что гнев пациента — худшая опасность, подстерегающая лекаря, потому лучшие из клиентов — те, что лежат в беспомощности: ни с чем не спорят и рук не распускают.

— Не вздумай пнуть меня, слышишь? И даже плюнуть в меня не смей! — сурово предупредила я, глядя исподлобья на разбойника, морщившегося от боли. — Если твои раны не промыть, как следует, и не заштопать — можешь лишиться обеих рук! И, к слову, ты это заслужил — за то, что весь день лупил меня то по спине, то по уху!

— Если знаешь это дело, то начинай, а не болтай! — рявкнул Кирру, шурясь и вздрагивая от подступающей горячки. — Зашьешь справно, и я больше тебя пальцем не трону. Но если напортачишь — клянусь, что успею наподдать тебе пару раз до того, как расстанусь с руками. Эй, дайте мне фляжку, да такую, чтоб не на дне плескалось!..

Договор этот, хоть и был заключен на словах, однако успокоил меня. Вода, вскипяченная в котелке над костром, к тому времени уже остыла, и я занялась ранами, изо всех сил надеясь, что произвожу впечатление умелой знахарки. От усталости у меня в глазах все плыло, но Кирру, осушивший пару фляжек своих товарищей, остался доволен моей работой.

— И правда, — хрипло пробормотал он заплетающимся языком. — Девка шьет ровнее, чем ты, Сильтус. А ну-ка, дайте мне еще хлебнуть!..

До утра оставалось всего ничего, когда мне позволили уйти в повозку, и я, с трудом забравшись внутрь, повалилась рядом с Хорвеком. Он не спал, ожидая моего возвращения, но сказал лишь:

— Это только начало. Набирайся сил, они понадобятся.

После беспокойной ночи и люди, и лошади не успели как следует отдохнуть. Я видела, как тяжело шайке Глааса дались сборы в путь — вовсе не в таком настроении они уезжали от постоянного двора днем ранее. Возможно, из-за этой усталости отношение ко мне стало совсем иным — меня не щипали и не толкали, как вчера, — но я надеялась, что разбойники переменялись после того, как увидели, что я и вправду могу оказаться полезной.

Сама я едва переставляла ноги, спотыкаясь об каждый камень, и дело закончилось тем, что мастер Глаас усадил меня на коня позади себя, прикрикнув: «Не вздумай свалиться и переломать себе все кости!». Поступок этот донельзя удивил остальных разбойников и

вызвал некоторое оживление — кто-то шутливо заметил: «Мастер, как бы ваша женушка не повыдергала вам усы за тот подарок, что вы ей везете!». Из обмолвок я поняла, что как ни старался Глаас оставить в тайне то, что забирался ночью в нашу повозку, кто-то его все-таки приметил, и теперь шайка считала, будто главарь поддался на уговоры мелкого беса, нередко морочащего головы мужам в возрасте.

Хоть от шуток этих я заливалась краской, однако в некотором смысле положение мое улучшилось, ведь тумачов и подножек я теперь получала куда меньше. Глаас же не сводил с меня глаз — правда, вовсе по иной причине, нежели считали остальные разбойники. Приметив во время полуденной стоянки, что я потихоньку собираю еду, он пребольно схватил меня за ухо, отволок в сторону и рявкнул:

— Ты что это удумала? Дружка нечистого никак подкармливаешь? Я-то сквозь пальцы смотрю на то, как ты таскаешь то там ломоть, то сям кусок, но только если ты воруешь объедки для себя или для мальчишки! А покойнику есть человеческую пищу нельзя, как и живым нельзя касаться угощения для покойников. Уж это каждый знает! Пусть он лучше с голоду сдохнет, чем войдет в силу и обезумеет!

От боли в ухе у меня брызнули слезы, но я упрямо молчала, пританцовывая на месте. Глаас, поняв, что я так просто не сдамся, встряхнул меня, и еще грознее зарычал:

— На кой бес ты связалась с эдакой поганью, ну?! С ожившим покойником таскаться!.. Лучше уж с живым Ирну-северянином связаться, чем с одержимым...

— Ничего-то вы не поймете из моих объяснений, — дерзко ответила я, попискивая от боли, и чуть не прикусила язык, поняв, что говорю сейчас точь-в-точь как Хорвек. «Понабралась! — мрачно подумалось мне. — Скоро ни одного слова в простоте не скажу, как треклятый многоумный демон! Ох, не к добру это...». К счастью, Глаас, вместо того, чтобы надрать мне уши, как следует, отпустил меня, перед тем отобрав сверток с объедками, и хмуро пообещал:

— Увижу еще, что таскаешь еду для нечистого покойника — поколочу.

Я, засопев от бессильной обиды, одернула сбившуюся одежду, и для виду пошла слушать как Харль, уже позабывший ночную передрагу и освоившийся среди разбойничьей братии, увлеченно рассказывает очередную байку раненому Кирру и паре его приятелей.

— А скажи-ка, болтун, — кривоногий слушал мальчишку внимательно, но с заметной долей презрения, — отчего оборотни к нам привязались?

— Так ограбить хотели, — извернулся Харль. — У вас же полные повозки добра всякого!

— Разве оборотням нужно золото? — второй разбойник тоже доверчивостью не отличался. — Им кости человеческие подавай, а поживиться человечинкой куда проще, если держаться при поселениях, где народ смирный, глупый, точно скот домашний. Те люди, что на пустоши живут — добыча опасная. Мы и сами немало душ сгубили!

— Это смотря какие оборотни, — пустился в объяснения Харль, по бегающим глазам которого я угадала, что он понимает всю опасность подобных разговоров. — Есть дикие, цены золоту не знающие, а есть такие, что богатство любят не меньше драконов! Вот только пользу из денег извлекать — никак не умеют, нелюди, что с них взять?.. Набьют себе полную нору монет, и спят на золотишке всю зиму с пустым брюхом. Слыхали про Галеаса Золотую Пасть?.. Нет? Так слушайте! Такой древний волкодлак был, что от старости все зубы растерял. С людьми жил в миру, разве что старуху какую съест, если та за ягодами далеко в болота забредет и кричать начнет. Вот пошел Галеас-оборотень к кузнецу, что жил

в ближайшей деревне, принес с собой мешок золота, и говорит: сделай мне золотые зубы, а остаток забирай себе. Кузнец сначала от страха обомлел, увидав эдакого гостя, а затем, как мешок в руках взвесил — от счастья. Хоть и любил Галеас золото, но настоящую цену ему не знал, заплатил за работу в сто раз дороже, чем нужно — если не в тысячу. Поначалу кузнец честь по чести — выковал клыки золотые в палец длиной, отдал старому волкодлаку. А тот ему — мешок золота! Такого богатства отродясь в той деревне никто не видал, живи да радуйся. Но обуяла кузнеца жадность — все он вспоминал, сколько золота пошло на зубы для Галеаса-оборотня. Целая пасть! Тут как раз по деревне слух пошел, мол, помер на полнолуние старый волкодлак, три дня волки воют и луна всходит красная, как в кровь окунувшись. Кузнец не выдержал — побежал туда, где испокон веков было логово Галеаса, чтоб поковырять золотые зубы у мертвого оборотня. Да только никто его с той поры больше живым не видел. Золото тоже пропало, видать, забрал волкодлак обратно свое богатство...

— Что за дурень! — сплюнул Киру. — Прикончил бы оборотня, пока тот без зубов, да и забрал бы весь мешок! Правильно Зортан говорит — глупый народ, смиренный. Раз в жизни боднуть кого решит — и тут же на мясо пойдет. Одно огорчение слушать такие истории! Расскажи лучше чего повеселее!..

Харль начал новую историю, верно поняв, что порадует кривоногого: в этой байке разбойники грабили самих всемилостивых богов, ловко избегая наказания — и лицо Киру посветлело от мысли, что при должной смекалке облапошить можно не только королевских слуг, но и божественную силу. Я же, потихоньку осмотревшись, юркнула за колесо, рядом с которым, по своему обычаю, сидел на земле Хорвек, во время привалов гревшийся на солнце.

— Вот, держи! — я сунула ему обглоданную кость, которую не нашел при мне мастер Глаас. — Ух, старый мерзавец! Почти все отобрал! А ты сидел и смотрел, как он меня за уши таскает... Мог бы и зыркнуть на него тем самым взглядом — жалко что ли? Для тебя ведь стараюсь, хоть ты того не ценишь...

— Старый разбойник сказал все верно — тебе не нужно воровать для меня еду, — получила я привычный ответ.

— Уж я сама разберусь, что мне нужно, — огрызнулась я. — Все равно я буду тебе приносить еду, и даже если ты ее выбросишь — не перестану. Жаль только, если придется стерпеть взбучку безо всякой пользы... Так что ешь, иначе поколотят меня зазря.

Говоря это, я невольно почесала спину, занывшую от одной мысли о тяжелой руке Глааса. Сомневаться не приходилось — он свое обещание сдержит.

— Думаю, в ближайшее время мастеру Глаасу будет не до тебя, — сказал бывший демон, после некоторых раздумий принявший кость. — И это совсем не добрая весть, хотя от побоев радости тоже немного.

— Оборотни? — я спросила это, сглотнув комок, тут же застрявший в горле.

— Слишком легко они отступили сегодня ночью, — задумчиво ответил Хорвек.

Однако до самого вечера с нами в пути не случилось ничего такого, что подтвердило бы правдивость мрачных предсказаний демона. Мастер Глаас, очевидно испытывавший крайне противоречивые чувства в отношении своих пленников, усадил на своего коня еще и Харля, стершего ноги в кровь, а сам шел пешком, погрузившись в тяжкие раздумья. Мы с мальчишкой не слишком-то отличались друг от друга — простодушным натурам свойственно легко, по-детски переходить от отчаяния к радости. Позабыв обо всех своих бедах, мы неумело, но гордо восседали на вороном жеребце, украдкой понукая его пуститься

вскать по опасной узкой дороге. Это заставляло Глааса отвлекаться от тягостных размышлений, и на наши головы сыпалось немало отборных проклятий.

— Чертовы неблагодарные детишки! — ворчал старый разбойник, но звучало это совсем не так, чтобы в искренность его гнева можно было поверить.

Усталость заставила нас сделать привал еще до того, как сумерки начали сгущаться, и главарь был этим раздосадован.

— Эдак мы до самой зимы тащиться будем! — сказал он, но остальные разбойники негромко, но решительно принялись ему возражать: мол, ночь накануне выдалась тяжелой, лошади устали, раненым тоже нужен отдых, а завтра, с новыми силами, дорога покажется легче. Мастер Глаас и сам знал об этом, но все равно кривился и недовольно бил себя по ноге плетью.

Ни ручья, ни колодца здесь не было и пришлось довольствоваться той водой, что была припасена с собой.

— Все потому, что мы шли слишком медленно, — услышала я вновь сердитый голос Глааса. — Чуть быстрее переставляли бы ноги — и заночевали бы около старого колодца, который у Сытого холма. Поите лошадей как следует, а сами затягивайте пояса — с собой у нас воды не так уж много.

— Зато есть целый бочонок вина! — весело отозвался кто-то.

— Стакан того вина — и тебя будет проще выбросить на корм нечисти, чем тащить с собой! — гаркнул Глаас. — Это салатанская треклятая брага, от которой и тролль ослепнет!

Эти слова вызвали дружный смех, и еще долго нам с Харлем пришлось выслушивать истории о кабацких приключениях — одна другой похабнее. Разбойники оживились, позабыв об усталости, и сам мастер Глаас, как мне показалось, поддавшись общему настроению, посветлел лицом. Но веселые разговоры оборвались так же резко, как и начались: Хорвек, который выбрался из повозки, получив на то разрешение от Глааса, вдруг упал, как подкошенный, и некоторое время бился, точно в припадке, звеня цепями и прорывая глубокие борозды в земле скрюченными пальцами. Звуков он никаких при этом не издавал и тем страшнее было смотреть на этот приступ. Я, поборов оторопь, бросилась к нему, но Глаас вцепился в мое плечо и прошипел:

— Я говорил тебе, чтобы ты не кормила покойника пищей живых людей! Ему конец!

— Да что бы вы в этом смыслили! — вспыхнула я. — Уж если я до сих пор жива, то всяко знаю больше о том, как нужно обращаться с Хорвеком! Пустите меня к нему, если не хотите беды!

Нехотя Глаас отпустил меня, понимая, что происходящее и без того встревожило остальных, а перешептывания только усилят это беспокойство. Я же, хоть и заявила Глаасу, что знаю, как нужно себя вести, на самом деле действовала по наитию, или, скорее сказать — подчиняясь чувству острой жалости. Подойдя к Хорвеку, я опустилась рядом и звала его по имени, пока он не затих, уткнувшись лицом в землю.

Я попыталась напоить его, отдав свою долю воды, но тут терпение мастера Глааса истощилось, и я все-таки получила обещанную затрещину, от которой зазвенело в ушах.

— Отдала ему свою воду — больше никакой сегодня не получишь! — прорычал он, оттаскивая меня за шиворот. — А ты, Ирну... Устроишь еще одно такое представление — отвезу в Ликандрик только твои руки, их, небось, узнают по рисункам!

Хорвек, с трудом приподнявшись, отполз под повозку, где затаился, сипло дыша — точь-в-точь подыхающий пес, ищущий место потемнее, — а мне пришлось остаться у костра,

куда отволок меня Глаас. Смех, который раздавался здесь еще несколько минут назад, сменила тяжкая гнетущая тишина.

— Провалиться мне напрямиком в адский котел, — сказал кто-то из разбойников — должно быть, Скилум-Вороненок, тот самый, что узнал в Хорвеке северянина-убийцу, — если на Ирну не навели порчу. Он много зла совершил, вот кто-то не пожалел денег, да и нанял какую-то ведьму, чтоб вытянула из бродяги душу.

— А может, хлебнул дрянной воды из какой-то лужи, да не посмотрел, что там бесово копыто отпечаталось, — подхватил за ним Кирру, в котором Харль успел верно опознать благодарного слушателя всяческих баек о колдовстве и злых духах. — Северяне — народ дикий, сырое мясо едят — отчего бы им и не лакать воду из лужи, как собакам? Только разве разберешь, кто на дороге следы оставил — скотина домашняя или бес...

— Так и что — неужто вселится бес, если из лужи такой выпить? — удивился кто-то.

— Бес, может, и не вселится, однако порча выйдет великая, — отвечал Кирру. — Бывает, что человек шерстью покроется ни с того, ни с сего, или языка лишится, да начнет мычать, точно корова. Эй, сопляк! Как там тебя кличут? Харль?.. Ты хвалился, что много историй про колдовство знаешь — значит, слыхал о таких случаях!

Харль, к тому времени дремавший в обнимку с котелком, который ему полагалось скрести острым камнем дочиста — встрепенулся и немедленно начал рассказывать историю о принце, который в лесу повстречал немую красавицу, но не успел на ней жениться, как она обернулась дикой свиньей. Об опасности юношу сведущие люди предупреждали не раз, а пуще всех — главный ловчий, который углядел, что на шее у красотки растет щетина, однако принц был безутешен и ни разу с той поры не выезжал на охоту.

Рассказ имел большой успех — разбойники начали наперебой вспоминать знакомых девиц, которые могли оказаться оборотнями — какая-то была исключительно злобна нравом, иную в младенчестве нашли в лесу, а у некоторых щетина росла даже под носом!.. — но вновь разговор вернулся к Ирну-северянину.

— Точно ли это Ирну? — спросил задумчиво толстяк Сильтус. — Он еще у Торока мне показался странным парнем — тихим, словно из него жизнь по капле выцедили. Здесь, на пустошах, чего только не случается. Вон и вчера оборотня видали. Быть может, кто-то принял обличье северянина?

Поворот разговора этот не понравился Глаасу, который до сих пор молчаливо морщился, словно чуя дурной запах, но в общую беседу не вмешивался.

— Дожились! — воскликнул он в немалом раздражении. — Плести небылицы — не грех, хоть и годится такое дело только для недотеп, которым боги не дали умения удержать в руках меч. Но принимать на веру слово болтуна, у которого за каждым кустом — ведьма, а в каждой норе — оборотень, нам, вольным людям, не пристало. Если рассказы мальчишки вам эдак ум испортили — больше он рта не откроет. С чего вам порча в Ирну привиделась? На себя он не похож оттого, что знает — в конце пути его ждет смерть, и не из быстрых. Такие мысли любого изменят. А тих и смирен он из-за болезни. Эй, лекарка? Заразна ли болезнь Ирну? — громко обратился он ко мне.

— Нет! — торопливо произнесла я, не зная толком, каким словом помогу Хорвеку, а каким — наврежу.

— Кто бы сомневался! — хмыкнул старый разбойник. — Услышу, что кто-то вновь толкует о порче, бесах и колдовстве — язык у него отнимется не хуже, чем от воды из лужи с бесовским копытом!

Гнева Глааса опасались — это было видно по тому, как быстро разбойники отправились спать, сразу вспомнив, что завтра в пути придется ничуть не легче, чем сегодня.

И в эту ночь я отправилась спать в повозку, где обычно держали Хорвека. Харль, напротив, остался у костра, примостившись около раненого Кируу, которому приятели уступили самое теплое местечко. Похоже, мальчишка успел прийти по душе кое-кому из ребят Глааса, и к нему теперь относились, как к одной из тех собак, которых пришлось прирезать накануне ночью: с Харлем делились едой, добродушно трепали по голове, позволяли спать в ногах. Я же старалась держаться особняком, угрюмо зыря на каждого, кто пытался со мной заговорить. Всем своим видом я показывала, что подчиняюсь только мастеру Глаасу и не собираюсь сводить близкую дружбу ни с кем из разбойников — даже в обмен на медяк или добрый кусок мяса из похлебки. И даже от кружки с водой, которую, подмигивая, показал мне Соль, я отказалась, хоть в пересохшем горле першило, словно я наглоталась едкого дыма.

Улегшись в пыль рядом с повозкой я позвала Хорвека по имени, и вскоре услышала звон цепей. Усталый хриплый голос отозвался из темноты:

— И безумие, и разум подсказывают мне одно и то же: свернуть тебе шею. Не приближайся ко мне.

— Грозишься — значит, не убьешь, — нахально ответила я. — Выбирайся оттуда, я не желаю спать на голой земле!

— Не думаю, что этой ночью кому-то здесь удастся поспать, — сказал Хорвек, подвинувшись ближе, и я увидела, что глаза его вновь начали слабо светиться.

— Ты чувствуешь, что опасность близко? — прошептала я, тоже подавшись вперед, чтобы наш разговор не услышали дозорные или мастер Глаас, который, казалось, и сам обладал неким магическим даром подмечать каждую мелочь. — Ты слышишь оборотней? Или видел их?

— Нет, — ответил бывший демон резко. — Я не вижу и не слышу их, однако знаю, что они рядом. Так быть не должно. Шестое чувство свойственно лишь тем людям, у которых есть магический дар. У меня... нынешнего меня... его нет, я точно видел это. И никогда не бывало такого, чтобы чародейские способности появились из ниоткуда — они достаются человеку лишь при рождении.

— К тебе возвращается бесовская сила? — затаив дыхание, спросила я, не зная — испугаюсь или обрадуюсь утвердительному ответу.

— Я не знаю, что это за сила, — резко произнес Хорвек, и внезапно очутился так близко, что мы едва не стукнулись лбами. — Ее не может быть, но она есть. И она говорит мне, что оборотни хотят отомстить за смерть своего сородича. Они тут, дышат нам в спины, но опасаются нападать, и все это я чувствую так ясно, как будто читаю их мысли.

— Так пусть нюхают пыль, по которой прошли наши ноги, — я сделала рукой презрительный жест, решив, что не стану ломать голову над очередными недомолвками. — Собака за забором может громко лаять на прохожих и следить за ними в щели между досками, да только кто ее боится? Забирайся в повозку, не то Глаас заподозрит неладное и вытащит тебя отсюда за шиворот...

В повозке мы с Хорвеком свернулись тесным клубком, то ли согревая друг друга, то ли пытаясь обрести друг в друге покой, которого нам так недоставало. Хотелось пить, во рту пересохло, но я знала, что к бочонку с водой сегодня так просто не подобраться. Вспыльчивый и ревниво относящийся к своей власти мастер Глаас, узнав, что я не

смирилась с сегодняшним наказанием жаждой, мог всерьез рассердиться — а гнев старого разбойника был опасен.

Мрачные пророчества бывшего демона оправдались ближе к полуночи. Обратни, невидимые в темноте, взвыли так громко, что мне спронея показалось, будто это я разбудила саму себя криком из-за кошмарного сновидения.

— Они вернулись, — сказал Хорвек со странным удовлетворением. Глаза его полыхали алым пламенем, которое, впрочем, он тут же унял, заслышав неподалеку голос мастера Глааса, поднимавшего своих людей на защиту нашего лагеря.

В вое оборотней, походящем на крик и хохот одновременно, сегодня слышалось что-то иное, нежели в предыдущую ночь. Звуки эти не приближались и не удалялись: стая, окружив нас, замерла и принялась распевать песни на своем песье наречии. Зловещий хор переполошил всех, как и накануне ночью. Лошади, взбесившись от страха, рвались с привязи, не слушая окриков. Разбойники торопливо хватали оружие, а нас с Хорвеком вновь швырнули поближе к костру, где я, подслеповато щурясь, могла рассмотреть разве что темные фигуры, мечущиеся в дыму. Неподалеку обнаружился Харль, кутавшийся в теплый шерстяной плащ, который он выклянул у кого-то из разбойников. Несмотря на то, что я подзывала его, он не сдвинулся с места и я увидела в этом дурной знак: мальчишка решил, что нашел новых друзей, от которых можно выгадать пользы куда больше, чем от старых.

— Да где же эти треклятые твари? — гаркнул в сердцах Глаас, вглядываясь в темноту.

Кто-то из разбойников пустил наугад горящую стрелу, и она прочертила огненную полосу над повозками. Обратни ответили визгливым хохотом, эхом отозвавшимся со всех сторон, а затем взвыли вдвое громче и тоньше, из-за чего сразу несколько разбойников зажали уши — звуки эти были невыносимы, как скрежет железа по стеклу.

Суэта становилась все менее осмысленной — враг не торопился нападать, но и не отступал, и разбойники бранились все громче, не зная, чего ждать от ночных незваных гостей. Глаас, не выдержав, пнул Хорвека и прошипел:

— Чего они хотят? Ты-то должен знать повадки этой нечисти!..

— Они хотят, чтобы этой ночью твои люди не смогли отдохнуть, — Хорвек говорил тихо, но уверенно. — Утром они уйдут, а вы отправитесь в дорогу, но идти будете медленно и к вечеру окончательно выбьетесь из сил. Лишь стемнеет, как они снова вернуться, и это будет повторяться раз за разом...

Услышанное не понравилось мастеру Глаасу, и он отскочил от бывшего демона, словно обжегшись.

— Не позволяй никому из своих людей выходить за пределы лагеря, — сказал Хорвек чуть громче. — Вы живы только пока держитесь вместе.

— Ни слова больше, Ирну! — прорычал старый разбойник. — Я спросил лишь чего они хотят, а не твоих советов!

Однако я тут же услышала, как он приказывает своим людям оставаться на местах, что бы они не увидели и не услышали.

— Да ведь эта нечисть смеется над нами! — вскричал кто-то из молодых разбойников, разгоряченных происходящим. — Неужто мы не устроим славную охоту на проклятых тварей? Разве не загоняли мы раньше для забавы волкодлаков?

— Ночью проклятые твари устроят охоту на нас, это их время! — Глаас был суров. — Подбросьте больше хвороста в костер, и держитесь ближе к огню. Напасть они не решатся и утром уйдут.

— С чего они привязались к нам? — раздалась недовольные вопросы. — Чем они хотят поживиться? На кой ляд оборотням, лесным тварям, наше добро?

Однако мастер Глаас не собирался говорить правду или утруждать себя враньем. До самого утра мы слушали вой, от которого голова раскалывалась, словно по ней били острым камнем, и никто в эту ночь более не смог сомкнуть глаз. Как только над холмами заалела полоса рассвета, песня оборотней начала стихать. В предрассветном белесом мареве я увидела, что на большом сером камне чуть поодаль от крайней повозки лежит чудовище, с которым мы уже встречались — длинномордый уродливый зверь. Он потянулся, показывая нам свой обожженный бок и израненную морду, а затем, расхохотавшись совсем почеловечьи, легко спрыгнул в заросли вереска, и, медленно пошел прочь, словно будучи уверенным: никто не решится выпустить в него стрелу. То наверняка была мать Эйде, всю ночь принюхивавшаяся к запаху того, кто убил ее сына.

— Стреляйте в него! Что ж вы стоите, разинув рты?! — вскричал Глаас, но разбойниками овладело странное оцепенение, которое никто из них не сумел побороть.

— Оно что-то хочет от нас, — мрачно произнес раненый Кируу, измучившийся больше прочих. — Никогда не видал, чтобы нечисть вот так шла по следу, не пытаясь напасть. Это колдовство! Нас прокляли! Мы взяли себе что-то порченное, дурное, и оно приманило нечистую силу...

Говоря это, он, не скрываясь, глядел на Хорвека. За эту ночь подозрения и страхи окрепли, и мастер Глаас не мог не понимать это, оттого с преувеличенным усердием он принялся подгонять всех в дорогу.

— Сделаем ранний привал у Сытого холма, где колодец! — повторял он громко. — Нужно запастись водой, иначе и впрямь придется лакать салатанскую брагу...

Услышав про колодец, я облизала пересохшие губы. Глаас все еще косился на меня с подозрением, и воды мне перепало на доньшке кружки. Что люди, что лошади — все были измучены бессонной беспокойной ночью, и шли, едва переставляя ноги. Только когда вдали показались очертания холма, похожего на спящую собаку, на лицах разбойников появились улыбки и угрюмое молчание сменилось разговорами.

Колодец у подножия холма был давним местом стоянок. Торопливо расположившись в тени нескольких старых деревьев, разбойники подкатили почти пустой бочонок к колодцу. Нам с Харлем предстояло наполнять его, таская воду огромным ведром, которое показал нам Глаас, и мы заранее потирали спины, предчувствуя, как их будет ломить после эдакой работенки. Вначале разбойники хотели напиться свежей воды с дороги, и нас с Харлем оттеснили в сторону: наша очередь всегда и во всем — кроме работы — была последней. Оттого-то мы не сразу поняли, отчего вдруг Глаас разразился проклятиями, которые подхватили остальные.

Вода в колодце оказалась испорчена — с первым же ведром разбойники вытащили собачью голову: кто-то принес сюда останки собак, убитых в первую ночь, и сбросил вниз.

Напугать разбойников было непросто, но в злобной ругани слышалась растерянность: никогда им еще не доводилось попадать в подобную переделку. В столь диких краях, как Сольгеро поле, нечисть нередко охотилась на людей, но то были нападения, схожие с нападениями диких зверей, быстрые и бездумные. Оборотни же решили взять шайку измором, действуя хитро, сообща. Звериное чутье в них соединилось с истинно человеческим коварством: таких врагов у разбойников еще не бывало — а неизведанное всегда пугает.

— Неспроста это все! — говорили они друг другу. — Оборотни вцепились в нас, как репей. С чего бы им идти по нашему следу, да еще и портить воду в колодце? Дело нечисто, их что-то приманило!

— Это все Ирну, — сказал громко Киру. — С северянином приключилась какая-то колдовская дрянь. На эту вонь оборотни и пришли!

— Так может отдать им пленников? Порченого Ирну и мальчишку с девчонкой — на них наверняка тоже немало порчи налипло... Парень слишком много болтает обо всякой чертовщине, а девка, наоборот, молчит, словно язык отсох, — загомонили остальные. — Сколько б за них не заплатили в Ликандрике — бесы б их побрали! Лишиться из-за этого отребья жизни — слишком добрая цена за товар с гнильцой!..

Глаас, слушая это, хмурился, изредка бросая косые взгляды на нас с Харлем — мы затихли, как два мелких зверька, загнанных в угол. Харль вцепился в мою руку и мне захотелось сказать ему: «Вот видишь, что такое милость разбойников? Как собак своих прирезали, так и тебя выпотрошат, едва только покажется, что из этого можно выгадать пользу!», но, конечно же, смолчала — от страха, что взбудораженные разбойники окончательно озвереют, стоит кому-то из нас издать звук. В тот миг мне начало казаться, что главарь и сам склоняется к тому, чтобы избавиться от груза, оказавшегося непосильным. Как бы ни уважали его власть остальные — страх мог заставить их взбунтоваться, а единожды пошатнувшаяся власть уже никогда не будет прочной.

Однако я ошибалась. Была ли то жадность, или же мастера Глааса одолевали куда более сложные чувства, но от его резкого окрика разбойники на время притихли.

— Молчать! Снова бабьи пересуды! — воскликнул Глаас, кривясь и сплевывая. — Если б я и выкинул эту девку в ближайшую канаву, так только потому, что от нее вы переняли куриный бабский ум, как заразу! С чего вы, сучьи дети, решили, что оборотни угомонятся, если оставить им Ирну? Сами придумали какую-то порчу, сами же в нее и поверили. Теперь еще и оборотней, вшивую дикую погань, разумом наделяете! Да, ума у них поболее, чем у волка или собаки, однако же не настолько, чтобы перебирать харчами. Сегодня мы отдадим им пленников, а завтра они вернутся. Кого мы им тогда скормим? Тебя, Соль? Или Киру, от которого все равно никакого толку — одни разговоры о колдовстве и порче? Оголодавшее зверье просто-напросто хочет жрать, и никакой колдовской подоплеки здесь нет!

— Пусть так, — задиристо ответил Киру, задетый за живое тем, что его назвали бесполезным. — Однако из-за оборотней мы остались без воды, лошади устали, да и мы сами все утро глотаем одну лишь пыль! Оставим им пленников — и они отстанут хотя бы на время.

— Так оставайся в следующий раз при своей жене, — рявкнул Глаас. — Будешь глотать помои, которые она состряпает на те нищенские деньги, что ты заработаешь в своем захолустье! Или ты не знал, что на пустошах людям приходится тяжело, а дорога иной раз опасна? Я смотрю, давно вам перья не щипали, и от везения этого вы стали нежными, точно ликандрийские щеголи! Забыли, сколько раз приходилось уносить ноги от слуг короля? В тех передрыгах сложили головы и Райс Добряк, и Лийно — славные ребята! Но даже тогда я не слышал столь позорного нытья!

— Так в слугах у короля ходят люди, а не нечисть, — буркнул кто-то.

— Нечисть! Ха! — Глаас нарочито презрительно ухмыльнулся. — Вшивое зверье, сбившееся в стаю, и оттого обнаглевшее! Днем эти твари забиваются в темные щели и нос боятся показать. Королевская стража солнца не боится, да еще и спустит шкуру полосками

перед тем, как прикончить. Пораскиньте мозгами — что такого страшного в этих пустобрехах-оборотнях? Пусть мы останемся без воды на день, но к ночи выйдем к реке, если повернем на восток, а затем двинемся вдоль Ширека. Пусть попробуют отравить проточную воду!..

— Но путь вдоль Ширека вдвое длиннее, — неуверенно возразили ему.

— Зато у нас будет вдоволь воды, и мы сохраним все наше добро, — отрезал Глаас. — Не для того я торчал полгода на этих проклятых пустошах, чтобы смотреть, как у меня меж пальцев утекают деньги. А пленники — это деньги, и немалые. Разве для кого-то из вас они лишние настолько, чтобы швыряться монетами направо и налево? Мы продадим этих ребят, а выручку разделим между собой, и зимой, славно гуляя на праздники, я выпью за то, чтобы оборотни передохли с голоду. Пусть твари подавятся, я никому не отдам даром то, что пришло по воле богов в мои руки. Ни людям, ни нелюдям. И меня не испугать воем или падалью в колодце!

Речь эта пресекла недовольное ворчание. Главарь обратился к жадности своих людей, и она тут же отозвалась, заставив глаза разбойников заблестеть. Однако мне показалось, что Глаас не так уверен в своих словах, как хочет показать. Из подслушанных разговоров я поняла, что река не так уж близко, а уставшие лошади не смогут идти быстро. К воде ранее следующего полудня добраться при таких обстоятельствах не удалось бы — главарь намеренно солгал, и об этом знали. Погода выдалась ясная, солнечная, пить хотелось все сильнее.

После полудня ропот стал громче и мастер Глаас неохотно разрешил открыть бочку с той самой ядреной брагой. Она не слишком-то помогла, да и хмель оказался злым: вместо веселых разговоров слышалась только ругань. Я отказалась пить, чихнув от едкого запаха, и, сохранив ясный ум, видела все яснее: усталость, страх и пьяная одурь — плохое подспорье в пути. Любая пустячная стычка могла обернуться дракой, а любая драка стала бы началом бунта. И так как нас, пленников, защищала только воля Глааса — я боялась все сильнее.

— Ох, Хорвек, что же мы будем делать, если они решат оставить нас оборотням? — спросила я у бывшего демона, улучив минутку.

— Пока не оставили, — ответил он. — Жадность в этих людях сильнее страха, иначе они не подались бы в разбойники.

Глаас, судя по всему, считал так же, и лишь изредка грозно окликал по имени тех, кто начинал грызться между собой. Остановиться решили задолго до наступления темноты, пока не пришли оборотни.

— Упьетесь — вам крышка! — объявил Глаас, свирепо поглядывая на тех, кто подбирался к бочке с брагой. — Или вы думаете, что оборотни будут только визжать, пока вы спите мертвецким сном? Эта ночь будет ничем не легче предыдущей.

— Вон там, на горе! — разбойники зашумели, указывая на склон, залитый золотым предзакатным светом. — Снова она! Смотрите, она ждет!

И впрямь — среди камней стояла женщина в черном плаще. Ее длинные светлые волосы трепал ветер, лица было не разобрать, но я знала, что оно обезображено ожогами. Словно позволяя себя хорошо рассмотреть, она нарочито медленно отступила в тень и растворилась там бесследно. То было недвусмысленное обещание новой бессонной ночи — так оно и вышло. Разбойники досадовали от усталости и недосыпа, от тяжелой дороги, протяженность которой должна была увеличиться вдвое — но разговоры о том, что во всех этих бедах виноваты пленники, велись пока что вполголоса. Вновь горели всю ночь костры, вновь

ржали лошади, а из-за воя в ушах звенело, словно от хорошей затрещины.

От недостатка воды у всех потрескались губы, а у Хорвека, которому не досталось ни капли, и вовсе вокруг рта запеклась кровь, но едва только солнце встало, как мы двинулись в путь. Теперь люди подталкивали повозки, вели лошадей под уздцы, тащили поклажу на себе. Бывший демон теперь шел пешком вместе с остальными, звеня цепями — Глаас припомнил о своем обещании отрубить ему голову, если вдруг покажется, что живой пленник стал в тягость.

— Падут лошади — запрягу всех в повозки и буду погонять кнутом! — гремел голос Глааса. — Ширек близко! Там напьемся вволю!

Дорога становилась все хуже и иногда мне казалось, что сейчас оборотни в человеческом обличье могут легко победить измученных, уставших разбойников. Но слуги колдуньи не появлялись, и по лицу Хорвека я видела, что он чувствует в этом какой-то хитрый замысел.

После полудня дорога начала уходить вниз, склоны зазеленели, и вдали, между ивами, мелькнула серебристая лента реки. Лошади заржали, почуяв воду. Раздался смех, на лицах появились улыбки, словно до сей поры все были готовы поверить в темную магию оборотней, которая заставит реку исчезнуть.

— Берега у Широка болотисты, — задумчиво обратился к Глаасу Скиллум-Вороненок, не поддавшийся общей радости. — Это будет трудный путь. Оборотни загнали нас туда, где мы сами себя погубим. Все-таки лучше было бы избавиться от Ирну — зуб даю, это из-за него случился переполох.

— Наши повозки тяжелы — так не лучше ли заодно избавиться от повозок и идти вовсе налегке? — огрызнулся мастер Глаас. — Пленников я никому не подарю, так и знай!

Спуск был быстрым — жажда подгоняла нас лучше любых напутствий и угроз Глааса. После пыльных дорог пустошей прибрежная зелень казалась мне райскими угодами, где гуляют сами боги. Дорога вилась между мирными зарослями старых ив, лишь самую малость пожелтевших в преддверии осени, и радостное возбуждение нарастало, притупляя бдительность. Оттого даже Глаас был захвачен врасплох, когда оказалось, что место на берегу занято: у реки остановился отдохнуть какой-то нарядный господин: на зеленой траве стоял узорчатый шатер, рядом паслось несколько прекрасных лошадей, а около костра сутились двое юных слуг, один другого милевиднее.

— Что за черт? — раздалось встревоженное бормотание. — Откуда здесь взяться богатею? Уж не новые ли это колдовские штучки? Никак это обман, видение!

Но от котелка шел сытный дух, слуги добродушно переругивались, как это и полагалось им по должности, а из шатра показался их господин — веселый толстячок в яркой одежде, которая, несомненно, привела бы в полный восторг моего бедного дядюшку, имевшего склонность к обилию кружев и золоченых галунов.

— О, какая радость! — радушно вскричал он, увидев нас. — Я думал, что в этой глуши не встречу ни одной живой души! Что же вы стоите? Душевно рад! Клянусь всеми богами, что за чудесная случайность!..

Казалось, толстяк не замечает, как запылена одежда и лица у тех, кого он повстречал, и ему нет дела до того, что Хорвек, стоящий поодаль, закован в цепи, а некоторые из разбойников ранены. Он излучал столь явное благодушие, что даже Глаас усмехнулся, отвечая на сердечное приветствие — хотя в усмешке этой сквозила настороженность. Остальные разбойники — как ни пытались они придать своим лицам выражение

простодушия — с хищным любопытством оглядывали дорожную сбрую на лошадях, на время позабыв и о голоде, и о жажде.

Что-то заставило меня оглянуться на Хорвека: привычное безразличие на его лице сменилось выражением, которого я ранее не видела. Он пригнувшись, поводя головой по звериному, а верхняя губа подрагивала, словно бывший демон беззвучно рычал. Но стоило ему только поймать мой взгляд, как злобная гримаса была согнана с лица заметным усилием.

Мне нестерпимо хотелось спросить у Хорвека, какая опасность вызвала эти перемены, но Глаас громко приказал нам с Харлем приступать к работе: нарядный господин был столь любезен, что пригласил усталых путников разбить лагерь по соседству. За всей этой суетой мне удалось подслушать только пару слов из разговора, который мастер Глаас завел со странным новым знакомцем, и из него я поняла лишь то, что тот странствует в каких-то торговых нуждах.

— Богатый купец, — пробормотала я себе под нос, изнывая от желания расспросить Хорвека о том, что ему увиделось за румяной физиономией толстяка. Но, увы, за все это время у меня не вышло даже поднести ему воды — что уж говорить о разговоре! «Ох, отчего же моя голова не приспособлена разгадывать загадки? — сокрушалась я, изо всех сил пытаюсь рассуждать так же разумно, как это умел делать демон. — Я попросту вижу, что дело нечисто, и толстяк этот — такой же торговец, как люди Глааса — мирные путники. Однако чего же ждать от этой встречи? Что замышляет этот хитрец с масляной рожей?».

За этими размышлениями я не заметила, как мастер Глаас подошел ко мне, и едва не опрокинула котелок с похлебкой, которую помещивала, когда он гаркнул:

— Эй, ты! Йелла! Господин Мобрин пригласил меня отобедать с ним. Будешь при мне. Иди к реке, умойся как следует!

Я, ничего не поняв, побежала к воде, смывать с лица пыль пустошей, которая, казалось, въелась в мою кожу навсегда — даже сейчас я чувствовала во рту ее привкус. Зачем мастеру Глаасу понадобилось, чтобы я околачивалась рядом, пока он разделяет трапезу с толстым господином Мобрином? Старый разбойник был не из тех, кому нужно подавать чистые салфетки или чашу с водой для ополаскивания рук. Сказать по чести, даже с умытым лицом я не походила на служанку — скорее, на нищенку, невесть как прибывшую к путникам и работающую за кусок хлеба.

Мастер Глаас не собирался мне ничего объяснять, только поторапливал, беспокойно морща лоб.

— Пошли со мной, — приказал он с обычной грубоватостью. — Что бы ты не услышала — помалкивай, и мотай на ус... Эй, бездельник! Харль! Следи за похлебкой, бесы тебя деря. Да не вздумай никуда отойти!..

Я волновалась все сильнее, понимая, что старый разбойник о чем-то недоговаривает, но стоило мне только открыть рот, как он сердито крикнул: «Помалкивай, я сказал! Или позабыла?». Мы направились к шатру господина Мобрин, рядом с которым хорошенькие мальчишки-слуги уже накрыли стол. Изнеженный толстяк любил путешествовать с удобствами, и в дорогу захватил с собой набор изящной складной мебели. Сам он уже устроился за столом; один из слуг обмахивал его разноцветным опахалом, безуспешно пытаясь согнать излишнюю красноту с лица своего хозяина. Мастеру Глаасу был предложен стул, выглядевший хрупко, как гнездышко птички, свитое в зарослях тростника. Мое присутствие вызвало странную заминку.

— Сударь, неужто вы думаете, что мои люди недостаточно расторопны? — спросил господин Мобрин то ли обиженно, то ли сварливо, уставившись на меня немигающим жабьим взглядом.

— Как можно! — отозвался Глаас, усаживаясь за стол, слепивший глаза белоснежной скатертью. — Один из ваших мальчишек машет той штукой, и я подумал — до чего ж славная мысль в столь жаркий денек! Но не отбирать же мне у вас слуг для такого дела. Моя Йелла справится, если постарается как следует!

Я, окончательно опешив, принялась обмахивать старого разбойника салфеткой, на которую тот развязно указал. На лице господина Мобрина отразилась мимолетная, но явная досада — мастер Глаас порядочно спутал карты толстяку, притащив меня с собой, тем самым прямо показывая, что догадывается об игре, которая тут затевается. Но внешность рыхлого краснощекого Мобрина была обманчиво добродушной — я поняла это, когда увидела, как его глаза сощурились. «Бес с тобой, — говорил этот взгляд. — Раз ты не хочешь по хорошему — придется по плохому!».

— Ваше здоровье! — вслух сказал он, поднимая кубок с вином и растягивая губы в слащавой улыбке. — Вы правы, чем больше прислужников — тем удобнее господам!

Стол господину Мобрину накрыли отменный: обычно в дороге путешественники довольствуются едой попроще, но перед толстяком стояли сразу несколько дымящихся блюд, от запаха которых мой пустой живот подвело от голода. Однако Глаас позвал меня с собой явно не для того, чтобы накормить. И разбойник, и толстяк не смотрели в мою сторону, будто безмолвно условившись между собой, что меня здесь нет. Подчеркнуто грубовато отвечая на любезности Мобрина, старый разбойник с аппетитом обгрызал косточки перепелок, казалось, полностью сосредоточившись на этом нехитром, но приятном деле. Толстяк же, улыбаясь все чаще, болтал о какой-то ерунде, перескакивая с одного на другое так быстро, что я поняла: разговор этот ведется лишь для того, чтобы соблюсти видимость миролюбия — причем обе стороны это понимают.

— Так что же — далеко ли вы держите путь, сударь? — Мобрин задал этот вопрос небрежно, но чувствовалось: он уже подбирается к тому, что его интересует на самом деле.

— На Юг, в Ликандрик, — коротко ответил Глаас, не отводя пристального взгляда от круглого лоснящегося лица своего случайного сотрапезника.

— В Ликандрик? Но разве эта дорога не уводит вас в сторону? — невинно осведомился толстяк, которого резкость и немногословность Глааса, казалось, ничуть не смущали.

— Путь выдался не из легких, пришлось свернуть к реке, — разбойник отвечал так, словно держал в это время руку на рукояти меча.

— Ох, в наши времена чего только не встретишь в пути! — покачал головой Мобрин, состроив на лице дрянное подобие сочувствия. — Иные неприятности цепляются к путникам, как смола. Иди быстро или медленно, прямо или окольными путями — не отвяжутся. Что ж за дела у вас в Ликандрике? Желаете что-то купить или продать? Не считите за дерзость, но не похоже, чтобы те края вам были родными, равно как и эти.

— У вас зоркие глаза, — Глаас криво усмехнулся. — Да, мы с ребятами приторговываем кое-каким добром. Раздобыли немного товара в Лаэгрии и желаем продать в Лианне — там платят хорошую цену...

— ...И не спрашивают, откуда товар, — подхватил Мобрин, понимающе кивая. — Славное дельце. Вот только довезете ли вы свой груз до южных земель, раз уж путешествие началось не под счастливой звездой?

— Вольному человеку звезды не указ, и к опасностям мы привычны, — разбойник сощурился, ведь истинный смысл речи толстяка разгадал бы любой дурак. — Хотели бы мы иной жизни — не совались бы на Сольгерово поле. Воли чужой над собой я не терплю — ни людям, ни богам, ни кому-либо иному я не подчинюсь, вздумай кто меня принуждать!..

— Охотно верю, — согласился толстый хитрец, отвечая на сердитый прищур Глааса сладчайшими улыбками. — По вам издали видно, что вмешательства в свои дела вы не любите, делаете все по-своему, да и в ущерб себе дела не ведете... Я и сам торговец, мне ли не знать, что выгодная для двоих сделка избавляет от множества бед, в то время как ссоры и споры только порождают новые. Пусть вам не по сердцу принуждение, господин Глаас, но добрый совет вас, надеюсь, не обидит. Сдается мне, вас в пути задерживает излишек товара...

— Товар, как и деньги, лишним не бывает, — отрезал Глаас, но Мобрин продолжал:

— Разумеется! Но что если я перекуплю у вас кое-какую мелочь? Никто не желает расставаться со своим имуществом даром, но об этом и речь не идет. Сами посудите: что толку везти груз в Ликандрик, если деньги за него можно выручить здесь и сейчас, а затем с легкой душой вернуться на короткую дорогу, где ничто вас более не задержит?

— Что же за товар вас интересует, милейший? — с насмешкой осведомился разбойник, отхлебнув вина. — Меха? Ткани?.. Быть может, салатанская брага?..

— Рабы, — прямо ответил толстяк, сплетая свои пухлые пальцы, унизанные золотом. — Продайте мне рабов, которых вы хотите сбыть в Ликандрике, и к вам вернется удача, а к вашим людям — спокойствие.

И, произнеся это, он перевел взгляд своих узких черных глазок на меня, словно показывая, что время уверток и недомолвок прошло.

Я едва не выронила салфетку, которой обмахивала мастера Глааса, но разбойник кашлянул, свирепо зыркнув на меня.

— Что же случится, господин Мобрин, если я вам откажу? — спросил он, отодвинув в сторону столовые приборы.

— Откуда же мне знать? — развел руками толстяк. — Быть может, длинная дорога окажется такой же беспокойной, как и короткая. В низинах на дороге стоит вода, и тяжелые повозки увязнут в грязи, а лошади выбьются из сил. Ваши люди будут все громче говорить, что боги прогневались на вас, и искать причины подобной немилости. Готов побиться об заклад, кто-то уже говорил, что несчастья посыпались на ваши головы не просто так, — тут толстяк усмехнулся. — Давно ли при вас эти рабы? Не вышло ли так, что неприятности начались сразу после того, как вы ими обзавелись?

— Гм! — Глаас выглядел спокойным, но я видела по глазам, что разбойник взбешен угрозами, слышавшимися все более явно. — А не прекратятся ли эти неприятности, если я сейчас позволю своим людям разделить между собой ваше добро, сударь, перед тем повесив вас на вон той иве? Одной беспокойной ночью больше, одной меньше... Могли бы вы отнять силой то, что вам нужно — давно бы отняли. Не много ли вы на себя берете, господин Мобрин? Сдается мне, ваши слуги не из тех, что пригождаются днем — сейчас не их время, и защитить вас они не смогут...

Что-то заставило меня бросить взгляд на пестрый шатер — должно быть, какое-то движение или звук привлекли мое безотчетное внимание. Полог качнулся от ветра и я увидела бледные длинные пальцы, придержавшие его, а в полумраке блеснули хищные глаза. То была женщина — я успела заметить очертания ее гибкого тела, светлые длинные волосы, — и узнала мать оборотня Эйде; она прислушивалась к нашей беседе, спрятавшись от палящих лучей солнца под расшитым шелком — наверняка ожоги причиняли ей боль, усиливавшуюся при свете дня.

Толстяк Мобрин ничуть не встревожился из-за речи Глааса — напротив, глумливо захихикал и произнес:

— Не в обиду вам сказано, господин Глаас, но вы не из тех людей, что делают верные выводы из своих неприятностей. Впрочем, в том повинны предрассудки, которым подвержены почти все люди. Поверьте, существа ночи действуют не одной лишь грубой силой и умеют считать, соотнося потери и выгоду. Ввязываться в драку, не попробовав перед тем договориться — верный путь к лишним жертвам. Вы хотите сберечь своих людей? Ну а я желаю сберечь своих... слуг. Смотрите, что за славные мальчики, — он поманил к себе одного из прислужников и, сладко прищурившись, потрепал того по золотистым волосам. — Разве он не чудо?.. Как у вас повернулся язык сказать, что вы готовы пролить кровь этих прекрасных созданий...

Ласки Мобрина выглядели отталкивающе, но меня передернуло вовсе не из-за этих сладострастных ужимок, напоминающих одновременно и обращение с любимым щенком, и что-то куда более гадкое. Запоздало я сообразила, что светловолосые юные слуги неуловимо похожи на Эйде, смерть которого мне довелось увидеть слишком близко. Толстяк, причмокивая и вздыхая, гладил волосы юноши, а затем, словно вспомнив о чем-то более

важном, резко оттолкнул слугу в сторону и повернулся к Глаасу. Снова мне вспомнились ухватки псарей, у которых любовь к своим питомцам всегда соседствовала с жестокостью, позволяющей без лишних размышлений топить лишний приплод или полосовать плетью псов за непокорность.

— Я говорил, что мы не желаем лишней крови, сударь, — произнес господин Мобрин неожиданно жестким и сухим тоном. — Но когда речь идет о мести — лишней крови не бывает. Раз уж вы настаиваете, я ради шутки допущу, что вы можете сейчас убить меня, убить моих маленьких прекрасных слуг — хоть это и совершеннейшая неправда, поверьте. Но после этого вам не уйти далеко. Следующая ночь станет для вас последней, ведь после первой же смерти никто не будет далее сомневаться, стоит ли эта игра свеч. У этих мальчиков есть братья и сестры — о, это очень злопамятная семья, не стоит вам знакомиться с ней ближе! Вас захотят уничтожить — и уничтожат любой ценой, не сомневайтесь. Вы упрямы и не желаете подчиняться чужим указаниям — но готовы ли вы платить за упрямство жизнью? Если вы готовы погубить себя, защищая невесту что — ваше право, но решитесь ли вы обречь на смерть своих людей? Даже если вы не признаетесь им, в чем дело, а попросту призовете сейчас — грабьте! — все равно их последующая гибель останется на вашей совести. Если утаите, что я предлагал купить рабов, и поведете свой отряд в болота, где половина его сгинет в топи, а остальные подхватят лихорадку — опять вина будет вашей и только вашей.

Толстяк знал, о чем говорит — мастер Глаас и в самом деле прежде всего был главарем своей шайки; власть его прочие разбойники признали добровольно и подчинялись не из одного лишь слепого страха. Уважение нельзя заслужить одной лишь жестокостью да громкими криками. Старый главарь много лет берег своих людей от гнева королевских слуг и от нечисти Сольгерова поля, и хоть забота эта на первый взгляд мало походила на отцовскую — намеренно подвергать опасности свой отряд он не мог, пусть от злобы его глаза налились кровью.

— Ладно же, — процедил он, резко поднявшись со своего места, и едва не сбив меня с ног при этом. — Я понял, как вы ведете дела, сударь.

— Поверьте, я куда честнее многих! — протестуяще всплеснул руками Мобрин, также встав из-за стола, пыхтя и утирая лоб. — Я дам хорошую цену за ваших рабов. Сколько вы надеялись выручить за них в Ликандрике? Сто золотых?

— Только одна награда за голову Ирну-северянина — пятьдесят крон, — хмуро отвечал Глаас, не утративший деловой хватки даже при столь невыгодных для себя обстоятельствах.

На лице толстяка отразилось замешательство, но, скорее всего, оно относилось не к ходу торга, а к названному имени, которое было, очевидно, ему незнакомо. Однако он тут же пожал покатыми пухлыми плечами и торопливо предложил полтора крона за всех, тем самым сравнив нас с Харлем в цене с Ирну. Это было необычайно щедрым предложением, и Глаас недоверчиво ухмыльнулся, на мгновение позабыв о своем гневе.

— Готовьте деньги, сударь, — отрывисто произнес он. — Я передам вам товар из рук в руки, при свидетелях, чтобы мои люди знали, сколько я выручил за рабов и не болтали за моей спиной о каких-то тайных шашнях.

Объявив это, он резко повернулся и направился в сторону стоянки, где остальные уже доедали похлебку, кое-как сваренную Харлем. Я, чувствуя, как спину мне буравит злобный взгляд существа, скрывавшегося в шатре, едва переставляла ноги.

— Пошевеливайся, — прикрикнул на меня Глаас, казавшийся мне теперь враждебным и

недобрым человеком, ничуть не похожим на дядюшку Абсалома. Но стоило мне поравняться с ним, как он, понизив голос, принялся быстро говорить, не поворачивая ко мне головы.

— Ты сама все слышала. Проклятый бес — или кто там засел в шкуре этого жирного ублюдка?.. — загнал меня в угол. Я не могу рисковать своими людьми, хотя охотно заколотил золото этой твари в глотку. Меня всегда предупреждали, что иметь дело с нелюдями нельзя, пусть даже я хожу по нечестной дорожке, которая нередко приводит к знакомству с темной силой... Даже если твари из преисподней щедро тебе платят — ты все равно не обрадуешься их деньгам, и ничем добрым эти сделки не оборачиваются. Боги до сего дня берегли меня от порчи, и я впервые сиживал за столом с нечистью. Но даже бесу из преисподней я не позволю вертеть собой, как ему вздумается. Напоследок я подложу ему свинью, не будь я Глаас из Янскерка. Слушай меня внимательно: я отдам тебе ключи от кандалов твоего одержимого дружка — освободи его. Пусть демоны грызут друг друга, а ты, Йелла, уходи, как только выдастся случай, и уводи с собой мальчишку. Зря вы связались с эдакой дрянью. Хотел бы я помочь вам — да не могу, и в том виноваты вы сами.

Я торопливо спрятала подсунутые мне ключи, хоть отчаяние подсказывало: старый разбойник, хоть и понимал больше прочих, однако все равно ошибался. Хорвек уже не был демоном, и кто бы не скрывался под личной Мобрини — противника этого нам не одолеть...

Как и предсказывал купец-самозванец, весть о том, что от пленников можно избавиться, да еще и со значительной выгодой, обрадовала остальных разбойников. По тому, как дружно они смеялись, потирали руки и поздравляли друг друга с внезапной прибылью, можно было судить, насколько силен был в них страх перед таинственным проклятием, приманившим оборотней. Только по лицу Глааса время от времени пробежала тень, остальные же, хоть и не могли не понимать, что сделка эта свершилась отнюдь не случайно, радовались от души: продать таких дрянных пленников, как мы, казалось им чрезвычайной удачей, пусть даже от покупателя за версту несло вонью преисподней.

Ничего не понимавший Харль метался между разбойниками, жалобно заглядывая им в глаза. Многие отводили взгляд — болтливый мальчишка пришелся по душе бродягам, ценившим долгие ночные рассказы у костра. Я же, изобразив схожую растерянность, прикинула к Хорвеку, неподвижно сидевшему около своей повозки-тюрьмы, и украдкой попыталась повернуть ключ, чтобы освободить его от оков — хоть и не знала, поможет ли это нам хоть сколько-нибудь.

— Этот толстый мерзавец послан сюда ведьмой, — шептала я Хорвеку, который внешне казался безучастным. — Он выкупил нас у разбойников! При нем псы-оборотни, только и ждут, чтобы перегрызть всем глотки! Да и сам он наверняка оборотень...

— Нет, — вдруг промолвил Хорвек, хотя до сей поры мне казалось, что он вовсе меня не слышит. — Он не оборотень.

— Ты знаешь его?

— Когда-то мы встречались, — коротко ответил бывший демон, как это с ним бывало, когда он не желал откровенничать.

— Сколько же у негодной ведьмы приспешников!.. — бормотала я, сопя от напряжения. — Целая армия, один другого гаже, и все по нашу душу...

Тут ключ наконец-то провернулся, и мне показалось, что звяканье это непременно услышат все вокруг — но звук этот был оглушительным только в моем воображении; разбойники продолжали веселиться и делить скорую прибыль. На нас никто не обращал внимания — уж больно хотелось всем побыстрее избавиться от нашего досадного

присутствия.

Харля, как он ни вздыхал и как не хныкал, пинком отправили ко мне, приговаривая, что рабам положено держаться вместе. Затем мастер Глаас указал на тех, кого решил взять в свидетели торговой сделки, и крикнул, чтобы мы поднимались. На мгновение его взгляд задержался на мне, и я чуть заметно кивнула, безмолвно сообщая, что сумела воспользоваться ключом.

Господин Мобрин ожидал нас, сидя за столом и довольно улыбаясь. День сегодня выдался солнечным, хоть от реки и тянуло прохладой, и лицо толстяка лоснилось все сильнее. Мне подумалось, что не так уж спокойно у него на душе, как он хочет показать. Завидев Хорвека, он неуловимо изменился, словно увиденное поражало его, вызывало отвращение и любопытство одновременно, но эти чувства блекли перед самым главным, заставлявшим глаза Мобринна лихорадочно блестеть: то было нескрываемое торжество.

Хорвек смотрел на него прямо, не уводя взгляд в сторону. Что заставляло его губы подрагивать — гнев, ненависть или обычная равнодушная усмешка — я разгадать не могла. Харль дергал меня за руку, тихонько ныл и вопрошал, не пришел ли нам конец. Что я могла сказать ему? Мне самой было невдомек, как спасти наши головы на этот раз. Неясное сомнение заставило меня запустить руку в сумку — там все еще хранился огарок черной свечи. Но пришло ли время его израсходовать? И мог ли он спасти нас из этой беды?.. Хорвек не вспоминал о нем — быть может, оттого, что свеча давно стала бесполезной... Забыв о своем недавнем страхе перед магией, я горестно вопрошала у самой себя: «Отчего я так мало смыслю в колдовстве? Почему не расспрашивала демона о чародейском ремесле, когда нам выпадала возможность поговорить? Кто знает, вдруг бы он объяснил мне, на что годен этот проклятуший огарок?!..».

Тем временем, мы вплотную приблизились к господину Мобрину, и мастер Глаас вытолкнул нас вперед, приглашая покупателя рассмотреть товар как следует.

— Обратной силы сделка не имеет, — пророкотал он. — Подумайте хорошенько, сударь, перед тем как мы пожмем руки.

— От своего слова я не отступаю, — сладчайшим тоном отвечал толстяк, не сводивший взгляд с Хорвека. — За всех даю полтораста крон, да еще и угощу ваших людей добрым вином...

Трое разбойников, взятых в свидетели, вразной присвистнули, едва веря своему везению, и принялись вполголоса переговариваться с довольным видом. Как по волшебству на столе перед Мобринном появились три кошель с монетами, которые он пододвинул к Глаасу и жестом пригласил пересчитать. Главарь деловито взвесил золото в руке, и принялся скрупулезно пересчитывать тяжелые монеты, с деланной небрежностью рассыпав их по скатерти. От блеска золота разбойники и вовсе пришли в восторг, став похожими на сущих детишек, которым вдруг перепало сладостей. Похожие чувства обуревали и Мобринна, хоть и совсем по иному поводу.

— Ты... — толстяк указал на Хорвека, едва не дрожа от радостного предвкушения какой-то забавы, суть которой была понятна только ему. — Подойди ближе, раб!

Бывший демон медленно шагнул вперед, зазвенев цепями. Мобрин пожирал его глазами, и я видела, что его радует каждая рана, замеченная им на теле Хорвека: он с жадным удовольствием смотрел на глубокие кровавые мозоли от цепей, на израненные босые ноги, на лицо, покрывшееся бурой коркой из-за жажды и приступов одержимости.

— Я и впрямь слишком щедр, — нараспев произнес он. — Это не стоило ни пятидесяти

золотых, ни пяти. Что за отребье, что за ничтожное создание... Жалкое положение для жалкого неудачника!..

Глаас, казалось, полностью сосредоточившийся на подсчете монет, нахмурился, услышав начало этой странной речи, но продолжил пересыпать золото в кошель. «Меня это более не касается, — говорил весь его равнодушный вид. — Начинайте ваши нечистые игры, а мое дело — забрать причитающиеся мне деньги и унести побыстрее ноги!». Но я знала, что старый разбойник не так уж корыстолюбив, и в глубине души не желал этого золота — что, впрочем, ничего не меняло.

— Дай-ка я рассмотрю тебя как следует, раб, — продолжал Мобрин, словно забывшись и не обращая внимания ни на кого, кроме Хорвека, замершего перед ним. — Что за отрепья, что за грязь... Наверняка ты вшивее бродячего пса. Но смотришь слишком дерзко! Или ты не понял еще, что я стал твоим хозяином?

Бывший демон слушал его, слегка наклоняя голову из стороны в сторону, как будто пытаюсь уловить смысл слов Мобрина, и выглядело это откровенной насмешкой.

— Ты слышишь меня?! — вскричал толстяк, выходя из себя. — Не изображай, будто ничего не понимаешь! Ты мой! Я твой хозяин! На колени передо мной, ничтожество!

В ярости он вскочил из-за стола и встал перед Хорвеком, одежда которого немедленно стала казаться еще более грязной и изорванной в сравнении с шелковым узорчатым нарядом толстяка. Мы с Харлем испуганно отпрянули, но до нас Мобрину не было дело — его занимал только Хорвек, все так же прямо и спокойно глядевший на него.

— На колени передо мной! — все громче вопил купец-самозванец, побагровев до сизого оттенка. — Ты раб, презренный червь, грязь в сравнении со мной, и я теперь распоряжаюсь твоей жизнью!

— Да, — тихо ответил Хорвек. — Все меняется. И, быть может, изменится снова.

— Что? — не веря своим ушам переспросил толстяк, захлебываясь от злости. — Ты смеешь говорить со мной, как с равным? Ты ослеп или оглох? Я твой господин, ты принадлежишь мне целиком и полностью, слышишь?

— Полагаю, что это не так, — возразил Хорвек со слабой, но нескрываемой улыбкой на губах. — Убить ты меня не можешь. Ведь ты и сам раб, повинующийся чужим приказам. Мы, предатели, всегда так заканчиваем.

Слова эти, бывшие, по всей видимости, правдивыми, оказали на господина Мобрина сильнейшее воздействие: он издал яростный звериный визг, а затем ударил Хорвека невесть откуда взявшимся в его руках коротким хлыстом.

— Ты поклонись мне! — визжал он, замахиваясь снова и снова. — Над тобой сегодня моя власть!

Брызнула кровь — должно быть, хлыст рассек Хорвеку лицо, но тот не издал ни звука, лишь пошатнулся. Разбойники невозмутимо пересчитывали золото, повернувшись к нам спинами, а Харль от ужаса упал на землю, уткнувшись носом мне в колени — бедняга решил, что Мобрин собирается обойтись подобным образом и с нами, когда ему наскучит первый раб.

Для меня самой стало странным то, каким сильным гневом отозвалось в моей душе унижение, которому подвергался Хорвек. От первых же презрительных слов толстяка, обращенных к демону, мое дыхание перехватило, лицо вспыхнуло, и мне подумалось, что я бы убила Мобрину, если бы только в моих руках имелось оружие. В тот миг, когда капли крови брызнули на траву, все вокруг меня утонуло в красноватом душном тумане. Словно

издалека до меня донесся громкий голос, требовавший помощи, и я с удивлением поняла, что эти слова произношу я сама, а руку мне жжет черный огарок свечи. Я швырнула его на землю, продолжая яростно кричать, и последнее, что мне запомнилось до того, как духи ответили на мой призыв — удивленное лицо мастера Глааса.

А затем нас разметал в стороны столб огня, с ревом устремившийся в небеса, чтобы оттуда безжалостной волной обрушиться на шатер Мобрина. Я успела заметить, как покатались во все стороны разбойники, успев при том сдернуть со стола скатерть вместе с монетами. Харль рядом со мной отплевывался от мусора, набившегося в рот, и я, убедившись, что ему попросту опалило волосы да ушибло о землю, принялась искать взглядом Хорвека. Он нашелся неподалеку — поднимался на ноги, потряхивая головой, и я успела самодовольно подумать, что сумела верно использовать колдовской предмет, пусть даже действовала по собственному почину.

Разумеется, я ошибалась.

...Шатер пылал, языки огня напоминали то лепестки цветка, то крылья птицы, вот-вот готовой взлететь к небу. Слепительное, почти белое пламя в единый миг вычернило траву, выжгло землю, и, глотнув раскаленного воздуха, я закашлялась, хоть густой дым клубился пока еще высоко вверху, не успев осесть на землю. Инстинктивно я отпрянула от жара, бьющего в лицо, и что-то темное, огромное, пылающее и дымящееся метнулось вслед за мной, появившись из облака пепла.

Не сразу я поняла, что вижу перед собой Мобрина. Черен он стал вовсе не из-за сажи и копоти — таковым было его истинное лицо. «Глаас не ошибся! — подумала я, замерев от ужаса. — Это демон!». Я видела раньше эту угольную кожу, покрытую мелкими чешуйками — у виселицы Таммельна, когда тело Рекхе по приказу господина Огасто вздернули за ноги, чтобы показать горожанам мертвого демона. Сбросивший личину Мобрин рычал от ненависти и метил в горло загнутыми когтями, которые наверняка расплосовали бы мою шею, если бы Хорвек, очутившийся рядом на мгновение раньше, не заслониł меня своим телом. Толстяк, сейчас напоминавший хищного жирного ящера, страшным усилием заставил себя остановиться, и отдернул когтистые лапы от груди своего раба, словно обжегшись, хоть по его рычанию было понятно: вырвать сердце Хорвека он хочет более всего на свете.

Его кратковременное замешательство сослужило нам добрую службу: где-то высоко вверху, над нашими головами раскатился странный трескучий звук, переходящий в пронзительный стон — казалось, само небо кричит в отчаянии.

Я, запрокинув голову, увидела, что огненная птица, которая вот-вот собиралась взмахнуть крыльями и улететь, бьется, словно обезумевшая. В пламени, из которого она состояла, появились два сгустка тьмы — глаза, через которые духи огня искали что-то внизу, на выжженной земле.

Хорвек, увидевший то же, что и я, коротко выругался, и не тратя времени на какие-либо объяснения, с неожиданной силой ударил Мобрина, также уставившегося в грозные огненные небеса. Тот, застигнутый врасплох, шипя и визжа, покатился по выгоревшей земле, подняв целое облако золы, подсвеченное красными искрами. В следующий миг Хорвек ногой отпихнул в сторону Харля, гаркнув тому на ухо: «Беги прочь!», а еще спустя один удар сердца я уже катилась по обрывистому берегу напрямик в реку — именно туда меня швырнули, ничуть не заботясь о том, что эдак у меня переломаются все кости. Но едва я только забарахталась в воде, пытаюсь приподняться, как увидела, что огненное существо

падает на меня, распластав огромные пламенные крылья. От него-то и пытался спасти меня бывший демон.

Проклиная мокрую одежду, стесняющую движения, я, спотыкаясь, бросилась прочь от берега, то ли ныряя, то ли попросту падая плашмя в воду. Река вскипела там, где ее коснулся огонь, и когда я вынырнула, кашляя и отплевываясь, все кругом затянуло паром, словно я очутилась в котелке с бурлящей похлебкой. Красное зарево окружало меня со всех сторон — пылал берег, трещали загоревшиеся камыши, и само небо затянуло огнем, как будто среди бела дня над рекой собрались закатные алые облака. С трудом я различала песчаный обрыв, хоть он был совсем близко, и не сразу поняла, что за дымящийся горящий клубок катится в воду. Но крики, переходящие в рычание помогли мне угадать: то были сцепившиеся Хорвек и Мобрин. Бывший демон и демон настоящий, опаленные колдовским огнем, яростно боролись друг с другом, словно не замечая бушующего вокруг пожара.

Вряд ли то было подходящее время для раздумий, но я застыла, пораженная нехитрой мыслью: обычному человеку не под силу бороться с демоном, однако Хорвек сопротивлялся противнику, как равный. Они подняли тучу грязных брызг, скрывшись под водой, а затем беспокойная поверхность реки всколыхнулась, будто само речное дно вздыбилось. Поднявшаяся мутная волна утащила меня за собой, едва не утопив в омуте. Магия демона была сильна — он успел сотворить колдовство, заставившее огненную птицу с испуганным криком взвиться ввысь, словно вода, взметнувшаяся вверх исполинским фонтаном, могла испортить ее пламенное оперение. Частично оглушенного Хорвека подводный взрыв отбросил на прибрежную отмель, в тлеющие заросли камышей — я скорее догадалась об этом, чем разглядела, — и поняла, что эту его временную слабость разозленный Мобрин использует для решающего удара. Черное жирное тело с негромким всплеском скользнуло по воде из глубины, точно огромная пиявка, но я, внезапно сообразив, как помешать его намерениям, тоже бросилась к берегу, увязая в водорослях и иле. Хорвек, шатаясь, встал на ноги, мигом позже рядом с ним очутился Мобрин, в чьих лапах сверкал диковинный кинжал, напоминавший огромный коготь. Но не успел он замахнуться, как я, плюхнувшись рядом, закричала.

— Я здесь, духи огня! Видите? Я здесь!!!

Огненная птица ответила гневным клекотом, и тут же на нас пахнуло жаром, заставившим Мобрину первым ринуться в воду с головой, вновь напомнив мне при этом черную жабу, которая одним скачком прячется в тине, почуяв опасность. Я, безо всяких лишних слов, схватила за руку Хорвека и потащила его за собой, торопясь нырнуть поглубже — туда, где вода доходила бы нам хотя бы до груди. Мне казалось, он все еще не пришел в себя, поэтому едва не закричала от отчаяния, когда почувствовала, как его пальцы выскользнули из моей ладони. Нахлебавшись воды, я закашлялась и отбросив мысли об огненной угрозе, устремилась вверх, к воздуху. В конце концов, утонуть ничуть не лучше, чем изжариться — говорила себе я, ощущая, как легкие пронзает острая боль. Обжигающий пар заставил меня кашлять еще сильнее — дух огня вновь пронесся над самой поверхностью реки, тщетно пытаюсь отыскать и испепелить дерзкого ничтожного врага. Вынырни я мгновением раньше — огненный удар непременно достиг бы своей цели, но теперь у меня имелось несколько безопасных секунд, чтобы перевести дух.

В клубящихся испарениях, отдающих речной илистой гнильцой, даже близкий берег было не разглядеть — только красноватые отблески пожара указывали, что в той стороне располагалась стоянка невезучих разбойников мастера Глааса. В уши набралось полно воды, оттого я с трудом разбирала звуки: крики людей, треск горящих деревьев, гул огня, ржание лошадей — все это сливалось воедино. Однако хриплый злобный вопль прорезал монотонный шум, и я сразу угадала, что слышу вой Мобрина. «Он убил Хорвека и торжествует!» — от этой мысли я позабыла обо всем на свете и ринулась вперед, не понимая, от холода ли трясусь, или от ужаса. Огненная птица кричала где-то высоко в небе, обещая страшно отомстить, едва только я вновь попадусь ей на глаза.

...Они вновь очутились у самого берега, и оставалось только догадываться, какая короткая, отчаянная борьба предшествовала этому — то ли Хорвек отыскал под водой демона, то ли демон сам подждал его в омуте. Тяжело дышащие, облепленные грязью и

водорослями, противники лежали на мелководе, и кинжал Мобрин, перешедший в руки Хорвека, был приставлен к мелкочешуйчатой жирной шее черного существа иного мира. Глаза у обоих светились алым пламенем, словно дух огня вставил им в глазницы раскаленные угольки.

— Ты не мог!.. — шипел Мобрин, извиваясь в илистой грязи. — Ты не мог этого сделать!

— Мог и сделал, — ответил Хорвек хрипло, прерывисто, но уверенно. — И ты расскажешь об этом ей, своей хозяйке. Расскажешь, что я отныне не демон, не человек, и не мертвец, но порождение этого мира, не имеющее названия. И мне не нужна человеческая кровь, чтобы войти в силу, как прежде. Слышишь? Ты, бывший раб моего отца, колдуешь в этом мире только на крови, потому что здесь ты — чужак. И твоя госпожа поит тебя кровью, купив тебя с потрохами. А я теперь другой, и с подобными мне существами твоя хозяйка еще не встречалась. Но встретится, я обещаю.

— Ты отпустишь меня? — в голосе демона промелькнула униженная нотка, и я поняла, что он действительно испуган тем, что видит.

— Разумеется, нет, — ответил Хорвек. — Твоя госпожа умеет говорить с мертвецами, и ты передашь ей мои слова, даже превратившись в пададь.

Мобрин захрипел, и вода вокруг него почернела — кровь, казавшаяся темнее речного ила, хлестала из его перерезанного горла. Хорвек же, подняв голову, увидел меня, замершую по колено в воде, и резко прикрикнул:

— Что стоишь? Разве забыла, что кровь демонов — яд?

— Но огненный дух... — растерянно бормотала я, торопливо выбираясь на берег, усыпанный горячей золой. — Он сейчас вновь падет с неба... Дохнет на нас — и только горсточка угольков останется...

Пар здесь смешался с дымом, и я все равно не могла ничего разобрать перед собой — глаза слезились, а в горле першило. Выше, над рекой пылали деревья, здесь же огненный вихрь выжег все начисто, превратив берег в пепелище, затянутое густым едким дымом. Хорвек принюхивался, прислушивался, потихоньку взбираясь на обрыв и показывая мне, чтобы я держалась рядом.

— Дух огня слабеет, но в воде нам не отсидеться — хозяин здешней реки наверняка в гневе и не прикончил нас только потому, что не успел. Ты разгневала старых духов, уж не знаю чем, да и не время сейчас искать причину... Посмотрим, что за наследство мне досталось от моего же бывшего слуги...

— Мобрин был твоим слугой? — пискнула я, сама не зная, зачем мне знать обо всем этом.

— Никуда не годным слугой, как видишь, — хмыкнул бывший демон. — Он сговорился с рыжей ведьмой. Служить человеку ему показалось более выгодным делом, чем соблюдать клятву верности, данную дому своего короля.

— Но ведь ты... ты был куда знатнее, чем какой-то толстый придворный лизоблюд! Отчего же она...

— Предала меня? — он хохотнул, словно его и вправду забавляли эти воспоминания. — Я был глуп, но горд, и управлять мной возможно было только при помощи хитрости и лжи. А госпожа чародейка отличается редкими практицизмом — ей показалось, что слуги-демона, требующего лишь кровавых подачек, с нее достаточно, иное станет вредным и бесполезным излишеством. Маги — те же люди, и чаще всего не видят дальше собственного

носа.

Последние слова он произнес с особым чувством, и я подумала, что он презирает не только рыжую ведьму за ее подлость, но и себя — за то, что поддался на хитрость женщины, оказавшейся столь неразборчивой. Отказаться от любви принца крови и приблизить к себе его слугу, не видя разницы между рабом и господином! Не желая получить от высшего существа ничего иного, кроме пары-тройки рабских услуг! О, я хорошо знала высокомерие Хорвека! Всей черной крови Мобрина, отравившей реку, не хватило бы, чтобы смыть подобное оскорбление.

Поднявшись от реки, мы угодили, казалось, в самое средоточие пожара — здесь повсюду трещал огонь, догорали деревья, огненные силуэты которых проступали сквозь дым. Хорвек, выпрямившись, выкрикнул какое-то странное слово, сразу мне не понравившееся. Наречия демонов я не знала, но не сомневалась, что эти звуки, столь режущие ухо, не в ходу даже у самых диких племен из окраинных королевств.

— Огненный дух тебя услышит! — прошипела я, со страхом запрокидывая голову в небо, невидимое за дымовой завесой: там алое сияние отмечало путь пламенеющей птицы, кружившейся над пепелищем.

Но не успела я договорить, как откуда-то из глубин пожарища донеслось ржание и топот копыт. Конь с дымящейся гривой, в обгорелой сбруе, покрытой копотью, остановился перед нами, вынырнув из дыма. Хорвек кивнул, словно именно этого и ожидал, и одним прыжком вскочил в седло, а затем сильным движением закинул меня себе за спину. Невыносимая вонь ударила мне в нос — паленый волос смешивался с мертвечиной, и я вспомнила, что именно по этому запаху мастер Глаас опознал в Хорвеке ожившего покойника. Конь Мобрина вонял так же, и я догадалась, что природа этого животного отнюдь не так проста, как может показаться.

Но времени на расспросы у меня не было — Хорвек немедленно пустил коня в галоп, прорываясь через дым и полосы огня. Наглотавшись речной грязной воды, а затем еще и дыма, я жадно хватала посвежевший воздух ртом, точно меня с виселицы сняли. Почти сразу мы столкнулись с разбойниками — с того момента, как огненный вихрь стер с лица земли шатер Мобрина, времени прошло совсем немного, хоть мне и казалось, что я бултыхалась в холодной речной воде целую вечность. Люди Глааса, ругаясь и вопя на все лады, торопились увести лошадей и повозки от огня, и сам главарь, в обгоревшем плаще, громогласно торопил их, костеря всех подряд за бестолковость и глупую суету. Я успела заметить, что за спину у него закинут белый узел. Хоть он и был испачкан в саже, однако, скатерть со стола толстяка-демона в нем все еще угадывалась.

Хорвек, должно быть, тоже не пропустил ее мимо глаз, и, направив своего колдовского коня в самую толчею, выдернул узел из рук Глааса, едва не сшибив того с ног. Обычный конь не смог бы перемахнуть повозки, но зловонное порождение магии перелетело это препятствие, словно птица, вызвав крики ужаса у разбойников.

— Этим золотом оплатили мою голову, — обернувшись, крикнул Хорвек мне, улыбаясь так широко, как никогда ранее. — И раз уж она осталась при мне, то и плату за нее я заберу с собой!

— А как же Харль? — закричала я в ответ, запоздало сообразив, что мы оставили мальчишку на произвол судьбы в эдакой передрыге.

— Чем дальше он будет от тебя держаться, тем безопаснее для него, — ответ этот меня вовсе не успокоил, и я оглянулась, с трудом заставив себя приоткрыть один глаз. Огненная птица летела за нами, задевая крыльями верхушки деревьев.

Мы мчались вдоль берега реки, по дороге, прячущейся меж старых ив; петляющей между рощицами, зеленеющими в каждой заболоченной низине. Пламенное существо то взмывало высоко вверх, пытаясь нас отыскать среди зарослей, то стремительно падало вниз, выжигая все на своем пути и крича от ярости, когда обнаруживалось, что мы вновь улизнули.

— Оно догонит нас! — в ужасе вскрикнула я, прижавшись к Хорвеку еще теснее.

— У него не так уж много времени, — отозвался он беспечно.

— А у нас? Сколько у нас времени? — от бешеной скачки половину слов я проглотила, но Хорвек понял, что я подозреваю неладное.

— Маловато, но нам сегодня везет, — засмеялся он. — Быть может, посчастливится и сейчас!

И конь помчался еще быстрее, отчего все вокруг меня превратилось в смазанные разноцветные полосы, от которых рябило в глазах. Больше всего я боялась, что моя голова закружится, не выдержав сегодняшних приключений, руки ослабеют и я свалюсь на землю, тут же превратившись в мешок с переломанными костями — слишком быстро несся вперед бесовский конь, чтобы надеяться на сколько-нибудь счастливый исход падения. Но и зажмурившись, я видела все те же яркие вспышки и полосы — от грязной воды, жара, дыма и копоты глаза воспалились и болели, словно мелкие бесы царапали их своими крошечными ядовитыми коготками.

Ни одной лошади — даже лучшей из герцогских конюшен — не было под силу то, что вытворяло бесовское создание. Мы, словно на крыльях, переносились через огромные овраги, а затем вздымали тучи брызг, когда Хорвек направлял лошадь в реку — нестерпимо жаркое дыхание било в наши спины и вода была единственным спасением от него. Казалось, что вот-вот мы полетим над верхушками деревьев, или, того хуже, поскачем по реке, словно вода стала в одночасье мутным стеклом. Кто мог знать доподлинно, каким колдовством набито это животное, сотворенное демоном из неведомой дряни? Я готова была поверить и в то, что от удара ее копыт земля может разверзнуться до самой преисподней.

Огненная птица негодовала — мы ускользали от нее, как широко не распростирала она свои крылья. Я слышала как она гулко кричит: голос ее казался многократно усиленным ревом пожара и треском горящих деревьев. Три раза она подавала свой клич, и на третий раз я услышала, что ее крик слабеет. Хорвек не солгал, когда сказала, что времени для гнева огненному духу было отмерено не так уж много. Когда я вновь осмелилась оглянуться, небо уже не полыхало заревом. Пожар, которым был отмечен наш путь, катился огненными волнами по земле, но волны эти не обладали разумом и не преследовали нас. То был обычный огонь, бездумно обращающий все на своем пути в золу и пепел. А пылающая птица, отчего-то возненавидевшая меня, таяла в небе, все больше напоминая огненный крест, едва различимый в дымной пелене.

— Оно слабеет! — я боялась поверить в то, что видела. — Оно не догнало нас!

Но Хорвек безжалостно подгонял коня, и вскоре над нашими головами сомкнулись густые ветви: здесь начинался неведомый мне лес, темный и пахнувший пряной смолой вперемешку с сыростью и болотистым духом. Дорога здесь была ровной, словно ее разгладили большим чугунным утюгом, присыпав затем золотистой мелкой хвоей. Огромные деревья, похожие на ели, так плотно смыкали свои лапы, что ни одна травинка не росла у их корней. И среди бела дня здесь царили сумерки. Бег коня, как мне показалось, стал спокойнее — я могла разглядеть бесчисленные серые стволы, сливающиеся вдалеке в сплошную мрачную стену; землю устилал густой валежник, из-за обилия которого свернуть с дороги не вышло бы даже у самого отчаянного искателя приключений. Мы очутились в тихом царстве лесных духов и зверей, бесшумно ступающих по зеленому мху.

— Берегись! — воскликнул вдруг Хорвек, и я испуганно взвизгнула, еще не поняв, что произошло, но почувствовав, как изменилось что-то в движениях лошади.

Еще спустя мгновение я уже лежала на влажном мху, уставившись в мрачную сизую мглу, перед тем пребольно ушибив спину. Откуда-то сверху на меня посыпались, словно град, золотые монеты, одна из которых звонко щелкнула мне по лбу, и я подумала, что боги все-таки не упускают случая надо мной посмеяться. Хорвек, ловко упавший, словно кошка, на четвереньки, уже поднимался на ноги, ничуть не пострадав.

— Что такое? — у меня от удара из тела вышибло, казалось, не только дух, но и последний ум. — Куда подевалась лошадь? Ее украл какой-то зловредный дух? Или она провалилась сквозь землю?

Тут в глазах у меня перестало двоиться и я увидела гору старых костей, разбросанных по дороге.

— Действие чар истощилось. Магическое создание вернулось в прежнюю форму, — коротко сказал Хорвек, всем своим видом показывая, что сейчас ему не до разговоров.

В прежние времена мне бы не хватило этого скупого объяснения, но колдовские уроки не прошли даром. Теперь я куда лучше понимала, как устроена магия, и почему от колдовских существ так часто несет мертвечиной. Толстый демон-предатель, ставший пособником рыжей чародейки, наверняка разыскал пару павших кляч, оживил и наделил сверхъестественной силой для своих нужд. Но Мобрин погиб и заклятия начали расплетаться, ведь запечатаны они были его волей. Потому-то Хорвек и говорил, что времени у нас немного...

— Что же будет с Харлем... — пробормотала я, вновь вернувшись мыслями к мальчишке, ставшему волей судьбы моим подопечным.

— Я видел его рядом с повозками, — отмахнулся Хорвек, который не тратил времени даром и собирал золото, поблескивавшее среди зеленого густого мха, как чьи-то хищные желтые глаза. — Если у него достанет изворотливости, то он сочинит жалостливую историю о том, что его околдовала ведьма, и разбойники не утопят его в реке.

— А если не достанет? — всплеснула я руками.

— Тогда он страшная бестолочь и спасти его тем более не стоило, — ответил он, но, заметив, что я всерьез расстроена, прибавил:

— Йель, старый разбойник души в вас не чаял. Он не позволит, чтобы мальчишке причинили вред. С Глаасом Харлю будет намного спокойнее, чем с тобой.

— Да ведь он хотел продать нас в рабство! — возмутилась я.

— Если ты в это поверила, то в людях ничуть не разбираешься, — рассмеялся

Хорвек. — Готов поставить все это золото на то, что он собирался оставить вас в своем доме. Открыто объявлять это было не с руки, чтобы не дразнить остальных, но, думаю, единственным покупателем, который выпал бы на вашу с Харлем долю, стал бы именно Глаас. И, я полагаю, в его доме вам бы жилось вполне неплохо.

— Вот уж спасибо! — проворчала я, хотя в глубине души ощутила запоздалую благодарность к мастеру Глаасу, который и впрямь обходился с нами куда лучше, чем того стоило ожидать от дикого разбойника, перерезавшего невесть сколько глоток. — Жить в доме душегуба с пустошей!.. Хватит с меня того, что дядюшка угодил в тюрьму... Хотя он и прослыл во многих городах шарлатаном, однако в наших родных краях что Равы, что Биркинды всегда считались честными семействами, и породниться с записными висельниками — судьба не по мне. Что это ты придумал! Харля нельзя оставлять мастеру Глаасу, госпожа Лорнас ума лишится, если мы не вернем ей сына!

— Ты шагу ступить не можешь без того, чтобы не найти страдальца, которого требуется спасти, — снова засмеялся Хорвек, пересыпая монеты из руки в руку перед тем, как спрятать их в карман своей изодранной обгоревшей куртки. — Подумай вот о чем: мы сорвали добряку Глаасу выгоднейшую в его жизни сделку. Неужто он не заслужил оставить при себе мальчишку, раз этот болтун так пришелся ему по душе?.. Быть может, из твоего Харля выйдет отличный наследник разбойничьего дела... Ладно-ладно, не кривись. Обещаю, что расспросим о мастере Глаасе в Ликандрике, если доберемся в те земли. Его должны хорошо знать на южных рынках.

— Так-то лучше, — я смерила его взглядом, пытаясь распознать, не обманывает ли он меня, для виду давая пустые обещания. — Знать бы еще, куда занесла нас эта адская животиная... И, скажи-ка на милость, что за история с этим огненным духом? Ты говорил, что это колдовство должно спасти от слуг ведьмы! А оно собиралось прикончить нас, и не вздумай сказать, что мне померещилось! Чтоб такое заметить, не требуется ни особого ума, ни наблюдательности. Огненное чудище размером в половину неба вознамерилось меня изжарить, и гналось как ополоумевшее за нами, хоть я честно просила его о помощи, как полагалось!..

К тому времени мы оба шарили руками по мху в поисках рассыпавшихся монет, и по виду Хорвека нельзя было с уверенностью сказать — улыбается ли он моим словам, находя в них что-то забавное, либо же вообще не слушает меня, погружившись в собственные мысли. Однако, не успела подумать, что зря трачу время на возмущения, как он задумчиво произнес:

— Старое колдовство капризно и мстительно, но этот дух был зол неспроста. Сдается мне, ты нарушила правила. Я говорил тебе, чтобы ты выполняла мои указания в точности, иначе быть беде. Зря ты меня не послушала.

— Святые угодники! — вскричала я в немалом возмущении, забыв от обиды о боли и усталости. — Как у тебя язык повернулся сказать, что я неверно исполняла твои богомерзкие указания? Может, я и глупа по твоим меркам, но кое-какое соображение все-таки имею. Вздумал тоже — обвинять меня в том, что чары вышли такими злющими!.. Сам говорил, что колдовство добрым не бывает, а древние духи порой выживают из ума от скуки. Просто ты и сам не знаешь, чего ждать от своих фокусов, но никогда в том не признаешься из гордости...

— Магия — это всегда немалый риск, — согласился бывший демон. — Но я почти уверен, что на этот раз дело в твоей ошибке. Скажи честно — что еще ты украла у рыжей ведьмы?

— Да провалиться мне на этом самом месте, если я прикоснулась хоть к чему-то из ее

добра! — я трижды сплонула в знак того, что нисколечки не вру. — Ты думаешь, я не знаю, что на всех ведьминских вещах полно порчи? Я б охотно выбросила всю ту дрянь, что ты приказал мне украсть, но поверила, что она поможет нам уйти от погони! Знала б я, что от этой помощи впору ноги протянуть...

— Если бы ты все сделала верно, дух огня не захотел бы тебя наказать, — возразил Хорвек. — Намеренно или случайно, ты прихватила с собой из покоев ведьмы что-то лишнее, и твою третью просьбу о помощи магические силы сочли дерзостью. Говори, Йель, что ты взяла у чародейки. Не бойся, я хорошо изучил тебя и пойму, если ты не удержалась при виде какой-то блестящей безделушки...

Не помня себя от злости, я вскочила на ноги, швырнув в Хорвека пригоршню только что собранных монет, хотя совсем недавно не посмела бы и вообразить себе подобное обращение с золотом.

— Так вот как ты обо мне думаешь?! — теперь обида моя была неподдельной и искренней. — По-твоему, я жадна и воровита, как сорока? И стоит мне только увидеть блеск, как тут же забываю обо всем?! Да, господин знатный демон, я знала голод и нищету, оттого радуюсь любому медяку, но я взяла у ведьмы только то, что ты мне сказал. И считать до трех я умею, уж поверь! Забирай все это золото себе, так и быть, ты прав — я с ним не умею обращаться, да мне это и не нужно!..

Ни разу до сих пор мне не доводилось видеть на лице Хорвека смущение, но мне показалось, что странное выражение на его лице, сменившее прежнюю улыбку, было вызвано именно этим чувством.

— Хорошо, Йель, я тебе верю, — сказал он серьезно. — Прости, если обидел тебя. Это золото принадлежит тебе точно так же, как и мне — ведьма оплатила им и твою голову. Но то, что случилось с нами сегодня, можно объяснить только нарушением древних законов магии, и мне показалось, что самое простое объяснение будет и самым верным.

От его тихого спокойного обращения злость во мне поутихла, а серьезность, с которой он просил прощения, оказалась и вовсе волнительной — пришла моя очередь смущаться. В довершение всего, я припомнила кое-что, от чего щеки мои загорелись, а ноги ослабели, так что пришлось усесться обратно на землю.

— Возможно, я и вправду сделала кое-что лишнее, — выдавила я, избегая смотреть в глаза Хорвеку. — Но я ничего не брала, нет! Просто... там, в покоях чародейки, я увидела Мике. Он был весь опутан чарами, с ног до головы! Ведьма тянула из него силы, кормила его кровью своих псов... И... и мне подумалось, что я должна ему как-то помочь.

— Помочь? — Хорвек замер, позабыв о монетах. — И как же ты... помогла ему, Йель?..

— Я поцеловала его, — прошептала я едва слышно.

Хорвек заговорил не сразу.

— Поцеловала... — эхом повторил он, обращаясь не столько ко мне, сколько к себе самому. — Вот, значит, что ты украла у госпожи чародейки... Да, третий предмет после этого тебе брать не стоило. Дух огня гневался не напрасно. Впрочем, сейчас об этом беспокоиться не стоит, раз уж мы сбежали от огненного гнева. А вот поцелуй...

Тут он склонил голову и закрыл лицо ладонями, впервые не скрывая, что его одолевает страшная усталость, словно многократно усилившаяся после моих последних слов.

— Тебе дурно? — переполошилась я, вконец растерявшись.

— Нет-нет, не беспокойся, — от отнял ладони от лица и бегло улыбнулся. — Ничего страшного. Просто я вдруг увидел... а, впрочем, неважно. Нам все равно не избежать того,

что уготовила судьба.

— Ох, снова эти загадки! Как же я не люблю, когда ты начинаешь ходить да около, не договаривая самого важного! Почему бы тебе прямо не сказать мне все, что ты знаешь? Что будет с Мике? Ведьма поняла, что я испортила ее чары, и накажет его?..

— Вряд ли это можно назвать знанием, — с грустью ответил Хорвек. — Всего лишь догадки, и я не хотел бы, чтобы они оказались верны. Хотя, что это я... Не мне решать, справедливо ли судьба распределяет свои милости и наказания. Не бойся за своего жениха, чутье верно подсказало тебе, как поступить. Я говорил, что древняя магия управляет тем человеком, который решил к ней прибегнуть — вот и ты сделала то, что ей было угодно. Теперь твой Мике под защитой старого колдовства — а оно обхитрит даже госпожу чародейку. И когда придет время... — тут он смолк, оборвав сам себя. — Вот и опять я говорю о том, чего сам не знаю. Прости, Йель, прости. Ты зря слушаешь меня так внимательно, я плету невесть что.

Эта неуверенность, столь несвойственная Хорвеку, испугала меня едва ли не больше, чем все сегодняшние приключения разом взятые. Он говорил так отвлеченно, так печально, что мне показалось: бывший демон вот-вот впадет в беспамятство.

— Да что с тобой творится? — я схватила его за руку. — Ты сам не свой! Я слышала, как ты сказал Мобрину, что стал кем-то иным — ни человеком, ни демоном. Оттого ты грустишь? Что все это значило?

— И этого я тоже не знаю, Йель, — он вздохнул. — Быть может, это вовсе не лучший исход и нам всем придется пожалеть, что я избегнул обычной судьбы для перерожденного.

— Не говори так! Я... я очень рада, что ты не умираешь, и в толк не могу взять, отчего ты сам этому не рад, — воскликнула я. — Ведь к тебе вернулись магические умения, не так ли? Чего же лучшего еще желать? Разве ты не любил колдовать, разве не тосковал по временам силы?

— Все не так просто, и силы во мне куда меньше, чем ты думаешь, — Хорвек досадливо поморщился. — Пойми же: со мной происходит что-то такое, чего не видел еще никто. Я чувствую эти изменения, но не знаю, к чему они ведут, и не умею управлять той магией, что пытается зародиться во мне...

— Ох, право слово, ты говоришь сейчас такие глупости, — в сердцах вскричала я, утомившись обсуждать то, в чем ничего не смыслила. — Знала я одну скучнейшую старуху, живущую по соседству, которая причитала каждый раз, как у нее ломался вязальный крючок: дескать, новый ни на что не годен и она не знает, как с ним управляться, так что нипочем больше вязать не будет! Не проходило и недели, как перед ней лежала гора салфеток, а крючок-то оказывался удобнее прежнего. Если ты научил каким-то колдовским премудростям меня, то уж себя и подавно обучишь! Сама рыжая ведьма еще попросится к тебе в ученицы!..

И вновь я сболтнула что-то не то — Хорвек вздрогнул и помрачнел. Однако пугающее оцепенение, охватившее его, испарилось без следа, и он принялся разыскивать остальные монеты, не произнеся более ни слова. Напрасно я пыталась его разговорить — он становился все угрюмее, и мне оставалось только догадываться, что стало истинной причиной: мое признание в том, что я поцеловала Мике, разговор о перерождении или же неосторожные слова о рыжей чародейке. «Быть может, его обидело сравнение со старухой-вязальщицей? — размышляла я, ругая себя мысленно за чересчур длинный язык. — Ох, что ж поделать, если я не слишком искусна в таких разговорах? Поди угадай, что ему пришлось не по душе... Ни

слова больше не скажу, пока меня не спросят. Все беды обрушиваются на мою голову из-за того, что я слишком много болтаю!».

Обещание это я исполняла как могла, несмотря на тягостное впечатление, которое производила лесная дорога, тянущаяся между бесконечных стен леса, который, как мне думалось, простирался до самого края света. От голода подводило живот, все тело ныло от ушибов, а из-за сырой одежды зуб на зуб не попадал — в лесу было зябко, точно в глубоком погребе. Башмаки мои окончательно испортились и их пришлось вышвырнуть — теперь я осталась босой, как Хорвек. Однако мы были живы и свободны, что для людей нашего положения само по себе являлось весомым достижением, и я добросовестно напоминала себе об этом, когда живот урчал слишком уж громко.

Но если находились люди, способные обжиться на Сольгеровом поле, то и в лесу имелись свои обитатели. К вечеру мы доплелись до небольшого селения — и вовремя: из чащи начинали посверкивать голодные глаза. Люди здесь жили небогато, однако нас пустили к общему столу, не прося за то никакой платы. Я, наученная горьким опытом, больше не хвасталась золотом, но поутру, отправляясь в путь, незаметно положила крону около ряда горшков. Разумеется, та старая одежда, которую дали нам из милости, не стоила и десятой части монеты, но за доброту я теперь научилась платить втридорога, и вовсе не для того, чтобы показать свое богатство.

Посельчане не слишком-то много знали о мире, простирающемся за пределами их лесного края: изредка они ездили за товарами в какой-то городок, который между собой называли как придется — то Большой Весью, то Торговым местом, то попросту Городищем. Только несколько здешних стариков в незапамятные времена выбирались далее этого безымянного города, но за давностью лет в их головах все спуталось и сколько не расспрашивал их Хорвек — ни одного названия из тех, что он упоминал, они не знали.

Однако узкая лесная дорога, по которой ближе к зиме лесные люди обычно отправлялись в город, чтобы обменять шкуры и резную деревянную утварь на муку и соль, вела на юг. Куда бы не занесла нас обезумевшая кладбищенская лошадь — то, что мы искали, было спрятано где-то у самого Южного моря, в дивном теплом крае. Нам не оставалось ничего другого, как направиться в сторону единственно известного здесь городка, располагавшегося где-то у самой границы леса, в нескольких днях пешего пути от хижин, крытых темно-зеленым мхом и свежим лапником.

Полуправда, которую мы рассказали здешнему люду, тронула простые сердца: о разбойниках, угоняющих в рабство тех, за кого некому заступиться, слышали и здесь. Лесные люди, не признававшие над собой власти королей, не могли рассчитывать и на их защиту, оттого не любили покидать чащу, где ни один чужак не смог бы отыскать себе поживу. Хорвек, с его изукрашенными синими узорами телом, внезапно пришелся по сердцу поселянам — точно так же были отмечены переплетенными между собой знаками руки стариков, и из сбивчивых воспоминаний можно было понять, что семьи их, прежде чем осесть в этих лесах, прошли немалый путь с севера, сбегая от каких-то давних войн и межусобиц. В Ирну-северянине, чье тело взял себе демон, лесные люди признали соплеменника, и завели разговор о землях, которые давно уж не были их родиной, однако все еще жили в сказаниях и песнях, где правда перемешивалась с небылицами, как в выдумках Харля. Я видела, как тяжело даются Хорвеку ответы на вопросы, из-за которых ему приходилось погружаться в чужие смутные воспоминания, чтобы на время присвоить их себе.

За эту ложь мы были вознаграждены с великой, по местным меркам, щедростью: из каждого дома нам вынесли что-то из еды, подарили две пары истоптанной, но крепкой обуви, которую лесные люди искусно шили из мягкой оленьей кожи, и дали бесчисленное количество советов, чего опасаться в дороге.

Однако и расплата не заставила себя долго ждать. Я уже научилась понимать что к чему: хрупкое душевное равновесие, к которому с таким трудом пришел Хорвек, оказалось нарушено. Память мертвеца Ирну не стоило воскрешать — слишком уж темна она была, не уступая, пожалуй, в черноте и собственной памяти демона. Я видела, как злится Хорвек, пытаюсь побороть то, что сам вызвал к жизни, но боялась подать голос, из последних сил держа данное себе слово.

Не дожидаясь полудня, мы сделали привал, и разожгли небольшой костерок, чтобы согреться — вечные сумерки леса могли остудить даже самую горячую кровь. Мне казалось, что Хорвека вот-вот одолеет уже знакомый мне припадок, лицо его покрывала заметная испарина, да и многочисленные ссадины принялись кровоточить, словно их расцарапала

чья-то невидимая рука. Я уже привыкла к тому, что бывший демон, почуяв приближение болезни, прогоняет меня, однако на этот раз он, напротив, смиренно лежал рядом, молча пережидая приступы боли. Все это время глаза его оставались ясными, и я подумала, что он привык к своему проклятию, как когда-то я привыкла к своим ослабевшим ногам. Если я смогла вновь обучиться ходить, — размышляла я с надеждой, — то и он сумеет когда-нибудь одолеть магию, забирающую его силы!

Произнести это вслух я не решилась, чтобы не рассердить Хорвека своими рассуждениями, которые наверняка казались ему возмутительно наивными. Отчужденность, которую он сейчас выказывал, отличалась от прежней его задумчивости, и мне теперь было страшно заговаривать с ним, словно рядом со мной вдруг очутился вовсе незнакомый человек. К тому же, в дороге Хорвек все время что-то вполголоса повторял, хмурясь и морща лоб — то ли припоминал что-то забытое, то ли пытался составить какие-то слова в новом порядке. Я боялась помешать ему в этом, без сомнения, важном деле и от тоски страдала едва ли не больше, чем от усталости.

Странности виделись мне повсюду: едва придя в себя после утреннего приступа, Хорвек положил на ладонь почерневший уголек, оставшийся от костра, и некоторое время что-то беззвучно нашептывал, но так и не дождавшись никаких изменений, с досадой отшвырнул в сторону. Увидев это в первый раз, я смогла усмирить любопытство, сказав себе, что тут наверняка замешаны колдовские законы, чем меньше о которых знаешь — тем лучше, однако когда то же самое повторилось и после полуденного привала, почувствовала, что решимость моя слабеет.

На третий раз Хорвек, услышав, как я подкралась к нему со спины, вздохнул, и, не дожидаясь моих вопросов, уже готовых сорваться с языка, пояснил:

— Я всего лишь пытаюсь сотворить простейшую магию, но у меня, как видишь, не получается. Ровным счетом ничего интересного, Йель.

— Но у тебя вышло тогда победить Мобрина, а он ведь демон, пусть и не высокородный! — воскликнула я, с облегчением выдохнув: молчание давалось мне с величайшим трудом. — Конечно же, тебе под силу любая магия, не наговаривай на себя!

— Ты говоришь сейчас о том, чего не понимаешь, — недовольно произнес Хорвек именно то, чего я и ожидала. — Разве не ты когда-то хотела, чтобы я ничего не рассказывал о магии?

— А разве не ты когда-то считал, что мне эти знания не повредят? — огрызнулась я, разозлившись из-за того, что так верно угадала. — Знаю, с чего ты вдруг изменил свое мнение! Не хочешь показывать себя передо мной неумехой, оттого и напускаешь таинственности. Неужто ты думаешь, что я стала бы над тобой насмеяться, если бы узнала, что у тебя недостает каких-то способностей? Надо мной самой смеялись все кому не лень, и если уж я чему и научилась — так это помалкивать, когда кто-то попадает впросак.

Мои слова, конечно же, вызвали у него улыбку, как это бывало всегда, когда я пыталась спорить с демоном на равных, однако, чтобы не распалить меня еще больше, он чрезвычайно серьезно поблагодарил меня и заверил, что никогда не позволил бы себе усомниться в моем добросердечии.

— Видишь ли, способности к колдовству сами по себе ничего не стоят, — пустился он в объяснения, без которых утихомирить меня оказалось не так-то просто. — Многие люди, одаренные магически, доживают до самой смерти, так и не сотворив ни одного волшебства. Чем слабее дар — тем меньше вероятность, что человек сумеет его развить. Вот ты, к

примеру, могла бы никогда не узнать о том, что умеешь колдовать, и незнание это не причинило бы тебе никакого вреда, — тут я не сдержалась пробормотала, что в это верю весьма охотно, вновь заставив Хорвека рассмеяться.

— ...Учиться магии следует с того самого момента, как сила пробудилась — а случается это чаще всего в отрочестве, — продолжалась неторопливая речь, странным образом меня успокаивавшая и напоминавшая прежние времена. — Но время упущено, и теперь даже самый искусный учитель не сможет привести тебя к тому, что ты могла бы сотворить, начни обучение в положенный срок. Что говорить обо мне, существо противоестественном? То, что во мне появилась магия — странный и дурной знак. Я не могу ею управлять, и сила эта пробуждается то от гнева, то от ненависти... Потом уходит и я вновь слабею. Приведи когда-то ко мне кто-то такого ученика — я бы сказал, что проще и правильнее будет его убить, поскольку ничем добрым эта затея не обернется. Но так уж вышло, что я сейчас и учитель, и ученик одновременно, а смерть моя скорее погубит тебя, чем спасет... Что за насмешка судьбы — знать куда больше, чем уметь!.. Как ты говорила? Взять в ученицы рыжую ведьму?.. — вдруг воскликнул он, с недобрим видом улыбаясь каким-то невысказанным мыслям. — Славная шутка! Самые лучшие шутки всегда похожи на правду!..

Я кивала, делая вид, что понимаю его недомолвки, но на самом деле мне просто хотелось, чтобы Хорвек больше не смолкал — я так истосковалась по временам, когда он свободно говорил со мной!.. Не зная толком, как помочь, я собрала целую пригоршню угольков, и подсовывала их бывшему демону, стоило ему только затихнуть и помрачнеть. Он принимал их с неизменной улыбкой, и с такой же улыбкой отбрасывал прочь, когда заклинание не срабатывало. Я знала, что он изображает это легкомысленное веселье для меня, хоть на самом деле каждый проигрыш уязвлял его и лишал надежды.

Уже вечерело, но из-за многочисленных остановок мы прошли совсем немного. Лесные люди говорили, что к ночи мы должны выйти к болотистой низине, именуемой Староречьем. Мы оказались слишком слабы для такого перехода: солнце скрылось за ветвями, опустившись совсем низко, а вокруг нас простирался все тот же мрачный хвойный лес.

— Ну и славно, — сказала я с преувеличенной бодростью. — Ночлег около болота не так уж хорош: сырость, вонь, и хорошо еще, если там никто не утоп — а то ведь утопленники, говорят, выходят к кострам погреться... Мы с дядюшкой как-то ночевали у реки, и дядюшку после того несколько дней мучили боли в спине. Он говорил, что так бывает, когда водяная нечисть из вредности подует на спящего или потрогает холодной рукой — непременно застудит!..

Кое-как разведя огонь, мы умостились рядом друг с другом — вечерний холод пронимал до костей. Одежда наша не годилась для странствий, и я с досадой вертела в руках золотую монету, оказавшуюся такой бесполезной в этой глуши, несмотря на свой яркий блеск. Положив ее обратно в карман, я достала очередной уголек.

— Ну-ка, попробуй — вдруг этот будет счастливым? — предложила я с настойчивостью, которой было бессмысленно противоречить, и Хорвек, вздохнув, принялся нашептывать заклятие. Уголек лежал на его ладони, ничуть не изменяясь. Однако мой взгляд был так внимателен и неотрывен, что выбросить его бывший демон не смог — со смехом называя меня требовательнейшим из наставников, он повторял заклинание десятки раз, то откровенно дурачась, то почти всерьез злясь. Темнота сгущалась, но мы не замечали этого,

увлекшись тем, к чему изо всех сил старались относиться как к забаве — иначе с отчаянием было бы не совладать.

Хорвек так и не сказал мне, как должно сработать заклятие, оттого я недоуменно вытаращилась, когда он вдруг смолк, улыбаясь удивленно и торжествующе, вдруг воскликнул:

— Смотри!

Уголек, как мне показалось вначале, остался точно таким же как и раньше. Я было открыла рот, чтобы спросить, на что же тут полагается глядеть, как вдруг по краям черноты пробежали красные полосы, тонкие, как волос, а затем уголек покраснел, раскалившись, словно его достали прямиком из костра. Зрелище это было настолько поразительным, что я несколько секунд таращилась на ладонь Хорвека, прежде чем спохватилась и ударила его по руке снизу, выбивая уголек.

— Да ты же обжегся! — вскричала я, с возмущением глядя на красную отметину. — Знала бы я, что вся эта морока ради эдакой дряни — сказала, чтоб попросту сунул руку в огонь! Уж поверь, вышло бы ровно то же самое!

Но Хорвек все так же улыбался, восторженно и мечтательно.

— Впервые я сумел это сделать, когда мне было семь или восемь лет, — сказал он. — И, кажется, даже тогда это обрадовало меня меньше.

— Сдается мне, в ту пору ты был умнее, — проворчала я, поворачивая пострадавшую руку то так, то эдак. — Чему здесь радоваться? Как, скажи на милость, это лечить? Ты и так весь исцарапан, избит — живого места нет!

— Все это пустяки, — отвечал он, откровенно не вслушиваясь в мои слова. — Разве ты не видишь? Я сумел сотворить магию! По собственной воле!..

Я собиралась сказать, что в подобной магии не вижу ровным счетом ничего ценного, однако странный звук заставил меня смолкнуть. Тихий трескучий кашель раздался из темноты, а затем старый, дрожащий голос затянул тоскливую песенку, слов которой я разобрать не смогла — то был какой-то древний язык, больше походивший на волчий вой, крики козодоя и уханье совы, чем на человеческую речь.

— Лесной дух! — прошептала я, прижавшись к Хорвеку. — Он пришел к нашему костру!

Лес зашумел, засмеялся тысячами тихих голосов, и к нашему костру тихо шагнула согбенная старуха, ростом едва ли мне по пояс. Плечи ее были покрыты плащом то ли из старой клочковатой шкуры, то ли изо мха, а темное лицо избородили глубокие морщины — или то были трещины на старой коре?..

— Человеческие чародеи, — слова эти прошелестели, но черные губы не размыкались. — Позвольте ли мне погреться у вашего костра? Ночь холодна...

— Этот костер разведен из твоих дров, почтенная, — ответил Хорвек вежливо, но безо всякого страха. — Кому, как не тебе, греться у него?

— Ты знаешь давние законы, умеешь отвечать... — старуха, казалось, не шевельнулась, однако очутилась совсем близко, и я увидела, что ее глаза, глубоко запавшие в глазницы, светятся, как гнилушки. — Давно я не видала человеческих чародеев. Развелюди не выжгли всех тех, кто умел колдовать? Разве не прокляли своих собратьев-колдунов?.. Поздно, поздно спохватились, мы-то всегда знали, что человеку не положена волшебба, — тут она принялась, потрясла головой. — Да и человек ли ты? Покойницкая стылая кровь... Зачем вышел из-за кладбищенской ограды?

— Кем бы я ни был — тебе я не враг, — Хорвек держался спокойно, словно взгляд лесного существа не жег его так, как меня. — Я держу путь на юг, и очутился здесь случайно. Позволь нам перейти твой лес с миром, и я больше никогда не вернусь сюда.

— На юг? Что тебе нужно на юге? Разве ты не знаешь, что южное королевство Белой Ведьмы пало много лет тому назад? Человеческим чародеям там больше не рады, — голос старухи становился все громче, все трескучее, и все морщины на ее лице содрогались, словно звук этот исходил из них. — Закончилось время, когда подобные тебе хотели власти не только над людским племенем, но и над нашим. Вы стали ненавистны и своим собратьям, и нам, хоть было время, когда обманом вы вывели у Высших существа немало секретов, притворившись нашими союзниками...

— Ты сама сказала, что те времена прошли, лесная дева, — бывший демон, ничуть не скрываясь, положил рядом с собой кривой клинок, взятый у Мобрина. — Мне не нужна власть ни над людьми, ни над нелюдьми. Прежний уклад не вернется, как не вернется к тебе твоя прежняя сила, а ко мне — моя. Чародеев, равных тем, которых ты ненавидишь, осталось совсем немного. Есть одна... рыжая ведьма, погубившая немало твоих соплеменников — она сильна, как те старые колдуньи, но куда злее, куда хитрее — ведь ей приходится жить во времена, когда колдовство проклято и запрещено. Клянусь тебе, что в конце моего пути либо ее смерть, либо моя, а, быть может, не жить более нам двоим. Отчего бы тебе не помочь мне?

— Рыжая ведьма? — лесная дева встопорщилась тысячами иголок. — Я слыхала о ней. Погубить ее — славное дело, но разве тебе это под силу? Я чую каждое биение твоего мертвого сердца, слышу, как течет по жилам стылая кровь — в ней нет и десятой доли той магии, которая нужна для победы над таким врагом!

До сих пор я молчала, ведь ночное страшное существо не замечало меня и, положив руку на сердце, его внимание было не из тех, что хотелось бы привлечь. Однако, в который раз, презрение, выказанное Хорвеку, лишило меня всякого благоразумия. Вот и сейчас я вскричала:

— Да чтоб ты понимала, старая госпожа! Еще недавно магии в нем не было вовсе, а вот поди ж ты — появилась! Откуда тебе знать, не прибавится ли в нем сил? Все только и твердят, как страшна эта ведьма, как сильна, однако мы до сих пор живы, как ни пыталась она нас извести! Вчера один демон тоже думал, что легко расправится с нами, да вот только...

Рука Хорвека спокойно, но непреклонно зажала мне рот, и моя пылкая речь оборвалась, сменившись недовольным пыхтением.

— Пропусти нас через свой лес, лесная дева, — повторил он.

Но создание, явившееся из ночной чащи, теперь смотрело на меня, словно мои неосторожные слова стали своего рода заклинанием, привлекающим внимание.

— Пусть девочка говорит, — прошепелестел низкий скрипучий голос. — Она храбрее, чем ее соплеменники.

— Она глупее, чем ее соплеменники, — отозвался Хорвек со вздохом, но руку опустил.

— Глупость... храбрость... Все едино! — лесная старуха нависла надо мной. — Настоящая храбрость всегда немного глуповата, если рассказывать о ней без прикрас. Я чувствую, что в ее роду был кто-то из лесных созданий. Быть может, одна из моих сестер из дальних лесов... Да, ты самую малость похожа на нас, я вижу признаки нашей породы в твоём лице...

Я невольно вздрогнула: вот уж на кого мне не хотелось оказаться похожей — так это на ужасную старуху с черным лицом, похожим на кору древнего дуба. Лесная дева заметила как сморщился мой нос от отвращения, но не разгневалась, а рассмеялась — будто расщепленное дерево закрипело.

— Не кривись, девочка, не кривись! Что я, что мои сестры — все мы когда-то были красавицами. Смотри, я и сейчас могу принять прежний облик, хоть и ненадолго...

На пару мгновений все вокруг осветилось, словно костер разгорелся сильнее из-за порыва ветра, и я увидела перед собой смугловатое юное лицо, усеянное яркими веснушками — словно дикая рыжая лилия показалась в зарослях темной болотной травы. Оно одновременно и походило на человеческое, и неуловимо отличалось — то ли из-за слишком широко расставленных темных оленьих глаз, то ли из-за резко очерченных скул, то ли белозубая улыбка открывала слишком острые клыки... Спутанные волосы спадали на глаза, и оттого лесная дева еще больше напоминала странного дикого зверька, с лукавством выглядывающего из своего укрытия. Но видение это было мимолетным — стоило моргнуть, как передо мной вновь оказалась темноликая старуха.

— Да, и сейчас по весне, когда после спячки силы возвращаются ко мне, я изредка возвращаю себе этот облик, кружу лунными ночами около деревень и хохочу до самого утра, пока какой-нибудь смельчак не выйдет на околицу. А затем, бывает, зимой на той же околице находится младенец, появившийся на свет где-то под старым деревом, на зеленом мху... Наша лесная кровь хороша: она дарит крепкое здоровье человеку, его детям и внукам, и большая часть из них доживает до глубокой старости...

— Хороший дар, но иногда одного крепкого здоровья недостаточно для того, чтобы избежать ранней гибели, — заметил Хорвек. — Нужно совершить практически невозможное, чтобы Йель когда-то постречалась со старостью. Скажи лучше, чего желаешь в обмен на перемирие между нами?

— Зачем вам моя помощь? — проскрипела старуха, сгорбившись еще сильнее. — Ты сам сказал, что я слишком стара, силы мои не те... Скоро люди совсем обо мне забудут, и никто не пожалеет о прежних временах, когда я пела вместе с волчьими стаями и танцевала на болоте...

— Не лукавь, лесная дева, — Хорвек отмахнулся от ее причитаний. — Вот уж не поверю, что ты перестала водить кругами путешественников, пускать по их следу волчьи

стаи, насыпать с болот туман и лихорадку. Пока ты жива — лес слушается тебя, и мы оказались в твоей власти, как только шагнули на лесную дорогу. К нашему костру ты вышла неспроста. Я бы попросил у тебя прощения за то, что колдовал в твоём лесу, но вряд ли ты ими удовлетворишься.

— Когда-то я поклялась, что изведу любого человеческого чародея, которому не посчастливится забрести в мой лес, — ответила лесная дева, отдаляясь от нас так же плавно и незаметно, как приблизилась. — Я повидала много горя из-за людского колдовства. Но ты и так мертв, а девочка по праву крови может рассчитывать на мою милость. Быть может, я нарушу свое обещание сегодня...

— Ты говоришь это не так, чтобы я мог поверить в твою бескорыстность, — хмуро произнес Хорвек.

— Старые законы велят мне, чтобы я взяла с вас какую-то плату, — старуха развела руками, похожими на кривые узловатые корни. — Нынче не весна, чтобы я выходила к людям ради забавы. Когда ночи становятся длинее дня — наступает время моей силы и моей слабости: все труднее мне ходить меж деревьев, все чернее мое лицо, однако проклятья мои становятся крепче, а воля — злее. За то, что я сменила гнев на милость, нарушив при том данное когда-то слово, нужно заплатить — долг ваш велик. Но не золотом, нет... Пусть золотом одурманивают себя духи, живущие рядом с людьми, — эти слова она произнесла с заметным презрением. — Кровь покойника мне не по вкусу — то, что было мертво, вовек больше не согреется как следует. Кровь девочки слишком пахнет мхом и папоротником, как у меня самой — я не смогу пригубить ее... Что же мне взять с вас, непрощенные гости?.. — она качала головой, напоминая сейчас кривое усохшее дерево на сильном ветру.

Я придвинулась поближе к Хорвеку: быть может, мне казалось, но взгляд лесного создания подолгу останавливался на мне, заставляя мое сердце замирать от тревоги.

— Что взять с человека? — однообразно повторяла старуха, пропуская свои седые волосы сквозь черные скрюченные пальцы. — Убей я вас — кости пошлю бы моим волкам, требуха — лисам, а из кожи я бы сшила себе новые славные сапожки. Мертвый человек хоть на что-то годен. А какой прок от живого?..

От зловещего шепота мороз шел по коже, и я видела, что в глазах Хорвека замерцала красная искра — бывший демон чуял опасность, и его чутью я доверяла.

— Золото — ничтожное подобие лучей солнца, серебро тусклее отражения луны в болотной воде, драгоценные камни блещут не так ярко, как волчьи глаза зимней ночью, — лесная дева, раскачиваясь, становилась все ниже, словно вращаясь в землю. — Что за дрянь человеческие богатства, что за безделица... Впрочем, девочка может пойти ко мне в услужение. Зима иной раз тянется так долго, и я ворочаюсь без сна в своей берлоге, слушая как воеет вьюга и трещат от морозов деревья. Там, в моей норе, хватит места для двоих, а по весне я отпущу ее... Или превращу в птицу...

Не успела я испугаться, как Хорвек твердо ответил:

— Нет, она не останется с тобой.

— А ведь ты, покойник, говорил, что живешь мезтью, — хихикнула старуха. — Зачем тебе девчонка?

— Не твое дело, лесная дева. Придумывай другую цену и помни, что расспрашивают меня обычно те, кому остался один шаг до могилы.

Разговор принимал недобрый оборот. Я не знала, насколько сильна лесная дева, и насколько слаб Хорвек, но понимала, что уйди старуха, не подкрепив свою милость

обещанием — лес прикончит нас. Лесное создание из чащи давно уже пережило расцвет своих сил и заметно опасалось мертвеца-колдуна, но все равно было опасно. В отчаянии я запустила руку в сумку, где скопилось немало всякого сора, который не показался ценным разбойникам. Все магические предметы, украденные у рыжей ведьмы, я давно истратила — да и старые законы не позволили бы мне использовать их для спасения от кого-либо, кроме чародейки и ее прихвостней. Остальное же мое имущество пребывало в жалком состоянии после того, как намокло в речной воде и не выбросила я его только из-за того, что ничего другого не нашла. Но я упорно искала что-то неведомое, повторяя про себя: «Уплата долга, уплата долга!» — из уроков Хорвека я поняла, что старая магия иной раз откликается на отчаянные призывы тех, кто согласен принять ее помощь.

И вправду — вдруг к моей ладони прилипло что-то странное. Черный истертый кружок с неровными краями, неизвестно когда и как попавший в мою сумку. Быть может, я подобрала его на дороге? Или стащила у разбойников?..

— Что там у тебя? — лесная дева вдруг выпрямилась, враз став вдвое выше ростом. — Откуда ты взяла это? Ты не могла украсть чужое наследство — оно бы не далось тебе в руки! Но кто отдал тебе его по доброй воле?.. Ни один человек не может быть полноправным наследником Высшего существа...

«Да это же монета Хозяина Подземелий! — снизошло на меня озарение. — Я и позабыла, что подобрала ее тогда. Но почему она почернела и истончилась? Недаром же разбойники не узнали в ней золото!».

— Знак власти над старым королевством! — старуха тянула ко мне руки, но не решалась коснуться. — Где ты нашла его? Как посмела взять?

— Это из казны одного подземного господина, — осторожно ответила я. — Как-то я попросила у него помощи, а затем рыжая ведьма убила его — и на месте его смерти я нашла эту монету.

— Она разрушается, рассыпается в прах... — лесное создание говорило взволнованно. — Как можно отдавать знак власти духа в руки человека? Неужто так плохи дела у Высших существ, что остались жить рядом с людьми, в их городах?

Разумеется, мне стоило прежде пошептаться с Хорвеком, но ведь монету подсунула старая магия в ответ на мое прошение...

— Я отдам тебе эту монету в уплату нашего долга, — сказала я лесной дева. — Ты станешь правительницей не только леса, но и далекого подземного королевства! Это ли не великая честь?

И снова лицо старухи озарилось светом молодости — веснушчатая красавица с детским восторгом захлопала в ладоши и жадно улыбнулась, показав клыки. Дева лесов и на склоне лет не утратила желания властвовать. Зачем хозяйке темных лесов были нужны таммельнские подземные лабиринты, которые ей никогда не повидать? Я не знала, но, признаться честно, не слишком-то понимала, зачем одни короли идут войной на других, если им всей жизни не хватит, чтобы обойти свои земли и увидеть все их чудеса...

— Согласна, согласна! — закричала она и выхватила у меня из рук монету. — Хорошая цена! Славная награда!

Хорвек не произнес ни слова, и я посчитала, что он в кои-то веки считает мое решение разумным. Лесная дева, вернувшись к своему обычному облику темнолицой старухи, обнюхивала монету, пробовала ее на зуб, с почтением прикладывала то к груди, то ко лбу, что-то глухо бормоча.

— Так ты пропустишь нас через свой лес? — недоверчиво спросила я у нее, обтирая пальцы об юбку — монета их испачкала.

— Лес и его создания не причинят вам вреда, — ответила она не сразу, любясь кроной, чернота с которой начала опадать хлопьями и мелкой крошкой. — Хотите сложить свои головы на юге, а не в моих владениях — ваше право. Но договор наш будет расторгнут, если кто-то из вас воспользуется магией против меня или моих подданных. Чародейское перемирие — и никак иначе.

— Чародейское перемирие? — рассмеялся Хорвек, наконец-то подав голос. — Ты ошибаешься на наш счет, лесная дева, как это ни прискорбно. Серьезное колдовство, способное навредить твоим владениям, непосильно для нас. А перемирие испокон веков заключают с равными, и никак иначе.

— Перемирие, мертвец, — отрезала она, и ее глаза сузились, как у рассерженного зверя. — Иначе договора не будет. Когда-то мы недооценили силу человеческих чародеев и поплатились за это. Самые слабые из вас хитры, как змеи, и столь же ядовиты. Я не спрошу у вас, что вы за люди, отчего желаете мстить рыжей ведьме и как научились колдовству во времена, когда оно под запретом. Ты смотришь на свет мертвыми глазами — и это тоже дурной знак, но мне до этого нет дела. Мне нужна только клятва мира.

— Будь по-твоему, — согласился Хорвек, равнодушно пожимая плечами в ответ на яростную речь лесной девы.

— И девочка тоже поклянется! — сурово приказала она, ткнув пальцем в мою сторону.

— Да какая же из меня чародейка!.. — вскричала я, но тут же сникла, припомнив, сколько раз за последнее время прибегала к помощи магии. Ничего о чародейском перемирии я не знала, но отчего-то мне не хотелось связывать себя хоть каким-то словом, данным странному существу из лесной чащи. Я покосилась на Хорвека, и увидела, как он едва заметно кивнул, показывая, что нужно согласиться. Что ж, бывший демон смыслил в магии куда больше моего...

Вслед за ним я пожалала холодную, влажную руку лесной девы, невольно вспомнив о корягах, пролежавших долгие годы на дне болота, а затем, преодолевая отвращение, поцеловала ее шершавый бугристый лоб. Ее ответный поцелуй, обдав меня вонью старых трясин, едва удалось стерпеть — магия начинала действовать, отзываясь в теле нутряной болью и мелкой дрожью.

— Мир между нами — либо проклятие земли, огня, воды и воздуха, — произнесла я положенные слова, и лесное создание довольно улыбнулось, ощерив зубы.

— Так-то! — на прощание воскликнуло оно торжествующе, отступая в темноту. — Клятва мира нерушима!.. Доброго вам пути, и да будет так, что смерть свою вы повстречаете

не в моих владениях...

Пожелание это не показалось мне ободряющим, однако чего еще ждать от духа?.. Когда они говорят, что не собираются убивать тебя — большей милости не стоит и просить. Я обернулась к Хорвеку, чтобы спросить, верно ли я поступила, отдав монету из казны Господина Подземелий, но вопрос так и не сорвался с моего языка: бывший демон выглядел совершенно измученным и слабым. Должно быть, магическая клятва вытянула из него остатки сил. Нам следовало отдохнуть, препоручив себя воле лесной госпожи. Чувствуя, как окаменевают тело от слабости, я подползла поближе к Хорвеку, и мы, сплетя заледневшие пальцы рук, крепко заснули среди папоротников и мхов.

Всю ночь мне снилось, что я лежу в темной берлоге лесной девы и слушаю, как она бормочет свои путаные сказки о былых временах, а мох врастает в мою кожу, превращаясь в шерсть. Кни голюб .нет Иной раз я вспоминала, что это всего лишь сон, но затем видение полностью подчиняло меня, и я начинала думать, что ждать весны, зарывшись в подстилку изо мха и сухих листьев — славная судьба. Должно быть, то во мне говорила часть лесной крови, откликнувшаяся на призыв дальней родственницы.

Проснулись мы, когда солнце стояло высоко над деревьями: его тонкие лучи проникали под густой полог низких ветвей, папоротника и высоких трав, словно кто-то неведомый натянул струны света в вечном сумраке. Птицы весело перекликались, шорохи не казались тревожными, и даже в скрипе деревьев мне теперь не слышался печальный плач. Дозволение лесной девы обрело силу. Мы могли свободно идти по любым тропинкам, не опасаясь ни зверя, ни духа. Не теряя времени, мы зашагали вперед, подкрепившись сухарями и солониной.

— Что за чародейское перемирие? — спросила я у Хорвека, припомнив ближе к полудню ночной разговор. — Важное колдовство?

— Одно из важнейших. Не думал, что мне когда-то выпадет случай его сотворить, — ответил он, не оглядываясь. Мы шли по узкой дорожке, едва заметной среди ажурной листвы густого кустарника, уже начинавшей краснеть и желтеть, оттого большую часть времени я видела только спину бывшего демона.

— Выходит, чародеи все-таки примирились между собой... — задумчиво произнесла я, на ходу обрывая с ветвей красные терпкие ягоды, пришедшиеся мне по вкусу. — А мне казалось, что они только и делали, что убивали друг друга да ненавидели.

— Все верно. Но иногда случалось так, что маги понимали: силы их равны. Или оказывались в таком положении, когда не могли выжить без помощи друг друга. И тогда они заключали чародейское перемирие — налагали добровольно на себя необратимое заклятие, не позволяющее использовать магию против того, с кем они примирились. Клятва мира была знаком отчаяния, бессилия или... или любви.

— Любви? — переспросила я, и некое предчувствие далекой беды кольнуло сердце, угнездившись в его потаенном уголке навсегда. Я не была сильна в искусстве предвидения, но сейчас словно далекий голос прошептал: «Берегись!».

— Да, любви, — говорил между тем Хорвек, не заметивший в моем голосе ничего странного. — Бывало такое, что два мага решали связать свои жизни, и лучшим доказательством своей верности друг другу считали клятву перемирия. Но подобное случалось редко. Природа чародейства такова, что доверию и верности в ней нет места, и только самые безумные из магов соглашались связать себя с кем-то настолько сильными чарами.

Так и не поняв, что же в словах Хорвека испугало меня, я постаралась выбросить из головы тревожные знания, спросив напоследок, не навредили ли мы себе, дав клятву мира лесной деве.

— Полагаю, что нет, — хмыкнул он. — Мы поклялись не использовать силы, которых у нас почти что нет. Дева — древнее существо, оставшееся умом в тех временах, которые уже никогда не вернутся. Она боится своих воспоминаний — оттого и заставила нас дать бесполезное обещание. Те, кто живут прошлым, слепы к настоящему. А настоящее таково, что колдовство в нем выжжено каленым железом, и только самые жестокие чародеи сумели выжить в мире, который их отторг. Теперь этот мир платит им кровавую дань, поскольку изгнав магию, разучился ее узнавать. Потомки победителей слабеют: откуда им знать, что делать с ведьмой, если о ней слышали разве что из сказок, да и то — не поняли и половины того, что в них сокрыто?..

— А ты... ты ведь много знаешь о магии? Ты был когда-то чародеем? До того как... как покинул мир людей?.. — наконец-то у меня получилось задать эти вопросы. Впрочем, я не рассчитывала всерьез, что услышу ответ на них — раньше Хорвеку не нравилось, когда я заговаривала о его человеческом прошлом.

— Я... обучался, — промолвил Хорвек, замедлив шаг. — Но выбрал иной путь. Точнее говоря, иной путь выбрал меня. И магии в нем не было места. Но это ты знаешь, Йель. Не спрашивай меня. Я слишком часто не знаю, что сказать. Лучше посмотри сюда...

Маленький язычок пламени плясал на кончике прутика, подобранного демоном с земли. Повинуясь его жестам, он то появлялся, то исчезал, а затем и вовсе остался висеть в воздухе, словно мотылек. Разумеется, то было чудо, но я, делая вид, что слежу за крохотным огненным существом, на самом деле не могла отрвать взгляд от счастливой улыбки Хорвека, полностью преобразившей его лицо.

Что-то новое росло и крепло в нем, делая его иным существом, но то самое тревожное предчувствие, горечь будущих потерь, примешивалась к моей радости — а я искренне радовалась, когда видела, как оживает Хорвек. Он постоянно пытался чему-то учиться, вспоминая заклятия, которые знал когда-то, и настойчиво повторял каждое из них, пока оно не срабатывало. Все это была пустячная магия — он сам признавал это — но эти крошечные шажки вели его к цели, о которой я ничего знать не могла, и это наполняло мою душу далекой, невнятной тоской.

Иногда его колдовство было безобидным, как тот огненный мотылек, но порой я сердито бранила его: свое тело Хорвек считал таким же материалом для обучения, как и всякий сор под ногами. Как-то я заметила, что он оставляет на своей руке тонкие порезы, которые потом пытается заживить с помощью колдовства.

— Ну уж нет! — напустилась я на него. — Ты, того и глядишь, голову себе отрежешь или брюхо вспорешь!

— Исцеление ран — очень важное умение, — спокойно отозвался Хорвек, продолжая водить ножом по коже. — На ком же мне проверять действие заклятий, как не на себе самом? Здесь, как ты видишь, кроме тебя и меня нет ни одного человека, годного стать моим учебным пособием.

— Себя я изрезать не позволю, так и знай, — отрезала я. — Но и себя ты полосуешь зря!

— Разве твой дядюшка стал бы лекарем, если бы не научился штопать раны? — насмешливо и отвлеченно отвечал он, сосредоточившись на самом свежем порезе.

— Кабы дядя Абсалом учился зашивать шкуру и выдирать зубы на самом себе — он бы

стал не лекарем, а покойником, — проворчала я. — Хвала богам, в Олораке всегда хватало тех, на ком можно набить руку. Да и то, должна признаться, у дядюшки случалось немало неприятностей... Но ведь неудача лекаря — беда для больного да его семьи, а твоя неудача — совсем другое!..

Разумеется, мои доводы не принимались во внимание, и порой мне казалось, что я теперь Хорвеку в тягость — ничего не понимающая и неспособная чем-то помочь в его страстном поиске самого себя.

Через лес тот нам довелось идти несколько дней, но, вспоминая о том времени, мне неизменно представляется бесконечная, едва заметная в зарослях папоротника тропа, уходящая в туман. Благодаря покровительству лесной девы мы не опасались диких зверей, и они не боялись нас: косули спокойно смотрели на нас, подойдя так близко, что можно было коснуться их рукой, а под ногами шмыгали лисята и зайцы. Мы не знали, позволено ли нам охотиться в лесу, да и рука не подымалась схватить доверчивого зверька, замершего передо мной. Но как-то поутру, когда съестных припасов почти не осталось, мы нашли рядом с догоревшим костром окровавленную кроличью тушку, а на следующий день лесная дева одарила нас куропаткой, так что голода мы не знали.

Странные мысли приходили мне в голову — раньше я не знала, что бывают раздумья, от которых на душе одновременно горько и светло, страшно и радостно. Я без конца размышляла на над тем, что сказал мне когда-то Хорвек: жизнь человека — бурная река, течение которой невозможно остановить ни на мгновение, и краткие мгновения счастья — это всего лишь несколько глотков воздуха, которые удается сделать до того, как пойдешь ко дну, сдавшись на милость течения. Все чаще я ловила себя на мысли, что хотела бы остаться навсегда в этом лесу, день за днем бесцельно идти по его тропам — но мое прошлое превращало эту маленькую, бедную мечту в пыль еще до того, как она успевала обрести хоть какие-то явные черты: разве была бы я счастлива, зная, что так и не попыталась спасти дядюшку, Мике?.. Меня одолевала тоска из-за того, что я становлюсь лишней в жизни Хорвека, но что бы было, не сумеи он измениться?..

Господин Огасто теперь лишь изредка появлялся в моих размышлениях, превратившись в смутную мечту, в неясное видение из прошлого — но оно все еще заставляло мое сердце биться быстрее. «Я люблю его!» — говорила я самой себе с нажимом, словно опасаясь, что в моем сердце вот-вот зародится сомнение. А затем вновь забывала о прекрасном герцоге, увидев пестрокрылую сойку, яркий луч солнца или блеск в глазах Хорвека — явления столь чудесные, столь мимолетные, точь-в-точь тот самый глоток воздуха, который нужно успеть распробовать напоследок...

И наше мирное лесное приключение, как и все другое в жизни, подошло к концу: как-то ближе к вечеру мы увидели просветы между деревьями, и вскоре вышли на опушку. Перед нами простиралась плодородная равнина, еще не позолоченная осенними красками — лето отсюда уходило горзадо позже, чем в Лаэгрии. Границей между землями людей и мрачным лесным королевством служил обрыв, осыпающийся склон, по которому вилась узкая дорога, спускавшаяся к обработанным полям и небольшим деревушкам — они виднелись в зелени крохотных рощиц, подернутые золотистой предвечерней дымкой.

— Ах, как красиво, — вырвалось у меня. — Мирный, богатый край!..

— Да, это Юг, — промолвил Хорвек, внимательно вглядываясь вдаль. — Точнее говоря, его преддверие — Намирия. Где-то поблизости должен найтись тот городок, о котором говорили лесные люди.

И больше он ничего не добавил, сколько ни пыталась я завести разговор о здешних землях — мне хотелось услышать, бывал ли Хорвек здесь раньше и что помнит об этих краях. В историях о прошлом я надеялась обрести ключ к тайнам настоящего. Но бывший

демон тщательно оберегал свои секреты, наверняка считая меня недостойной прикоснуться к ним.

Ответ на кое-какие из своих мысленных вопросов я получила случайно, благодаря встрече с разношерстной компанией — бродячим театром, державшим путь в сторону того же городка, что и мы. Мы наткнулись на этих вечных странников, когда закат расчертил землю багрянцем и черными тенями. Заняв славное место около небольшого озерца в низине, веселые оборванцы готовились к ночлегу.

— Эгей! — пьяно крикнул кто-то, завидев нас, бредущих по дороге. — Ночь на носу! Ежели вы добрые люди — подходите к нашему костру, да расскажите что-то новенькое — тут уж все друг друга знают, как облупленные, скукотища!..

Я уже отвыкла от веселых дорожных знакомств и испуганно замерла, но Хорвек подтолкнул меня в спину, тихо сказав:

— Эта компания ничем не хуже любой другой, почему бы и нет?

Отпив немного дешевого вина, которым нас щедро угостили, я расхрабрилась, и вскоре с жаром рассказывала о несчастьях, которые нас постигли — разумеется, умалчивая при этом, что выпутывались из беды мы при помощи колдовства. Выходило, что от разбойников нас спас случайный пожар, от лесного зверья — милость богов, от голодной смерти — охотничьи умения. Хорвек, менее склонный к пустопорожней болтовне, помалкивал, иногда подтверждая мои слова кивком головы или парой-тройкой тихих замечаний — столь же лживых, как и мои басни. Актерам, видимо, история наших злоключений показалась понятной и близкой, и главный из них, Шутник Гри, радушно предложил нам идти к городу вместе.

Я, раскрасневшись от вина и жара костра, с любопытством рассматривала их скудный обоз: расхлябанная повозка, разукрашенная выцветшими флажками, пара старых мулов да тощая коза, ловко подворовывающая объедки. Наверняка, то была ученая животина, умеющая ходить на задних ногах — мне доводилось видеть таких на ярмарках. Людей при этом бедном скарбе я насчитала то ли шестерых, то ли семерых — две женщины средних лет, одну из которых одолевал сильный кашель весьма дурного свойства, и несколько мужчин, сменявших друг друга у костра. Иногда из повозки вылядывали чумазые детишки, с интересом рассматривавшие Хорвека. Любопытство их было щедро вознаграждено: бывший демон показал им пару магических фокусов — заставил истлеть в пепел кусок бечевки, а затем хлопнул в ладоши и в воздухе вспыхнуло несколько крошечных искрящихся огоньков, впрочем, тут же погасших.

— Это же не колдовство? — с подозрением спросила одна из женщин.

Хорвек с улыбкой заверил ее, что использует исключительно ловкость рук, и к полному восторгу детишек заставил обгоревшее полено из костра повертеться вокруг своей оси.

— Эй, да ты, малый, можешь зарабатывать немалые деньги своими фокусами! — воскликнул восхищенный Гри.

— Плохая затея, — не согласилась с ним та самая женщина, что спрашивала о колдовстве. — В наших краях еще помнят историю с королевой-ведьмой, и от всего, что похоже на магию, здесь лучше держаться подальше. Не в обиду вам, сударь, сказано, но лучше бы вам обучиться ремеслу жонглера.

Хорвек со всей серьезностью обещал поразмыслить над ее словами, и, мало-помалу, все, хмельные и уставшие, разошлись спать, отыскав уголок потише и поуютнее.

Ранним утром бродяги снялись с места, и мы последовали их примеру. Городок, куда

мы направлялись, по словам наших новых спутников именовался Борго. Мне это название ни о чем не говорило, но Хорвек удовлетворенно кивнул и сказал, что мы движемся в верном направлении. Еще до обеденной поры мы прошли через городские ворота, и Веселый Гри, остановив свою колымагу на площади, принялся зазывать горожан.

— Лучшие представления! — кричал он. — Что пожелаете — то и покажем! История о мельнике и бесе! Сказка про разумного свинопаса! Комедии о святых отцах и их чрезмерно верных прихожанках! Прикажете детишкам зажмуриться и заткнуть уши — сыграем перед вами сцены из «Монастырских проказ»... Есть и посерьезнее вещицы — «Три короля на один трон» — столько покойников за раз вы и на местном кладбище не повидаете, все герои только и делают, что мрут! Для тех, кто истосковался по делам сердечным, есть «Альдо и Альдина», три смены платьев у героини — что еще надо для услады глаз? А может быть, вам по сердцу истории помрачнее? Так у нас про запас есть «Белая ведьма» — лучше ничего не придумать!..

Остальные торопливо возводили подобие сцены — дырявый замызганный занавес, дополненный таким же потрепанным фоном, — и натягивали костюмы. Что бы не выбрали сегодня боргийцы из перечня Веселого Гри, наряды у бедных актеров были одни и те же, разве что бесам полагались рога и хвосты, а королям — деревянные короны.

— «Белую ведьму»! — закричал кто-то из небольшой толпы ротозеев, собравшихся на площади, и прочий народ одобрительно загудел.

— Останемся? — с надеждой спросила я у Хорвека: мне всегда были по сердцу бесхитростные площадные представления.

— Останемся? — с надеждой спросила я у Хорвека: мне всегда были по сердцу бесхитростные площадные представления.

— Если ты хочешь, — отчужденно ответил он, и в голосе его мне послышалась покорность, которая овладевает людьми, понявшими, что от судьбы не убежишь. Вовсе не убогий бродячий театр он видел перед собой — но что-то свое, тайное.

Обрадованные неожиданным развлечением, горожане в мановение ока стащили на площадь всякую рухлядь, пригодную для того, чтобы устроить из нее лавки и сиденья. Кто-то сидел на старой бочке, кто-то — на перевернутой корзине, ну а нам достался парапет полуразрушенного старого фонтана.

— Эй, поторапливайтесь, чертовы фигляры! — кричали те, что обустроили себе удобное гнездышко и теперь закономерно опасались, что прибывающие зрители стронут их с места. — До вечера мы ждать не будем!

Фальшиво запищала флейта, за залатанным занавесом послышалось копошение и вот на крошечной сцене появился Гри в пестром блестящем наряде, от которого глазам становилось больно — так что дыры и заплаты на нем замечали лишь самые дотошные и упорные.

— Почтенная публика! — закричал он охрипшим после недавних зазываний голосом. — С безмерным уважением к пожеланиям славных боргийцев, представляем вашему вниманию ужасную и правдивую историю Белой Ведьмы, о которой господа, у которых уж отросла борода, наверняка слыхали от своих дедов и бабок — те повидали страшные времена своими глазами! С той поры прошло без малого сто лет, однако о преступлениях ведьмы, и о каре, которую она понесла, будут помнить и ваши дети, и ваши внуки!

Зрителям понравился напор, с которым обращался к ним Гри, и они простили ему некоторую неразборчивость речи: раздались хлопки и выкрики: «Не тни, показывай треклятую колдунью!».

После небольшой заминки, на сцене появилась одна из актрис, густо измазавшая лицо белилами и нахлобучившая на голову свалывшийся светлый парик. Бесхитростным образом она объявила, что зовут ее Белой Ведьмой, желанна ей одна лишь власть и за нее она готова продать душу демонам из преисподней. «И помощи у ада попросив, я свергну короля к подножью трона!», — истошно взвопила напроследок «ведьма», сорвав слабые аплодисменты — в громкости выкриков горожане-зрители видели признаки старательной работы.

— Белая Ведьма хотела убить здешнего короля? — спросила я у Хорвека, который слушал монолог ведьмы с чуть удивленной насмешливой улыбкой.

— Ты же сама слышала, — ответил он, шутовски изобразив серьезность.

— Думаешь, я не знаю, что истории про прошлое сочиняют люди и привирают они там, где им захочется? — осведомилась я с преувеличенной укоризной. — Словно забыл, что мне пришлось выслушивать Харля с утра до ночи... Вот уж кто был горазд выдумывать! Потому я и спрашиваю у тебя — было ли так на самом деле. И не вздумай говорить, что ты ничего об этом не знаешь!..

— Отчего же... Знаю, хоть многое и позабылось. Все произошло несколько иначе, —

Хорвек снова говорил отчужденно, но обмануть меня было не так-то просто. — Король был слаб, глуп и труслив. Власть его пошатнулась. Зная, что ему не выстоять в одиночку, он призвал себе на помощь чародейку из дальних краев, сделав ее первой среди своих придворных. Она спасла его, сотворив немало темных чудес. Вначале он спрашивал у нее советов и дело шло на лад, а затем ему нашептали, что слишком много стало весить слово чужестранной ведьмы, и он начал вести дела по-своему.

— Слушаться советов ведьмы — это и впрямь дурной способ править своими землями, — проворчала я, с неприязнью глядя на сцену, где один из актеров как раз читал речь короля, безо всякой скромности называя себя мудрейшим и справедливейшим властителем от сотворения мира.

— Без ее советов Его величество быстро утратил то, что сумел недавно отвоевать, — вполголоса продолжил рассказывать Хорвек. — И Белая Ведьма поняла, что стоит его власти пасть, как ее дни сочтены, ведь за то время, что она была при дворе, враги короля стали ее врагами. Она всегда отличалась честолюбием, и хотела власти, а безволие короля подстегнуло ее желания. Белая Ведьма решила, что у нее достанет могущества для того, чтобы занять трон и стать королевой. Зря ты не веришь актерам — они не так уж далеки от истины. Точнее говоря, их истина — именно та, которую готовы слышать эти люди.

На сцену тем временем вытащили холстину с кое-как намалеванным котлом, и «ведьма», взъерошенная от истошных воплей, составлявших всю ее роль, заявила, что собирается призвать себе на помощь короля всех демонов. Откуда-то из-за пазухи она принялась доставать грязные лоскуты, чтобы бросить затем их в котел.

— Сушенная летучая мышь! Дохлая кошка! — кричала она. — Сердце ростовщика! Веревка повешенного! Гадючья чешуя!..

Восторженные зрители в ответ на каждый ее выкрик благодарно кричали: «Фууу! Чтоб ты подавилась этой мерзостью!» и от восторга швыряли на сцену огрызки и корки.

— Но для того, чтобы мое черное колдовство сработало как надо — принесите мне невинное дитя! — тут «ведьма» визгливо расхохоталась, при этом порядком закашлявшись, и ее приспешники, для пущей зловещести оснащенные тряпичными горбами, услужливо подали ей сверток. За занавесом на все голоса выли детишки, которым выпала честь изобразить плач младенца.

— Ох и лютая же ведьма! — потрясенно промолвила женщина, сидевшая неподалеку от нас с Хорвеком.

— Известное дело! Все ведьмы едят младенцев — зубы у них железные, наточенные! — отозвалась ее подруга, сосредоточенно пережевывавшая сдобную булку.

Итак, злополучный младенец отправился в котел, а дети за занавесом, примолкнув, принялись бить камнями по листу жести: королю демонов подобало явиться под раскаты грома.

Почетная эта роль досталась Веселому Гри, и я с трудом узнала его — так обильно лицо ему натерли сажей. Он объяснил, что вылез на свет божий из самой вонючей и глубокой пропасти, на дне которой спрятаны ворота в преисподнюю. «Ослепли б вы, увидев, что за огонь горит в моих печах!» — зловеще проревел он, свирепо уставившись на зрителей, а затем, не мешкая, заключил «ведьму» в объятия, измазав ее сажей.

— Таких красоток нет в моих владеньях, плати за помощь телом и душой!

— Где-то я уже это слыхала, — во власти сильнейшей неловкости пробормотала я, враз утратив желание расспрашивать Хорвека. Что там — я теперь боялась глаза на него поднять,

наконец-то сообразив, что за история сейчас разворачивается перед глазами боргийцев.

Сладострастный демон тем временем осыпал ведьму поцелуями, так что бедняжке пришлось сбежать за занавес, где ее снова намазали белилами, и вернулась она к зрителям уже на сносях — видимо, один из приспешников отдал ей свой прекрасный горб.

— Ношу во чреве порожденье тьмы, проклятое потомство! — последовало объяснение того, что и так было понятно. — Бесстыдно отдалась я в уплату долга своего, став худшей из блудниц — бесовской шлюхой, но буду тем горда, ведь не чтит отродь я божьего закона!..

— Гореть тебе в аду! — заулюлюкали зрители. — И твоему ублюдку — тоже!

Впервые мне не хотелось досматривать представление, хоть оно и удалось на славу — горожане от восторга топали ногами по земле. Но уйти я не решалась — ведь для этого нужно было обратиться к Хорвеку, а мне недоставало храбрости для того, чтобы посмотреть сейчас ему в глаза.

События на сцене, тем временем, становились все более драматическими: к королю прибыли славные благочестивые мужи, каждый из которых разразился речью, в которой перечислялись преступления колдунов. Король, уличенный в том, что прибежал к помощи чародейки, стыдился, каялся и клялся, что никогда не позволит ведьме преступить порог дворца.

— Спешу, светлейший, иль пожрет тебя гиена!

— Рази безжалостно дурную гниль!

— Растит она чудовище, которое пожрет твой род!

Вновь загромыхал лист жести, теперь предвещая битву. Король, вооруженный деревянным мечом, не знавшим поражений, ворвался в дом ведьмы — обо всем этом подробно говорилось в его речи, ведь, честно сказать, из-за убогих декораций немудрено было запутаться, кто и к кому пришел. Ведьма, увидав оружие, благословенное благочестивейшими из людей, лишилась колдовского дара и ее опутали цепями. Ведьминское отродье изображал один из мальчишек, точно так же измазанный сажей, как и Гри — слов ему не досталось, и бедняга издавал звуки, более всего напоминавшие кошачий вой по весне.

— Ублюдка чародейки — в окно, на пики! — приказал король, и актеры, хитрым образом подменив корчащегося мальчишку на чучело из соломы, бросили куклу куда-то вниз.

— Все помнят, что стало с сыном демона? — Гри, частично стерший с лица сажу, теперь вернулся к роли рассказчика. — Солдаты короля швырнули его вниз, и он упал на железную ограду, пробившую его гнилое нутро насквозь!

— Да, так и было! — согласно закричали зрители, и их глазам явилось подобие забора из нескольких кольев, на которых повисло распотрошенное чучело.

— Поделом сыну ведьмы и демона! Так он висел до самого рассвета, истекая кровью, а когда первый луч солнца коснулся его — тело рассыпалось в прах! А ведьму пытали и приговорили к смерти на костре — смотрите!

Занавес был отдернут, и оказалось, что там уже занимается костер, наспех разложенный вокруг еще одной соломенной куклы, обряженной в платье из старого мешка. Неожиданный ход этот имел успех — многочисленные дети, взвизгнув, вскочили с мест и побежали к огню, чтобы водить хоровод. За ними поторопились и взрослые, ведь праздничные костры манят каждого. Актеры, не переменяв одежды, бегали взад-вперед, подставляя шапки, и довольные горожане щедро швыряли туда сразу по несколько медяков. «Ведьме» везло

больше прочих — она собирала деньги в декольте, оттягивая ворот платья так низко, что редко какой боргиец мог устоять перед ее просьбами.

Но веселье не затянулось надолго — густой дым, поваливший от горящей соломы, привлек внимание стражи, и вскоре площадь огласилась гневными криками: «Кто разрешил?.. Где дозволение?..».

Я все так же продолжала сидеть на парапете, не зная, что сказать Хорвеку, разглядывавшему с отсутствующим видом суету около костра.

Больше книг на сайте — Knigolub.net